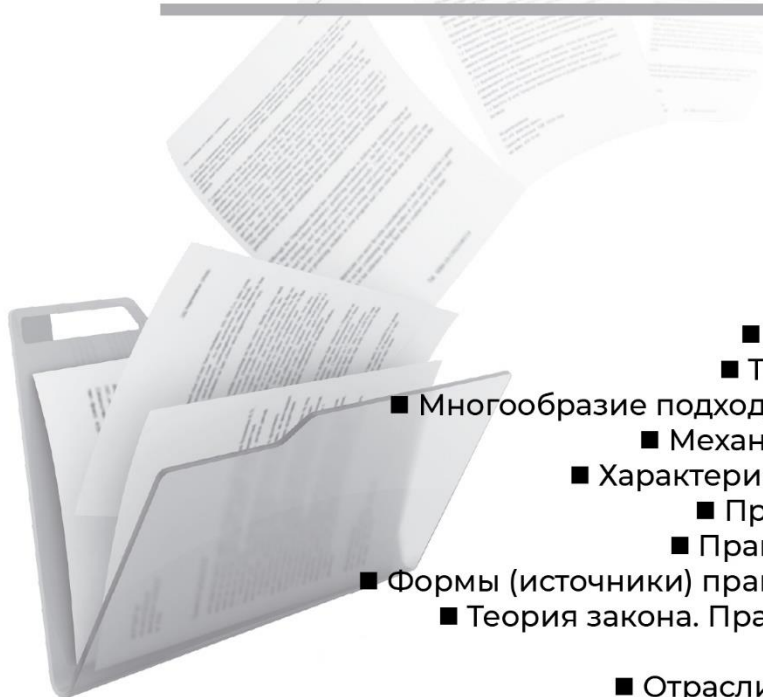

ISSN 2500-3674

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

- Онтология и гносеология права
- Теория обычая и обычного права
- Многообразие подходов к вопросам правопонимания
- Механизмы правового регулирования
- Характеристика моделей правовых систем
- Право в системе социальных норм
- Правосознание и правовая культура
- Формы (источники) права. Нормативные правовые акты
- Теория закона. Права человека как источник права
- Система и структура права
- Отрасли, подотрасли и институты права
- Правотворчество и законодательный процесс
- Применение правовых норм

№8-2024

Журнал «ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ» издается с 2016 года.

В журнале публикуются результаты научных исследований, суть которых состоит в глубоком познании права, государства и других юридических или экономических явлений. Среди авторов журнала российские и зарубежные исследователи (доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, студенты), и специалисты-практики (судьи, работники прокуратуры, адвокаты, нотариусы, экономисты, банковские служащие, государственные и муниципальные служащие, историки, философы). Широкая специализация журнала позволяет публиковать на его страницах статьи, обзоры, отзывы, рецензии и другие материалы, содержащие в себе новые теории познания всех отраслей юридической науки, экономической, а также материалы, содержащие результаты междисциплинарных исследований.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Приоритетные задачи издания:

- популяризация научной деятельности в российской высшей школе;
- ознакомление научного сообщества с передовыми результатами исследовательской активности в профильных областях знаний и обмен опытом с зарубежными коллегами и учеными из стран СНГ;
- актуализация современных научных воззрений на проблематику в сфере прикладной и фундаментальной науки, применительно к тематической специализации издания – теория государства и права, правоприменение и правотворчество;
- продвижение перспективных и научно-исследовательских разработок, связанных с предметной областью издания.

Разделы и рубрики журнала:

- теория и история права;
- конституционное право, конституционный судебный процесс;
- муниципальное право;
- актуальные вопросы частного права;
- уголовное право и процесс, уголовно-исполнительное право;
- судебно-экспертная деятельность;

- оперативно-розыскная деятельность и криминалистика;
- административное право, административный процесс;
- адвокатская дело;
- теория и история философии права;
- социальная и политическая философия;
- философия культуры;
- философия науки и техники;
- экономика и управление народным хозяйством;
- основы экономической безопасности;
- экономические преступления и методы их профилактики и противодействия;
- вопросы обеспечения национальной безопасности.

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25.

Периодичность выхода: 8 выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN):
2500-3674.

Настоящее издание включено в Перечень ведущих научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными приказом Минобрнауки России (дата включения в перечень ВАК – 19.12.2023г.), журнал также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Кудинов Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) (Москва)

Денисова Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Калюжный Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России (Москва)

Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры управления ОВД в особых условиях ЦКШУ Академии управления М В Д России (Москва)

Ключко Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор общеинститутской кафедры психологии образования

Института педагогики и психологии образования, Московского городского педагогического университета. (Москва)

Либанова Светлана Эдуардовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Лукьянчикова Людмила Владимировна, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Мухина Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, эксперт в области экономической безопасности и региональной экономики, почетный работник сферы образования Российской Федерации (Москва)

Назипова Гульчачак Рахимзяновна, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, доктор исторических наук, член ИКОМ (Международного Совета музеев) России, член Правления Совета музеев ПФО, член НП АД ИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»), член НП «Национальный Союз Экспертов», эксперт по культурным ценностям, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры (Казань)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва)

Рудаков Анатолий Валерьевич, доктор политических наук, Главный эксперт научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Синицын Олег Владимирович, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), Заслуженный профессор Казанского университета, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Казань)

Спектор Асия Ахметовна, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Российский университет транспорта (МИИТ) (Москва)

Субетто Александр Иванович, профессор, кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры Истории религии и теологии РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ

Ульянов Олег Германович, доктор исторических наук, Профессор, Академик Российской Академии Естествознания, Историк, искусствовед, археолог. (Москва)

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (Краснодар)

Храмцова Флюра Ибрагимовна, дважды доктор политических наук – России, Белоруссии, профессор политологии, кандидат педагогических наук, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института государственной службы, главный научный сотрудник НИИ Теории и практики государственного управления той Академии управления

EDITOR-IN-CHIEF OF THE JOURNAL

Kudinov Vladimir Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities Department of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Vinokurov Alexander Yuryevich, Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and International arbitration courts (arbitrations) (Moscow)

Denisova Anna Vasilyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Judicial Systems and Criminal Law Department at the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov)

Kalyuzhny Yuri Nikolaevich, Doctor of Law, Professor of the Management Department of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Kireev Mikhail Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Internal Affairs Management in Special Conditions Department of the Central Research School of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Klyuchko Olga Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor of the General Institute Department of Educational Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University. (Moscow)

Libanova Svetlana Eduardovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Constitutional Law Department, Ural State Law University (Yekaterinburg)

Lukyanchikova Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department of the Higher School of Jurisprudence Department of the Faculty of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Mukhina Elena Gennadievna, Doctor of Economics, Associate Professor, expert in the field of economic security and regional economics, Honorary Worker of education of the Russian Federation (Moscow)

Nazipova Gulchachak Rahimzyanovna, Professor of the Museology Department, Cultural Studies and Art History, Doctor of Historical Sciences, member of the ICOM (International Council of Museums) of Russia, member of the Board of the Council of Museums of the Volga Federal District, member of Automation of Museum Activities and Information Technologies, member of National Union of Experts, expert on cultural values, Honored Worker Culture of the Republic of Tatarstan, Kazan State Institute of Culture (Kazan)

Redkous Vladimir Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Rudakov Anatoly Valerievich, Doctor of Political Sciences, Chief Expert of the Research Center for the Study of National and International Security Problems at the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Sinitsyn Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Department of Historical and Social Studies Education (based on the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences), Honored Professor of Kazan University, Honored Worker of Higher Education of the Republic of Tatarstan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Kazan)

Spector Asia Akhmetovna, Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian University of Transport (Moscow)

Subetto Alexander Ivanovich, Professor, Department of Social Sciences, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of History of Religion and Theology of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation

Ulyanov Oleg Germanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Historian, art historian, archaeologist (Moscow)

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)

Khramtsova Flura Ibragimovna, twice Doctor of Political Sciences – Russia, Belarus, Professor of Political Science, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Institute of Public Administration, Chief Researcher at the Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of that Academy of Management

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Дудченко Оксана Сергеевна. КОНСТИТУЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ОРГАН ГОСУДАРСТВА», «ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ» И «ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ» В 1920-Х ГГ. 16

Лантух Эдуард Владимирович, Бородин Михаил Павлович, Рубцов Сергей Николаевич, Кижеватов Михаил Алексеевич. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ 24

Томилова Инга Игоревна. К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ТИПОЛОГИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 31

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Гезгиев Магомед Аюпович. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 39

Коноваленко Ольга Леонидовна, Хабуда Евгения Сергеевна. ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 47

Паршина Анна Александровна. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 55

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Кудрявцева Вера Павловна. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ – СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СТАТУСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ И НОВЫХ ВЫЗОВОВ 65

Лантух Наталия Викторовна, Рубцов Сергей Николаевич, Бородин Михаил Павлович, Кижеватов Михаил Алексеевич. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕДР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РФ И США (ШТАТ ТЕХАС) 77

Ноздрина Наталья Александровна, Ягунова Екатерина Евгеньевна. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ОБРАЗОВАНИЮ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 87

Шипков Никита Антонович. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ И КОММЕРЧЕСКИЕ СДЕЛКИ (ДОГОВОРЫ) В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ И ВИДЫ 94

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Азимов Эльдар Мехтиярович, Буточникова Татьяна Александровна. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 101

Азимов Эльдар Мехтиярович, Колесник Иван Дмитриевич. ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ ТРАВЛИ, КАК ПРОТИВОПРАВНОГО ЯВЛЕНИЯ 113

Александров Александр Николаевич, Жукова Наталья Алексеевна, Денисов Леонид Викторович. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИДАНИЯ ЛИЦУ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПУТЕМ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ 121

Алексеев Юрий Александрович. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАРУШАЮЩИХ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 133

Алексеев Юрий Александрович. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАРУШАЮЩИХ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ 142

Зеленская Ольга Олеговна. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ 151

Иликбаева Евгения Сергеевна. К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «СКУЛШУТИНГ» И «КИБЕРБУЛЛИНГ» 162

Искалиев Равиль Гарифуллаевич, Кокорин Антон Викторович. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ 169

Курносова Галина Сергеевна. ПУТИ РАЗВИТИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ В КОНТЕКСТЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ 179

Логинов Евгений Александрович, Садовников Олег Николаевич. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОНТРАБАНДОЙ НАРКОТИКОВ 186

Морозова Дарья Александровна, Балувев Артём Сергеевич, Жога Елена Юрьевна. ГЕНЕЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	196
Нечаев Владимир Викторович, Теренков Игорь Евгеньевич, Радченко Марине Эдуардовна. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА	204
Смирнов Иван Андреевич. ОЦЕНКА ИСПРАВЛЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХСЯ ОСУЖДЕННЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ (КРИТЕРИИ И СТЕПЕНИ)	211
Усейнов Мирас Исмаилович. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ	220
Цапанова Светлана Сергеевна. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ С ИНЫМИ МЕРАМИ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ	226
Чернышенко Евгения Валериевна. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	234

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Dudchenko Oksana Sergeevna. THE CONSTITUTIONAL DEFINITION OF THE CONCEPTS OF "ORGAN OF THE STATE", "ORGAN OF STATE POWER" AND "ORGAN OF STATE ADMINISTRATION" IN THE 1920S. 16
- Lantukh Eduard Vladimirovich, Borodin Mikhail Pavlovich, Rubtsov Sergey Nikolaevich, Kizhevatov Mikhail Alekseevich. HISTORICAL DEVELOPMENT OF RELIGIOUS AND LEGAL NORMS IN FAMILY LAW 24
- Tomilova Inga Igorevna. ON THE ISSUE OF THEORETICAL APPROACHES TO THE TYPOLOGY OF LEGAL SYSTEMS: HISTORICAL ASPECT 31

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Gezgiev Magomed Ayupovich. CURRENT ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INHERITANCE LAW AT THE PRESENT STAGE 39
- Konovalenko Olga Leonidovna, Khabuda Evgeniya Sergeevna. REMOTE WORK: SOME PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION 47
- Parshina Anna Alexandrovna. THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONALITY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS 55

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Kudryavtseva Vera Pavlovna. THE CONCLUSION OF PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES ON CASES IN CIVIL PROCEEDINGS - THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF STATUS IN THE CONTEXT OF MODERN REALITIES AND NEW CHALLENGES 65
- Lantukh Natalia Viktorovna, Rubtsov Sergey Nikolaevich, Borodin Mikhail Pavlovich, Kizhevatov Mikhail Alekseevich. LAND OWNERSHIP AND ITS RESTRICTIONS IN RELATION TO THE SUBSOIL: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA (TEXAS) 77
- Nozdrina Natalia Alexandrovna, Yagunova Ekaterina Evgenievna. THE EVOLUTION OF ACCESS TO EDUCATION FOR TALENTED YOUTH: LEGAL ASPECTS 87

Shipkov Nikita Antonovich. BUSINESS AND COMMERCIAL TRANSACTIONS (CONTRACTS) IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL PROPERTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: CORRELATION AND TYPES	94
CRIMINAL LAW SCIENCES	
Azimov Eldar Mehdiyrovich, Butchnikova Tatiana Alexandrovna. COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES AS A CRIME PREVENTION TOOL: CURRENT PROBLEMS AND SOLUTIONS	101
Azimov Eldar Mehdiyrovich, Kolesnik Ivan Dmitrievich. GENERAL ANALYSIS OF THE ISSUES OF BULLYING PREVENTION AS AN ILLEGAL PHENOMENON	113
Alexandrov Alexander Nikolaevich, Zhukova Natalia Alekseevna, Denisov Leonid Viktorovich. CURRENT ISSUES OF GIVING A PERSON THE PROCEDURAL STATUS OF A SUSPECT BY CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE	121
Alekseev Yuri Alexandrovich. FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE ELEMENTS OF CRIMES THAT VIOLATE THE RIGHTS TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY	133
Alekseev Yuri Alexandrovich. FEATURES OF THE OBJECT OF CRIMES VIOLATING THE RIGHTS TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND MEANS OF INDIVIDUALIZATION	142
Zelenskaya Olga Olegovna. PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE RELEASE OF CONVICTS FROM PUNISHMENT DUE TO ILLNESS	151
Ilikbaeva Evgeniya Sergeevna. ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR "SCHOOLSHOOTING" AND "CYBERBULLYING"	162
Iskaliyev Ravil Garifullaevich, Kokorin Anton Viktorovich. THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN COUNTERING ECONOMIC CRIMES	169
Kurnosova Galina Sergeevna. WAYS TO DEVELOP EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTS IN THE CONTEXT OF PENITENTIARY PROBATION	179
Loginov Evgeny Aleksandrovich, Sadovnikov Oleg Nikolaevich. THE ROLE AND IMPORTANCE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS IN THE FIELD OF COMBATING DRUG SMUGGLING	186
Morozova Darya Alexandrovna, Baluyev Artem Sergeevich, Zhoga Elena Yurievna. THE GENESIS OF THE FORMATION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AND ENSURING THEIR IMPLEMENTATION IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES	196

Nechaev Vladimir Viktorovich, Terenkov Igor Evgenievich, Radchenko Marina Eduardovna. ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF INTERACTION BETWEEN SOCIAL ACTORS AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE MECHANISM OF PREVENTING YOUTH EXTREMISM	204
Smirnov Ivan Andreevich. ASSESSMENT OF CORRECTION OF POSITIVELY CHARACTERIZED CONVICTS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES (CRITERIA AND DEGREES)	211
Useynov Miras Ismailovich. CURRENT ASPECTS OF MIGRATION LEGISLATION IN RUSSIA	220
Tsapanova Svetlana Sergeevna. THE INTERACTION OF CRIMINAL PENALTIES WITH OTHER LEGAL MEASURES IN WARTIME CONDITIONS	226
Chernyshenko Evgeniya Valerievna. THE LEGAL MECHANISM FOR CHANGING THE CONDITIONS OF SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT	234

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.51.09

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ОРГАН ГОСУДАРСТВА», «ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ» И «ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ» В 1920-Х ГГ.

Дудченко Оксана Сергеевна

Доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры истории,
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет
– МСХА имени К.А. Тимирязева»,
г. Москва, Россия
SPIN-код: 5475-8370

Статья посвящена сравнительному анализу терминологических отличий понятий «орган государства», «орган государственной власти» и «орган государственного управления» в нормативно-правовых актах Советского государства в 1920-х гг. Автором проанализированы нормы Конституции Союза Советских Социалистических Республик и республиканских конституций 1920-х гг. (Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Белорусской Социалистической Советской Республики и Украинской Социалистической Советской Республики) относительно характеристики органов государственной власти и управления. Сделан вывод, что о параллельном использовании в конституциях терминов «орган государственной власти», «орган советской власти» и «орган власти». Под понятием «орган советской власти» следует понимать орган государственной власти и управления,

конституционно-правовой статус которого закреплен в конституции или в конституционном нормативно-правовом акте.

Ключевые слова: государственное управление, конституция, орган государства, орган государственной власти, орган государственного управления, правительство.

Для полного и объективного осмысления проблем реформирования органов государственной власти и управления важно значение имеет анализ эволюции и соотношения понятий «орган государства», «орган государственной власти» и «орган государственного управления» в советских конституциях 1920-х гг.

Конституция РСФСР принята V Всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г. и вступила в силу 19 июля 1918 г. «Этот основной закон «...» должен быть опубликован всеми местными органами Советской власти...», –отмечается в преамбуле к ней. В статье 7 содержится упоминание об «органе власти», под которым понимался любой орган государственной власти, а «власть» принадлежала «целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству – Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [1, с. 142].

Статьей 11 закреплялись статус и место «областных съездов советов и их место в *«органе власти»*, под которым понимался любой орган государственной власти, а «власть» принадлежала *исполнительным органам*». А уже в статье 12 отмечается, что верховная власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит Всероссийскому съезду Советов, а в период между съездами – Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов [1, с. 145].

Раздел III Конституции РСФСР 1918 года посвящен «конструкции советской власти». В частности, часть А раздела III Конституции РСФСР 1918 года называлась «Организация центральной власти» и содержала статьи, закреплявшая структуру и полномочия центральных органов власти. В статье 24 отмечалось, что Всероссийский съезд провозглашался «*высшей властью*» РСФСР [1, с. 147]. А уже дальше, в Основном законе РСФСР 1918 г. указывается, что «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов является *высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом* Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [1, с. 148]. Итак, мы можем констатировать об использовании понятия «орган». Статья 32 содержит положения, что Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов «дает общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства и всех органов Советской власти в стране, объединяет и согласовывает работы по законодательству и управлению и наблюдает за проведением в жизнь Советской Конституции, постановлений Всероссийских Советов и *центральных органов Советской власти*» [1, с. 148].

Согласно статье 54 Конституции РСФСР 1918 года «Съезды Советов созываются соответствующими по территории исполнительными органами Советской власти (исполнительными комитетами)» [1, с. 152]. Глава 12 называлась «О предметах ведения органов советской власти на местах». В статье 61 указано, что «Областные, губернские, уездные и волостные органы Советской власти...» [1, с. 153].

Статьей 63 предполагалось, что «для выполнения возложенных на органы Советской власти задач при Советах (городских и сельских) и исполнительных комитетах (областных, губернских, уездных и волостных) образуются соответствующие отделы во главе с руководителями» [1, с. 153].

Таким образом, можем констатировать использование в Конституции РСФСР 1918 года понятия «орган советской власти». Однако, несмотря на официальное применение, его содержание в нормативно-правовых актах РСФСР не раскрывалось.

Статьей 23 Социалистической Советской Республики Белоруссии (далее – ССРБ) предполагалось, что «Центральный Исполнительный Комитет Белоруссии является высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом СРРБ» [2]. В статье 24 Основного закона ССРБ 1919 г. употреблялись понятия «орган Советской власти» и «центральные органы советской власти». Итак, Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии от 03 февраля 1919 г. продублировала положения Конституции РСФСР 1918 г. [1, с. 187–190]. Дополнениями к Конституции ССРБ, принятыми II съездом Советов ССРБ 14–17 декабря 1920 г., предполагалось, что «Съезд советов Белоруссии, опираясь на декларации ССРБ, постановляет создать центральные органы Советской власти ССРБ, «...» Съезд Советов Белоруссии является высшим органом власти в Республике» [3]. Закрепляя систему органов власти, в изменениях к Конституции ССРБ 1920 г. предполагалось, что «ЦИК Белоруссии в период между съездами Советов является высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом на территории ССРБ» [1, с. 252]. Определяя компетенцию ЦИК Белоруссии, указанным нормативно-правовым актом предусматривалось, что «ЦИК Белоруссии дает общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского правительства и всех органов Советской власти в стране, объединяет и согласовывает ... по законодательству и управлению и наблюдает за воплощением в жизнь Советской Конституции, постановлений Всероссийских съездов Советов, съездов Советов Белоруссии и постановлений центральной власти» [1, с. 252]. Таким образом, в Конституции ССРБ 1919 г. и в дополнениях к ней 1920 г., дублируя положения Конституции РСФСР 1918 г., употреблялось понятие «орган советской власти» и определялась их система. Кроме того, важно было закрепление дополнениями к Конституции ССРБ 1920 г., соблюдение органами государственной власти и управления Социалистической Советской Республики Белоруссии постановлений Всероссийских съездов советов, что, в свою очередь, свидетельствует о подчинении органов ССРБ, на начальном этапе законодательству РСФСР, а позже, с образованием Советского Союза, – союзного.

В Конституции Украинской Социалистической Советской Республики (далее – УССР), принятой 14 марта 1919 года Всеукраинским центральным исполнительным комитетом, употреблялись понятия «орган», «орган власти», «органы советской власти». В частности, согласно ст. 5 Конституции УССР 1919 г., «власть работающих масс ... осуществляется через Советы Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов и *другие органы власти* по определению Советов» [4].

В ст. 7 Конституции УССР 1919 г. указано, что «Центральная Советская власть имеет свои *органы*, а именно: 1) Всеукраинский съезд Советов рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов; 2) Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет Советов; 3) Совет Народных Комиссаров» [4]. Понятие «органы советской власти» употреблялось в Конституции УССР 1919 г. при раскрытии структуры органов местной власти. В частности, согласно ст. 18 «*органами советской власти*» были: а) Советы Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов (городские и сельские), а также избранные ими исполнительные комитеты (исполкомы); б) съезды советов (губернские, уездные и волостные), а также избранные ими исполнительные комитеты (исполкомы) [4].

Важным шагом в формировании советской системы органов государственной власти и управления было принятие 31 января 1924 г. Конституции СССР, которая уже на общесоюзном уровне закрепила использование понятия «орган власти» и его этимологию [5]. Проанализировав ее положение, мы можем выделить употребление такого понятийного аппарата, в частности, «верховные органы» (статьи 1, 8); «орган власти (статьи 20, 24, 26, 29, 30, 33); законодательный, исполнительный и распорядительный орган власти (статья 29); «исполнительный и распорядительный орган» (статья 37); «верховный орган власти» (статьи 64, 65); высшие органы власти (статья 66); «исполнительные органы – Советы Народных Комиссаров» (статья 67) [6]. Кроме того, следует отметить, что в отличие от предыдущих конституций, в Конституции СССР 1924 г. не используется понятие «орган советской власти».

Итак, согласно ст. 5 Конституции СССР 1924 г. союзные республики, в соответствии с Основным законом СССР 1924 г., должны были внести изменения в свои действующие конституции или принять новые. Как следствие, 11 мая 1925 года была принята Конституция РСФСР. В частности, в Основном законе РСФСР 1925 г. употребляется понятие «верховные органы» (в статьях 11, 19, 28 – в отношении органов власти СССР и в статьях 13, 17 – в отношении органов власти РСФСР). Согласно ст. 24 Всероссийский центральный исполнительный комитет в пределах, предоставленных ст.ст. 3, 17 и 18 Конституции РСФСР, провозглашался «*верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики*». Статьей 27 предполагалось, что в период меж сессиями ВЦИК «*высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти*» РСФСР был Президиум ВЦИК. В части о компетенции Всероссийского центрального исполнительного

комитета употребляется понятие «государственные органы» в отношении всех органов власти, предусмотренных Конституцией РСФСР (статья 24).

Следует обратить внимание, что в Конституции РСФСР 1925 г. использовалось понятие «орган государственной власти». Так, согласно статье 44 «*органы государственной власти*» в автономных советских социалистических республиках и автономных областях образовывались на основе Конституции РСФСР из местных советов, их съездов, исполнительных комитетов, областных и центральных исполнительных комитетов. «*Высшим органом государственной власти*» в пределах территории каждой автономной советской республики были съезды советов республики, а в период между съездами – избранный ими центральный исполнительный комитет, права которого определялись конституцией каждой автономной советской социалистической республики (статья 45 Конституции РСФСР 1925 г.) [7].

Анализ содержания Конституции РСФСР 1925 г. дает основание сделать вывод об употреблении понятия «органы советской власти» (например, п. а ст. 52) и «высшие органы советской власти» (например, п. в ст. 64) [8].

Следовательно, постановлением IX Всеукраинского съезда советов «Об изменении Конституции Украинской Социалистической Советской Республики» № 302 от 10 мая 1925 года Конституция УССР 1919 г. была приведена в соответствие с союзной конституцией [9, с. 517–526].

В указанном постановлении употреблялись такие понятия, как высшие органы, центральные и местные органы власти, орган власти, распорядительный и исполнительный орган, органы советской власти и местах. К примеру, согласно ст. 7 «высшим органом власти УССР является Всеукраинский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, а во времена между Съездами – Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет. В период между сессиями Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, *высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом УССР* является Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, который избирает Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет» [9, с. 517–526]. Статьей 9 вышеупомянутого постановления предусматривалось внесение изменений в статью 13 Конституции УССР 1919 года, в частности, Совет Народных Комиссаров УССР «является распорядительный и исполнительный орган Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и в пределах предоставленных ему Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом прав и издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории УССР» [9, с. 517–526]. Кроме того, статья 18 Конституции УССР 1919 г. была изложена в следующей редакции: «*органы Советской власти* на местах есть: а) Советы Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов (городские и сельские); б) Съезды Советов (окружные и районные), и избранные ими

Исполнительные Комитеты (Исполкомы)» [9, с. 517–526]. И так, как мы видим, в Конституции УССР в редакции 1925 года еще остается понятие «орган советской власти» в отношении местных органов власти.

15 мая 1929 XI Всеукраинским съездом советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов была принята Конституция УССР, что было обусловлено юридическим оформлением образования Советского Союза как федерации и принятием Конституции СССР 1924 года. В соответствии с Конституцией УССР в 1929 году состоялось реформирование системы органов государственной власти УССР. Анализ положений Конституции УССР 1929 г. свидетельствует о параллельном использовании понятий «орган государственной власти», «орган советской власти» и «орган власти». Раздел II Конституции УССР 1929 г. называется «Организация советской власти. *Органы центральной власти*». Согласно ст. 22 Конституции УССР 1929 года «*верховным органом власти ... есть Всеукраинский Съезд Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*» [8]. В период между Всеукраинскими Съездами Советов «*верховным законодательным, распорядительным и исполнительным органом власти*» УССР провозглашался Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет, ответственный перед Всеукраинским Съездом Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. В периоды между сессиями ВУЦИК «*высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти*» УССР был Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Раскрывая законотворческую деятельность Президиума ВУЦИК, в ст. 35 Конституции УССР в 1929 году употребляется понятие «государственные органы» как синоним к понятию «орган власти». Совет Народных Комиссаров УССР, который в соответствии со статьей 7 Конституции УССР 1919 года, принадлежал к центральным органам власти, согласно статье 38 Конституции УССР 1929 года, признавался как «распорядительный и исполнительный орган Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета», который осуществлял общее управление УССР [10]. *Органами советской власти* на местах были: а) советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; б) съезды советов и избранные ими исполнительные комитеты (исполкомы) [10]. Таким образом, Конституция УССР 1929 г. в отношении местных органов государственной власти продолжает использовать понятие «орган советской власти». Кроме того, в Конституции УССР 1929 г. был впервые на соответствующем уровне применено понятие «государственное управление».

Таким образом, под понятием «орган советской власти» следует понимать орган государственной власти и управления, конституционно-правовой статус которого закреплен в конституции или в конституционном нормативно-правовом акте.

ЛИТЕРАТУРА

1. История советской Конституции (в документах): 1917–1956 гг. Москва: Госюриздат. – 1957. – 1046 с.
2. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии. (Принята I съездом Советов БССР). 1919 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyu-nae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda/> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 01.12.2024)
3. Очерки по истории государства и права Белорусской ССР. Вып. I. Мн., 1958. С. 213-216.
4. Конституция Украинской Социалистической Советской Республики (Основной Закон). – Киев: Всеукраинское издательство при В.Ц.И.К. Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. – 1919. – 24 с.
5. Дудченко О.С. Правовой статус коллегий народных комиссариатов УССР в 1920-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (2) (2012): История. Литературоведение. Право. Языкознание. Брянск: РИО ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». – 2012. – С. 191–194.
6. Конституция СССР от 31 января 1924 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения 18.05.2024)
7. Козлов Ю. М. Исполнительная власть: сущность, функции // Вестник Московского государственного университета. Серия право. – 1992. – № 4. – С. 3–12.
8. Конституция РСФСР 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. – 1925. – № 30. – Ст. 218.
9. О деятельности Правительства Союза ССР: Постановление IX Всеукраинского съезда советов № 303 от 10 мая 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины. 04 мая 1925 г. – Ч. 47. – Ст. 302. – С. 526–527.
10. Конституция Украинской Социалистической Советской Республики (Основной Закон) 1929 г. // Известие Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. – 23 июня 1929 г. – № 43.

**CONSTITUTIONAL DEFINITION OF THE CONCEPTS
OF «STATE BODY», «STATE AUTHORITY BODY»
AND «STATE ADMINISTRATION BODY» IN THE 1920S**

Dudchenko O.S.

The article is devoted to a comparative analysis of the terminological differences between the concepts of «state body», «state authority» and «state administration body» in the normative legal acts of the Soviet state in

the 1920s. The author analyzed the norms of the Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics and the republican constitutions of the 1920s (the Russian Socialist Federative Soviet Republic, the Byelorussian Socialist Soviet Republic and the Ukrainian Socialist Soviet Republic) regarding the characteristics of state authorities and administration. It is concluded that the terms «state authority», «Soviet authority» and «authority» are used in parallel in the constitutions. The concept of «Soviet authority» should be understood as a state authority and administration body whose constitutional and legal status is enshrined in the constitution or in a constitutional normative legal act.

Keywords: public administration, constitution, state body, state authority, state administration body, government.

УДК 348.01/.07

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Лантух Эдуард Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации

Бородин Михаил Павлович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
SPIN-код: 1543-2447

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
SPIN-код: 3553-6855

Кижеватов Михаил Алексеевич

Юрист, АО «МАГЭ»

В статье рассматриваются аспекты правового регулирования, связанных с браком и семьёй, а также роль религиозных норм в их регламентации. Подчёркивается значение взаимодействия юридических и религиозных норм как инструментов социального регулирования. Анализируются положения Семейного кодекса РФ, ГК РФ, и религиозных источников, таких как Библия и Коран, в части определения брака, семейных обязательств и разрешения внутрисемейных конфликтов. Особое внимание уделяется сравнительному анализу светских и религиозных норм, их влиянию на правосознание и повседневные семейные отношения. Делается вывод, что включение религиозных норм в правовое регулирование семейной сферы демонстрирует их ценность как дополнительного инструмента, способного укрепить семейные устои и сохранить традиционные ценности. Уважение к религиозным традициям, вместе с соблюдением

принципов законности и равенства, формирует основу гармоничного развития общества и способствует укреплению правовой культуры.

Ключевые слова: семейное право, религиозные нормы, брак, Семейный кодекс РФ, правовое регулирование, морально-этические нормы, алиментные обязательства, квазибрачные отношения, Коран, Библия.

Сферу правового регулирования образуют те отношения, что формируются в результате сложного взаимодействия между обществом и отдельными его членами, обусловленного социальной активностью и повседневной жизнедеятельностью каждого человека. Эти отношения определяются как объект правового воздействия, находящего своё выражение в системе норм, регулируемых государством посредством юридических методов. Применяя данные инструменты, государство обеспечивает не только стабилизацию и упорядочивание общественных связей, но и создание условий для гармоничного существования общества в целом. В результате формируется правовая культура, которая становится основой для поведения индивида, его социальной адаптации и участия в общественной жизни.

Правосознание, являясь важным элементом правовой культуры, в различных сферах проявляется с разной степенью интенсивности и разнообразия [5]. Наибольшую вариативность демонстрируют межличностные отношения, где особенности восприятия норм и их применения тесно связаны с субъективными характеристиками участников. Такие отношения часто выходят за рамки формального правового регулирования, включая в себя морально-этические категории, культурные традиции и религиозные убеждения.

Религиозные нормы, в свою очередь, представляют собой одну из древнейших форм социального регулирования, которая по сей день сохраняет свою актуальность в некоторых сферах общественной жизни. Они тесно переплетены с морально-этическими ценностями и традициями, которые формировались веками, определяя правила поведения и взаимной ответственности. Такие нормы не только дополняют правовую систему, но и часто служат её основой, задавая ценностные ориентиры, которые обеспечивают стабильность и устойчивость общественного порядка. Юридические и религиозные нормы – это связанные между собой инструменты социального регулирования [6].

В России основным законом, на уровне которого регулируются семейные и брачные отношения, является Семейный кодекс РФ. Эти же отношения регулируются отдельными положениями ГК РФ, НК РФ, ГПК РФ, ЖК РФ и ТК РФ, отдельными федеральными законами.

Главными же источниками религиозных норм в правовых институтах авраамических религий, распространенных в нашей стране, являются священные писания христианства и ислама. Российский законодатель прямо не определяет, что такое брак и семья. В то же

время в ч. 3 ст. 1 СК РФ сформулировано следующее положение: «регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи» [1].

А в ч. 2 ст. 1 СК РФ сформулировано следующее положение: «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния». Ч. 2 ст. 10 СК РФ развивает эту формулировку: права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния» [1].

С учетом заявленного выше брак может рассматриваться как способность к приобретению и осуществлению гражданских прав, в то же время как способность создавать гражданские обязанности, исполнять их. До 1917 г. в России не было легального понятия «гражданский брак», использовался альтернативный термин – «церковный брак». Декрет «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. признал только гражданские браки [12].

Сведения о браках, заключенных в соответствии с религиозными обрядами, с соответствующей для них регистрацией, могут применяться в качестве доказательства вступления в брак в судебном порядке. На уровне религиозных институтов брак определяется не только в качестве союза мужчины и женщины, но и задается его морально-этическое содержание. Примером такого морально-этического содержания является понимание брака в христианской традиции как союза, основанного на любви, взаимоуважении и жертвенности. В Евангелии от Матфея говорится: «Посему оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть» (Мф. 19:5). Это положение подчеркивает неразрывность брачного союза и его духовное измерение. В Послании апостола Павла к Ефессянам брак уподобляется союзу Христа и Церкви, что требует от супругов глубокого взаимопонимания, ответственности и самоотверженности: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5:25). Важно отметить, что РПЦ признаёт брак, зарегистрированный в органах ЗАГС [2]. Кроме того, в Русской Православной Церкви при вступлении в брак предусмотрены предварительные беседы, которые помогают подготовить будущих супругов к пониманию важности и ответственности их шага. Согласно документу «О канонических аспектах церковного брака», священнослужитель или катехизатор-мирянин должен объяснить вступающим в брак христианское понимание любви, раскрыть значение семейной жизни в свете Священного Писания и православного учения о спасении. Эти беседы направлены на то, чтобы укрепить осознание брака как не только юридического, но и духовного союза. Более того, перед венчанием супругам рекомендуется исповедоваться и

причаститься, чтобы войти в новый этап своей жизни с очищенной душой и благословением Церкви. На уровне законодательства и религиозных норм брак рассматривается как институт, объединяющий духовные, моральные и правовые аспекты, что подчёркивает его значимость для общества. Брак – это форма гражданско-правовых отношений, которая влечет появление юридических гарантий.

В соответствии с положениями СК РФ определяются обязанности супругов в части взаимного содержания, определенные гарантии для супругов дают и религиозные институты. Так, ислам допускает развод, но в то же время закрепляет имущественные обязательства в отношении бывшей супруги. В Суре 65 сформулировано следующее положение: когда вы даете развод своим супругам, то разводитесь в срок, для них определенный... Из домов, принадлежавших им, не изгоняйте их...» [3].

Даже с учетом признания возможности развода по Корану предусматриваются меры сохранения семьи. В Суре 4 сформулировано следующее положение: «А если меж супружескою парой вы опасаетесь разрыва, то призовите двух судей – по одному от каждой из семей (супругов). И если пожелают примириться, устроит им согласие Аллах...» [3].

В семейном праве это положение отражается в ч. 2 ст. 22 СК РФ, оно сформулировано следующим образом: «...суд вправе принять меры к примирению супругов и вправе отложить разбирательство, назначив супругам срок для примирения...». Также в Коране есть запрет на развод с беременной женой. В Суре 65 говорится следующее положение: «Тех женщин, кто во чреве жизнь несет, Вам нужно ждать, пока они не сложат ношу». Аналогичное послание есть и в Библии [9]. Так, в Послании Римлянам Святого апостола Павла 7:2 сформулировано следующее положение: «замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если муж умрёт, она освобождается от закона замужества». В Библии приводятся лишь несколько положений, касающихся расторжения брака. Так, в Евангелии от Матфея 19:9 говорится: «кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует...» [12].

Содержание термина семья раскрывается в ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, в соответствии с которой «к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника» [8].

Современное российское общество не предъявляет жестких требований к оформлению брака, поэтому встречаются такие формы отношений, которые не полностью или в целом не урегулированы на уровне законодательства. Чаще всего встречается сожитительство, оно тоже основывается на добровольном решении, не подразумевает регистрации. Квазибрачные отношения являются характерными исключительно для сожителей, брак которых не зарегистрирован, следовательно, не привел к правам и обязанностям супругов. Семейные отношения распространяются как на супругов, так и на детей, других членов семьи.

На обязательство родителей содержать несовершеннолетних детей указывается в ст. 80 СК РФ. В то же время ст. 86-87, 93, 95 СК РФ закрепляют обязанность содержания нетрудоспособных и нуждающихся в этом родителей, бабушек и дедушек, несовершеннолетних братьев и сестер, фактических воспитателей. При квазибрачных отношениях исключаются алиментные обязательства. Внебрачные отношения осуждаются на уровне религии.

В Коране в Суре 17 сформулирован такой запрет: «не приближайтесь к блуду вы, – Ведь это – срам и путь к дурному». В Евангелии от Матфея 5:28 говорится следующее: «...всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Правовая сила признается только за браками, зарегистрированными в ЗАГСе. В то же время квазибрачными отношениями признаются те, что заключаются по правилам, предписанным религиозным институтом. Квазибрачными отношениями не признаются те отношения, что выпадают из традиционного представления о морально-этических нормах [11].

Юридическое отсутствие регистрации приводит к тому, что квазибрачные отношения не регулируются нормами СК РФ. Это вызывает сложности в защите имущественных и наследственных прав партнёров. Более того, как отмечается в научной литературе, [10] отсутствие стабильности и нравственной составляющей отличает такие отношения от традиционных браков, придавая им статус “иллюзии семьи”. Исследователи подчёркивают необходимость включения в законодательство понятий, касающихся фактических брачных отношений, что может способствовать более эффективной правовой защите их участников.

Сравнение норм религиозных институтов и норм семейного права позволяет признать, что религиозные нормы являются самостоятельным регулятором сферы общественных отношений, при этом они являются тесно связанными с нормами права. Анализ законодательства, религиозных текстов и современной практики подчёркивает значимость сохранения баланса между светскими нормами и духовными традициями, что особенно важно в условиях многонационального и многоконфессионального общества.

Брак, как правовой и социальный институт, объединяет в себе не только юридические обязательства, но и моральные ценности, обеспечивая защиту интересов супругов и их детей. Однако современное общество сталкивается с вызовами, связанными с новыми формами отношений, такими как квазибрачные союзы, которые не всегда получают надлежащую правовую оценку и защиту. Это создаёт необходимость совершенствования законодательства с учётом реалий общественной жизни, чтобы обеспечить баланс интересов участников таких отношений и защиту их прав.

Включение религиозных норм в правовое регулирование семейной сферы демонстрирует их ценность как дополнительного инструмента, способного укрепить семейные устои и сохранить традиционные ценности. Уважение к религиозным традициям, вместе с

соблюдением принципов законности и равенства, формирует основу гармоничного развития общества и способствует укреплению правовой культуры. Таким образом, интеграция религиозно-правовых норм в современное семейное право становится неотъемлемой частью его эволюции и адаптации к меняющимся условиям. Религиозные нормы – это не только базис для формирования правосознания, но в некоторых случаях и главный регулятор отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023), [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 07.11.2024)
2. «О канонических аспектах церковного брака» // Официальный сайт Московского Патриархата URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384.html> (Дата обращения: 05.12.2024)
3. Коран / пер. смыслов [с араб.]: Эльмир Кулиев; [ред. совет: Э.Р. Кулиев (пред.) и др.]. – [Изд. 10-е, стер.]. – Москва: Эксмо, 2012. – 686 с.
4. Зуев, А. В. Теория государства и права: учебное пособие / А. В. Зуев ; Федеральное агентство морского и речного трансп., Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Санкт-Петербургский гос. ун-т водных коммуникаций" ; под ред. О. Г. Каратаева. – Санкт-Петербург : ФГОУ ВПО СПГУВК, –2008. – 106 с.
5. Теория государства и права: учебное пособие для студентов, обучающихся по юридическим специальностям / О. Г. Каратаев, А. В. Зуев, Е. В. Билашенко, В. Е. Турова. – Санкт-Петербург: ООО "НИЦ АРТ", 2023. – 106 с.
6. Чекунова, О. Н. / Семейное право: учебное пособие/ О. Н. Чекунова, В. А. Беседина, А. В. Зуев; Федеральное агентство морского и речного транспорта, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова. – Санкт-Петербург: Изд-во ГУМРФ им. адмирала С. О. Макарова, 2023. – 58 с.
7. Кузнецова Н. В., Макарова Т. В. Организационно-правовые аспекты обеспечения сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями // Пенитенциарная наука. –2022. Т. 16, –№ 3. – С. 286.
8. Бекашев Д.К., Бекашев К.А., Попова А.Н. Место внутреннего права международных организаций в системе международного права // Вестник Томского государственного университета. –2022. – № 475. –С. 199.

9. Болтенкова Л.Ф. Библия как источник права (часть первая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. Т.10. –№10. С.2438.

10. Закирова С. А. Критериальные отличия брака от других «Подобных брачным» отношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterialnye-otlichiya-braka-ot-drugih-podobnyh-brachnym-otnosheniy> (дата обращения: 05.12.2024).

11. Киселева К.О. Религиозная правовая традиция: соотношение права и морали в современных исламских государствах / К.О. Киселева, М.С. Нагорная // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2022. – Т. 2, –№ 2 . – С. 59.

12. Кравченко, А. Г. Деформации правовой ментальности в административной правоприменительной политике государства / А. Г. Кравченко // Административное и муниципальное право. – 2019. – № 1. – С. 7.

13. Маликов Б.З. Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений // Право и государственность. –2024. – № 3. –С. 23.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF RELIGIOUS AND LEGAL NORMS IN FAMILY LAW

Lantukh E.V., Borodin M.P., Rubtsov S.N., Kizhevator M.A.

The article examines aspects of legal regulation related to marriage and family, as well as the role of religious norms in their regulation. The importance of interaction between legal and religious norms as instruments of social regulation is emphasized. The provisions of the Family Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, and religious sources such as the Bible and the Koran are analyzed in terms of defining marriage, family obligations and resolving intra-family conflicts. Particular attention is paid to a comparative analysis of secular and religious norms, their impact on legal consciousness and everyday family relations. It is concluded that the inclusion of religious norms in the legal regulation of the family sphere demonstrates their value as an additional tool capable of strengthening family foundations and preserving traditional values. Respect for religious traditions, along with adherence to the principles of legality and equality, forms the basis for the harmonious development of society and contributes to the strengthening of legal culture.

Keywords: family law, religious norms, marriage, Family Code of the Russian Federation, legal regulation, moral and ethical norms, alimony obligations, quasi-marital relations, Quran, Bible.

УДК 34.01

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ТИПОЛОГИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Томилова Инга Игоревна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданско-правовых и государственно-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк, Россия
SPIN-код: 4344-1519

В представленной статье анализируются основные доктринальные подходы к типологии основных правовых систем современности. Актуальность темы обусловлена недостаточностью комплексных исследований данной проблематики и потребностью юридической науки обобщить и систематизировать существующие в современной компаративистике теоретические и эмпирические подходы к типологизации ведущих правовых систем в связи с отсутствием единого подхода к определению их перечня. Отмечается значение типологии как научного метода сравнительного правоведения. Автор исследует основные типы правовых систем в контексте выбранных классификационных критериев, а также их соотношение с понятием «правовая семья». Рассматривая различные научные позиции отечественных и зарубежных компаративистов, особое внимание автор уделяет анализу специфики концептуального подхода к типологии правовых систем французского правоведа Р. Давида.

Ключевые слова: право, государство, правовая система, правовая семья, источники права, правовой стиль, правовая доктрина, типология, компаративистика, юридическая техника.

В силу эволюции исторического развития в каждом государстве действуют свои обычаи, традиции, законодательство, сформировались особенности правового менталитета и правовой культуры. Правовое своеобразие стран позволяет говорить о том, что каждая из них образует

свою правовую систему – совокупность всех правовых явлений – норм, институтов, принципов, отраслей, правосознания, правопорядка, существующих в ее рамках. Большинство исследователей в области теории права придерживаются точки зрения, что именно юридические средства, которыми оперирует то или иное государство, оказывая нормативное воздействие на общественные отношения, и составляют в совокупности его национальную правовую систему. Однако помимо уникальных особенностей и различий, эти правовые системы имеют элементы сходства – однотипные признаки, позволяющие объединить их в «правовые семьи». Категория «правовая семья» служит для обозначения группы правовых систем, имеющих идентичные или схожие юридические характеристики, являющиеся результатом их исторического развития. Еще в начале XX века появилась концепция о единстве правовых систем, объединенных принадлежностью к определенной семье, вне традиций которой даже новые появляющиеся группы всего конгломерата правовых систем существовать не могут. К числу родовых тождественных общесемейных признаков правоведы относят различные факторы и основания типологизации правовых систем.

Типология, как научный метод проведения сравнительно-правового исследования, позволяет глубже, шире и основательнее выявить природу, сущностные признаки, а также закономерности обособления и функционирования конкретных видов правовых систем, определить их место в рамках мирового юридического пространства, объяснить их специфичность и многообразие.

Одной из проблем современной компаративистики, раздела правоведения, изучающего правовые системы различных стран путем сравнения их элементов, является отсутствие единого подхода к определению их перечня. Данный факт можно объяснить тем, что в основе типологий лежат разные критерии (этнические, этические, географические, культурные, исторические, идеологические, религиозные, конфессиональные, экономические, политические и др.), и компаративисты, руководствуясь данной парадигмой, обосновывают свои гипотезы авторскими классификационными подходами.

Дискуссии правоведов на предмет значимости тех или иных критериев типологизации правовых систем основываются на предпочтениях самих исследователей, являющихся по сути субъективными и эмпирически не подтвержденными. Потребность юристов-теоретиков и практиков объединить правовые системы в правовые семьи объясняется желанием унифицировать, если не в полной мере, то частично, основные цивилизованные правовые системы, сложившиеся в современном мире.

В классической компаративистике XX века можно выделить три фундаментальных подхода в выборе критериев типологизации правовых систем. Первый из них представлен американской школой сравнительного правоведения, в частности, К. О. Осакве, предложившим оригинальную типологию правовых систем, дифференцированных по макро и микроуровням. На первом уровне, основываясь на критерии

религиозной ориентации, он выделяет две модели правовых систем – религиозные, к числу которых относит мусульманское, иудейское, каноническое и индуское право и нерелигиозные, которые в зависимости от роли права в жизни общества, подразделяются на две правовые традиции – незападную и западную. Незападная, по мнению автора, объединяет африканское обычное право, юго-восточное азиатское право, а также племенное право американских индейцев. Исходя из принципа множества классификационных критериев, на микроуровне К. О. Осакве выделяет три западные правовые традиции – англо-американскую (англосаксонскую), романо-германскую (континентальную) и северо-европейскую (скандинавскую) [1, С. 127]. К главенствующим критериям типологизации на микроуровне он относит инфраструктуру права, включающую систему юридического образования и отношение к кодификации права; правовой стиль, основанный на сложившихся формах и иерархии источников права; философию процессуального права, построенную на принципах состязательности или инквизиции; конструкцию судебной власти и правовую идеологию, определяющую весь комплекс общественных отношений.

Другой подход, предложенный немецкими правоведами К. Цвайгертом и Г. Кетцем, основан на одном базисном «многомерном» критерии – «стиле права», который, в свою очередь, складывается из пяти факторов: происхождения и эволюционного развития правовых систем, своеобразия юридического мышления, оригинальных правовых институтов, природы источников права и способов их толкования, идеологии. В соответствии с выбранным критерием различаются следующие «правовые круги» (правовые семьи) с тождественными признаками: романский, германский, скандинавский, англо-американский, социалистический, дальневосточный, исламское и индуское право [2].

Выделение авторами автономных романской и германской правовых семей, обусловленное, очевидно, спецификой частноправового регулирования, следует оценивать в историческом контексте, в котором данная концепция создавалась.

Третий подход к типологии правовых систем, наиболее известный и признанный, данный французским правоведом Рене Давидом, основан на сочетании двух многофакторных критериев: идеологического (отношения к праву в той или иной культуре; мировоззренческих установок общества, включающих религиозные и философские воззрения) и юридико-технического (источников права, значения юридических терминов).

Изначально Р. Давид выдвинул идею дуализма права, включающего «западное право», в структуре которого выделяются романо-германская и англосаксонская системы и автономное социалистическое право. Согласно данному подходу «западное право» является продуктом либерального общества, основанного на индивидуализме, христианстве, гарантированности основных общечеловеческих прав, свободе предпринимательства и стремлении к

правовой устойчивости, а социалистическое право, в свою очередь, предстает как крайне нестабильное, определяемое специфическими для социализма ценностями, ярко выраженным классовым характером, этатизмом, господством государственной собственности и планированием. Таким образом, в основу обособления социалистической правовой семьи в самостоятельную категорию был положен преимущественно идеологический критерий – марксистско-ленинская идеология и основанные на ней принципы политического устройства общества.

Позднее в своей книге «Основные правовые системы современности» Р. Давид предложил концепцию трихотомии – сепарирования трех основных правовых семей: романо-германской, англосаксонской, и социалистической, к которым «примыкает остальной юридический мир», получивший название «религиозные и традиционные системы» [3, С. 29]. Данная классификация основана на фактическом материале и историческом анализе, и в силу убедительности имеет много сторонников и последователей.

В частности, компаративисты Дж. Мэрримен и Д. Кларк, выделяя в качестве классификационного критерия правовые традиции, также пришли к выводу о существовании трех основных правовых семей – общего права (англосаксонской), континентальной (цивильной) и социалистической, а также остальных, менее распространенных – исламского, индусского, китайского, корейского, японского и африканского права [4].

Руководствуясь данным концептуальным подходом, представитель отечественной школы правоведения С. С. Алексеев акцентировал внимание на трех ранее обособленных семьях права – «базовых», классических, к которым он относит романо-германское и общее прецедентное право и традиционной, «качественно своеобразной», включающей китайское, японское, индусское, исламское и социалистическое право [5].

Российский ученый Л. П. Рассказов, используя цивилизационный метод, все существующие государства условно разграничивает на западные и восточные цивилизации, каждая из которых основана на общности их историко-политического и экономического развития, взаимодействии и взаимовлиянии их культур, ментальности, а также наличии общих задач с точки зрения перспективы дальнейшего развития. Выбирая в качестве критерия нормативный элемент, включающий источники права, правовые принципы, систему законодательства и юридическую технику, Л. П. Рассказов разделил государства, интегрированные в западный тип, на две правовые модели – романо-германскую и англосаксонскую, а в восточном типе выделил мусульманскую, имеющую, на его взгляд, тенденцию к расширению сферы своего влияния [6, С. 52].

Представляет интерес и точка зрения профессора В. И. Чиркина, предложившего дифференцировать на основе формационно-цивилизационного и социокультурно-правового подходов три глобальные правовые системы: либерально-полусоциально

капиталистическую, тоталитарно-социалистическую и мусульманскую [7, С. 18]. В рамках каждой из них, в свою очередь, существуют устойчивые правовые семьи: в либерально-полусоциально капиталистической – англо-саксонская и романо-германская, тоталитарно-социалистической – ортодоксальная и частично модернизированная, мусульманской – фундаменталистская (радикалистская) и модернизированная (продвинутая). Таким образом, обобщенное понятие глобальной правовой системы с ее сущностными характеристиками рассматривается автором в более широком аспекте, чем правовой семьи. Учитывая, что каждая из правовых семей детерминирована в соответствующую глобальную правовую систему, данные системы можно рассматривать в контексте типологизации.

В противовес данным традиционным подходам к типологии правовых систем классиков компаративистики российский юрист В. И. Лифитский выделяет единственный универсальный критерий для определения сущностной природы любого права – его духовную суть. На этом основании все существующие правовые системы современности он группирует по традициям права – духовной и бездуховной [1, С. 126]. Духовную традицию он разграничивает на две полярные подгруппы – христианскую и нехристианскую, выделяя в первой подгруппе славянскую, романо-германскую, англо-американскую, скандинавскую и латиноамериканскую ветви, а во второй – иудейскую, индуистскую, конфуцианскую, исламскую, синтоистскую, буддийскую и традиционные правовые системы. Бездуховная традиция, согласно его теории, лежит в основе права тоталитарных социалистических государств. Представляется очевидным, что несмотря на оригинальность авторского видения, выделение только одного классификационного критерия, без учета иных факторов в их комплексе, не дает целостной и объективной картины правовой карты мира.

Еще одно направление типологизации правовых систем – марксистско-ленинское, базирующееся на критерии общественно-экономической формации, в соответствии с которым можно выделить рабовладельческое, феодальное, буржуазное и социалистическое право. Процесс перехода от одной общественно-политической формации к другой, связанный с диалектическим взаимодействием производительных сил и производственных отношений, привел в итоге к образованию двух независимых правовых семей – социалистической и буржуазной.

По утверждению советского ученого А. Х. Саидова только сочетание марксистско-ленинской типологии и внутритиповой классификации правовых систем позволяет создать комплексную картину правовой карты мира [8, С. 53]. В основе предложенной им типологии лежит совокупность критериев, включающих источники права, а также историю и структуру правовых систем. Как постулирует автор, существует два основных условных типа права – буржуазное и социалистическое, каждое из которых обладает своими специфическими характеристиками. Внутри буржуазного права он

сепарировал восемь правовых семей: романо-германскую, скандинавскую, латиноамериканскую, мусульманскую, индусскую, дальневосточную, правовые семьи общего и обычного права. К социалистической правовой модели, теперь уже в исторической ретроспективе, он отнес систему права СССР, послужившую стандартом для создания правовых систем социалистических государств Европы и Азии, а также Кубы, имеющих как общие, так и индивидуальные признаки.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что основные подходы компаративистского исследования правовой системы в историческом контексте предлагаются несмотря на авторские терминологические подходы с позиции анализа четырех классических семей права (моделей, традиций, ветвей, кругов, цивилизаций) – романо-германской (континентальной, европейской), англосаксонской (англо-американской), социалистической и религиозно-общинной (религиозно-традиционной). При этом в последние десятилетия общепринято на основании комбинации различных классификационных критериев (источников права, наличия или отсутствия кодификации, вариативности реализации права, специфики судоустройства, цивилизационно-культурных факторов и пр.) выделять смешанные (стратифицированные) правовые системы, что позволяет отдельным авторам утверждать о появлении автономной правовой семьи смешанной юрисдикции. Многовариантность современного правового мироустройства свидетельствует о конвергенции систем права, в рамках которых сочетаются элементы романо-германской и англосаксонской правовых семей – гибридные нерелигиозные системы западной традиции права, а также развивающиеся в русле внезападной традиции религиозные плюралистические системы права, объединяющие юго-восточное азиатское и африканское обычное родовое право [9; с. 92]. В широком контексте осмысления феномена «смешанности», следует признать, что в результате глобализации в мировом юридическом пространстве не осталось «чистых» типов национальных правовых систем, включая государства с доминированием классической конструкции правовой семьи; все они объективно в большей или меньшей степени трансформированы и являются «микстовыми». Таким образом, среди компаративистов нет единства мнений на предмет целесообразности автономизации смешанной правовой семьи: корректно ли относить к ней системы права, содержащие незначительные заимствованные компоненты или признавать таковыми только комбинированные системы, образуемые путем слияния типов права с примерно одинаковой юридической значимостью. Сам факт взаимодействия в рамках национальной системы права разнородных подсистем не позволяет идентифицировать их принадлежность к единой правовой семье права.

Проведенный анализ различных теоретических подходов к типологии основных правовых систем дает основание для вывода о том, что правовая система, как правило, рассматривается не в качестве самостоятельного объекта сравнительного правоведения, а в связи с ее

принадлежностью к правовой семье, как общей компаративной модели. В правовой доктрине сложился общий стандартный подход к определению правовых систем, как структурных элементов конкретной семьи права, обладающих рядом собственных характеристик, но при этом основанных на родовых общесемейных признаках.

При этом в компаративистике не существует общепринятого подхода как в выборе методологии и критериев типологизации, так и, соответственно, самих классификаций правовых семей, отражающих единство развития взглядов на специфику правовых систем современности. Очевидно, что правовая система, как явление многоаспектное и объемное по своему содержанию, всегда будет представлять интерес как для юриспруденции, так и для целого ряда иных общественных наук и являться предметом дальнейшего доктринального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осаке К. О. Образы права и сравнительное правоведение // Журнал российского права. – 2011. – № 5. – С. 125 – 128.
2. Цвайгерт К., Кетц Г. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. – М.: Международные отношения, 2000. – 480 с.
3. Давид Р., Жоффе-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 2009. – 456 с
4. Merryman J., Clark D. Comparative Law, Western European and Latin American Legal Systems: Cases and Materials. – Bobbs-Merrill, 1978. – 1278 p.
5. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски решения. – М.: Норма, 2001. – 376 с.
6. Рассказов Л. П. Цивилизационный подход к классификации правовых систем // Философия права. – 2014. – № 3. – С. 52 – 55.
7. Чиркин В. И. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 18 – 30.
8. Саидов А. Х. Типология и классификация правовых систем современности // Правоведение. – 1985. – № 2. – С. 52 – 56.
9. Трикоз Е. Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – №4. С. 91 – 97.

ON THE ISSUE OF THEORETICAL APPROACHES TO THE TYPOLOGY OF LEGAL SYSTEMS: HISTORICAL ASPECT

Tomilova I. I.

The article analyses the basic doctrinal approaches to the typology of the main legal systems of the present day. The relevance of the topic is due to the insufficient comprehensive studies of the problem and the need for legal

science to generalize and empirical approaches to typologizing leading legal systems in the absence of a unified approach to determining their list. The importance of typology as a scientific method of comparative law is noted. The author examines the basic types of legal systems in the context of the classification criteria chosen, as well as their relationship with the concept of «legal family». In considering the various scientific positions of domestic and foreign comparativists, the author attaches particular attention to the analysis of the conceptual approach to the typology of the legal systems of French law, R. David.

Keywords: law, state, legal system, legal family, sources of law, legal style, legal doctrine, typology, comparativistics, legal techniques.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

УДК 347.65

***АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ***

Гезгиев Магомед Аюпович

Доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат
юридических наук,
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
SPIN-код 5631-7316

Вопросы наследования во все времена являлись важнейшим социальным и правовым фактором, регулирующим достаточно специфические имущественные, и не только, отношения. Становление и современное развитие наследственного права в Российской Федерации формируется как с учетом зарубежного опыта, так и в силу меняющихся и совершенствующихся экономических отношений, повышения уровня правовой культуры и правосознания российских граждан.

Несмотря на детальное регулирование наследственных прав граждан самостоятельным разделом Гражданского кодекса Российской Федерации, законодатель продолжает совершенствовать нормативную регламентацию отдельных институтов наследственного права.

Ключевые слова: наследственное право, завещание, правовое регулирование, реформирование наследственного законодательства, новеллы наследственного права, современные институты наследственного права.

Конституция Российской Федерации закрепляя положение о гарантии права на наследование (п. 4 ст. 35) напрямую связывает данную гарантию с охраной частной собственности [5].

Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим имущественные отношения в Российской Федерации является Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), третья часть которого напрямую посвящена наследственному праву [3].

Принятый в конце 2001 года и вступивший в законную силу в марте 2002 года Раздел V. Наследственное право, стал неотъемлемой частью российского гражданского законодательства.

При этом являясь подотраслью гражданского права, наследственное право как совокупность правовых норм, регулирующих специфические общественные отношения, имеющая самостоятельный предмет и объект правового регулирования, нередко позиционируется и как самостоятельная отрасль [1, 8].

При этом в субъективном смысле наследственное право – это право лица (наследодателя) определить юридическую судьбу принадлежащего ему на праве собственности имущества, а так же право наследника на получение наследства или отказ от его принятия. Таким образом, напрямую связанное с имущественными отношениями, что позволяет ее отнести к подотрасли гражданского права.

В данной связи важно отметить, что к нормативным правовым актом, регулирующим вопросы реализации наследственного права следует отнести и Основы законодательства о нотариате 1993 года, и нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующего процессуальный порядок рассмотрения судами споров по делам о наследовании, и Налоговый кодекс Российской Федерации, закрепляющий порядок расчета и взимания государственной пошлины при выдаче свидетельства о праве на наследство.

Несмотря на тот факт, что наследственное право имеет достаточно продолжительную историю своего становления [9], важно отметить, что в различные периоды оно значительно разнилось. В нашей стране, получив определенное развитие еще в дореволюционный период, в первые годы советской власти наследование было практически под запретом [4]. Однако впоследствии наследственное право было восстановлено, а в 1936 году получило и конституционное закрепление.

Современное нормативное регулирование наследования, несмотря на определенный консерватизм и стабильность исследуемых отношений, так же не является статичным. С момента принятия 3 части Гражданского кодекса РФ, в раздел «Наследственное право» неоднократно вносились изменения. Справедливости ради, следует отметить, что изменения, вносимые в раздел V части третьей ГК РФ, на первых порах, по большей своей части носили уточняющий либо терминологический характер.

Исследователи отмечают, что совершенствование наследственного права было обусловлено «недостаточностью правового

регулирования некоторых институтов наследственного права, а так же имеющимися разночтениями в законе» [15].

Однако в последнее время, законодатель предпринял ряд существенных и принципиальных шагов по совершенствованию российского наследственного законодательства.

Наиболее значимыми нововведениями, осуществленными законодателем в сфере правового регулирования наследственных прав, можно считать такие новеллы наследственного права как совместное завещание, наследственный договор, наследственный и личный фонды [17, 18, 19].

Данная публикация не ставит своей целью детальное раскрытие содержания указанных нововведений, однако анализ полемики, развернутой юридическим сообществом по поводу появления в наследственном праве новых правовых институтов, дает основания обратиться к проблемам совершенствования наследственного права на современном этапе.

Несмотря на достаточно широкий опыт зарубежного наследственного права, не все российские исследователи положительно восприняли нововведения. Так, в частности оценивая новые формы завещания, С. А. Синицын и М. Л. Шелютто утверждают, что «попытка вмонтировать совместное завещание супругов в наследственное право России осуществляется наскоком, без кропотливой проработки» [14, с. 20].

Немало споров вызывают и теоретические аспекты. По мнению исследователей, сомнение вызывает возможность применения к совместному завещанию, общепринятой квалификации завещания как односторонней сделки. Отрицая такую возможность и по причине необходимости для его совершения волеизъявления двух лиц, А. М. Эрделевский утверждает, что «совместное завещание является результатом соглашения между супругами, предметом которого являются условия такого завещания» [25].

В свою очередь, анализ новелл, касающихся института совместного завещания супругов, позволил Беляеву Р. В. сделать немаловажный вывод о «необходимости законодательного закрепления правил, позволяющих дифференцировать применение общих норм о наследовании по завещанию к совместным завещаниям» [2, с. 33].

Еще одно из нововведений отечественного наследственного права состоит в возможности заключения наследственного договора. Равно как и совместное завещание супругов, институт наследственного договора стал принципиально новым институтом российского наследственного права.

При этом уже первые исследования в данной области, выявили у некоторых ученых вопросы по поводу характеристик принятиях в ходе заключения исследуемых договоров, обязательств.

По мнению Форулкиной Е. А «Исходя из общих положений о наследственном договоре, он не порождает у сторон никаких обязательств, что в принципе ставит под сомнение его обязательственную природу». [24, с. 27].

При этом, например, Логинова К. Ю. полагает, что «российские положения о наследственном договоре преимущественно имеют сходство с аналогичными нормами швейцарской модели наследственного договора, но усматриваются и элементы германской модели в части возмездной природы таких договоров» [7, с. 15].

При этом, по мнению Петрова Ю. В. «...наследование по договору порождает абсолютно новые реалии для отечественной практики. Такой договор ведет к появлению новой формы наследования» [8].

Знаковыми для российского наследственного права несомненно стало закрепление в законе понятий «Наследственный фонд» и «Личный фонд», основное отличие между которыми в том, что личный фонд создается и управляется уже при жизни наследодателя, а наследственный фонд формируется после открытия наследственного дела через нотариуса, и его создание неразрывно связано с прямыми указаниями, которые отражены наследодателем в завещании.

Подобные фонды достаточно давно существуют в зарубежной правовой системе, однако для российского законодательства – это достаточно новая и не в полной мере апробированная схема, практически не имеющая судебной практики. При этом анализ законодательства зарубежных стран в сравнении с российским наследственным правом «позволяет констатировать детальную проработанность вопросов создания и деятельности наследственных фондов, что позволяет минимизировать проблемы правоприменения» [2].

Однако обозначенные выше изменения наследственного законодательства уже трудно назвать нововведениями, так как с момента из нормативного закрепления прошло уже достаточно времени. Более того, законодатель, предпринял уже новые шаги, отслеживая важнейшие изменения происходящие в современном российском обществе.

Отметим, что даже после появления в наследственном законодательстве указанных выше нововведений, граждане все еще предпочитают простые инструменты наследственного планирования, такие как завещание, наследственный договор или прижизненные сделки с имуществом (дарение, рента).

Как следствие, например, личный фонд, сразу после нормативного закрепления, не вызывал доверия и казался неэффективным в том числе, и из-за достаточно высокой налоговой нагрузки. И только, после внесения изменений в Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ) граждане стали больше интересоваться личным фондом. Дело в том, что имущество, передаваемое в личный фонд, освободили от НДС и налога на прибыль (подп. 24 п. 2 ст. 146 НК РФ, подп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ) [21].

При этом справедливости ради необходимо отметить, что в настоящее время гражданами зарегистрировано чуть более 30 личных фондов [6].

В последнее время, законодатель вновь обратился к вопросу совершенствования наследственных правоотношений. Так в связи с

нормативным закреплением в России цифрового рубля, ГК РФ (ст. 1128) допускает совершение завещательного распоряжения цифровыми рублями, при этом, данное банковское письменное распоряжение будет иметь силу нотариально удостоверенного завещания [20].

В 2023 году законодатель существенно расширил список лиц имеющих право удостоверить завещание. В этот список добавили командиров воинских соединений, учреждений и военно-учебных заведений (подп. 4 п. 1 ст. 1127 ГК РФ, Федеральный закон от 3 апреля 2023 г. № 101-ФЗ) [23].

Предусмотрели особый порядок выдачи свидетельств о праве на наследство на земельные участки, предоставленные гражданам до 30 октября 2001 года в постоянное (бессрочное) пользование или пожизненное наследуемое владение (Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 338-ФЗ) [22].

Новеллой является и тот факт, что сообщение о намерении выдать такое свидетельство нотариус обязан опубликовать в Едином федеральном реестре значимых сведений. В 30-дневный срок со дня размещения этого сообщения органы госвласти могут направить нотариусу уведомление о невозможности оформления земельного участка в частную собственность. Если уведомление не поступит, нотариус выдаст свидетельство о праве на наследство.

В связи с принятием в состав Российской Федерации новых территорий, нормативно закреплено, что жителей ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей продлили сроки принятия наследства, которые истекли после 24 февраля 2022 года. Если последнее место жительства наследодателя находилось на территории одного из указанных регионов, то срок не считается пропущенным, восстанавливать его в судебном порядке не надо [16].

Кроме того, если наследственное имущество перешло к наследникам в долях, они могут оформить соглашение о его разделе без нотариуса. Соглашение составляется в простой письменной форме в том случае, когда оно не меняет состав собственников [13].

В последнее время Верховный Суд РФ так же неоднократно обращал свое внимание на качественное рассмотрение вопросов, связанных с наследственным правом. Так, например, было обращено внимание, на то, что при решении вопроса о восстановлении срока принятия наследства суды должны устанавливать, были ли между наследодателем и наследником родственные или дружеские связи [10].

В 2023 году и Верховный и Конституционный Суды РФ обращались к проблеме признания наследника недостойным [10-12]. Кроме того, Верховный Суд РФ в свои выводах подтвердил право наследников умершего предпринимателя на возврат излишне уплаченного им налога; указал, на что обращать внимание в наследственных спорах при наличии завещания»; пояснил, что надо учитывать в делах об оспаривании наследником сделки наследодателя» и т.п.

Подводя итог подытожим, что вопросы совершенствования наследственного законодательства находятся у российского

законодателя в числе приоритетных. Этому способствует как возросшая потребность общества на современное разрешение высокочувствительных проблем, так и рост правовой культуры населения, а так же улучшение благосостояния российских граждан.

При этом пред законодателем стоит не простая задача. Формирование современной системы законодательного регулирования наследственных отношений требует все большей и большей гибкости и эффективности. При этом она должна отвечать запросам общества, способствовать стабильности, защите имущественных прав и не создавать на практике препятствий в виде новых юридических конструкций.

Главная цель формирующегося современного наследственного механизма – стать инструментом, гарантирующим гражданам защиту частной собственности от различных мошеннических схем, помогающим избежать сложных ситуаций и затяжных судебных процедур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева А.Б., Раджабова Ж.К. Наследственное право. Учебное пособие (Курс лекций) для направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиля «Гражданское право». Махачкала: ДГУНХ, 2019. – 142 с.
2. Беляев Р. В. Новые институты в российском наследственном праве: дисс. ... канд. юрид. наук / Р. В. Беляев. – М.: 2023. – 160 с. <https://www.dissercat.com/>(дата обращения 03.12.2023);
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // <https://base.garant.ru/>(дата обращения 03.12.2023)
4. Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» и постановление Народного комиссариата РСФСР от 21 мая 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 20. Ст. 242.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // <https://base.garant.ru/10103000/>
6. Корсик К. А. Преемственность и наследственное планирование: взгляд в будущее // материалы XII Петербургского международного юридического форума // <https://rg.ru/> (дата обращения 03.12.2023)
7. Логинова К. Ю. Наследственный договор – правовые механизмы применения в действующем законодательстве Российской Федерации / К. Ю. Логинова // Наследственное право. 2019. №1. С. 12-15.
8. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е. Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. – 656 с.

9. Нестерова Н.В. история становления и развития института завещания / Н .В. Нестерова, Т. В. Куликова // Юридическая гносеология. 2024. № 3. С. 26-34.

10. Определение ВС РФ от 21 марта 2023 г. № 5-КГ23-12-К2 // <https://legalacts.ru/> (дата обращения 03.12.2023)

11. Определение ВС РФ от 26 сентября 2023 г. № 4-КГ23-53-К1 // <https://legalacts.ru/> (дата обращения 03.12.2023)

12. Определение КС РФ от 17 января 2023 г. № 4-О // <https://www.garant.ru/> (дата обращения 03.12.2023)

13. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 23 января 2023 г. № 366/об-об) // <https://www.garant.ru/> (дата обращения 03.12.2023)

14. Сеницын С. А. В интересах ли бизнеса предложенная реформа российского наследственного права? / С. А. Сеницын, М. Л. Шелютто // Предпринимательское право. 2017. № 2. С. 17-25.

15. Смирнов С. А. Наследственная трансмиссия в гражданском праве: генезис и развитие: Монография. – М.: Статут, 2019. – 288 с.

16. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 2023 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 мая 2023 г. № 18, ст. 3212;

17. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 марта 2019 г. № 12 ст. 1224;

18. Федеральный закон № 217-ФЗ от 19 июля 2018 года «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № 30 ст. 4552;

19. Федеральный закон № 259-ФЗ от 29 июля 2017 года «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2017 г. № 31 (часть I) ст. 4808;

20. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2023 г. № 31 ст. 5765;

21. Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ // <https://www.garant.ru/> (дата обращения 03.12.2023)

22. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 338-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2023 г., № 31 ст. 5764;

23. Федеральный закон от 3 апреля 2023 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 14 ст. 2378;

24. Форукина Е. А. Наследственный договор и завещание: сходства и различия двух способов распоряжения имуществом на случай смерти // Наследственное право. 2022. № 4. С. 25-28.

25. Эрделевский А. М. О новых институтах наследственного права // <https://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения 03.12.2023)

CURRENT ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INHERITANCE LAW AT THE PRESENT STAGE

Gezgiev M.A.

Inheritance issues have always been the most important social and legal factor regulating rather specific property, and not only, relations. The formation and modern development of inheritance law in the Russian Federation is carried out both taking into account foreign experience, and due to changing and improving economic relations, increasing the level of legal culture and legal awareness of Russian citizens.

Despite the detailed regulation of the hereditary rights of citizens by an independent section of the Civil Code of the Russian Federation, the legislator continues to improve the regulatory regulation of individual institutions of inheritance law.

Keywords: inheritance law, probate, legal regulation, reform of inheritance legislation, novelties of inheritance law, modern institutions of inheritance law.

УДК 349.2

ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Коноваленко Ольга Леонидовна

Доцент кафедры права,
ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет
им. Шолом-Алейхема»,
Биробиджан, Россия

Хабуда Евгения Сергеевна

Старший преподаватель кафедры права,
ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет
им. Шолом-Алейхема»,
Биробиджан, Россия

В статье рассмотрены некоторые проблемы дистанционного труда работников и их возможные правовые решения.

Цель исследования – изучение правового регулирования труда дистанционных работников в Российской Федерации.

Предмет исследования – нормы российского законодательства, регулирующие условия и особенности труда дистанционных работников, затрагивающие спорные отношения по вопросам дистанционного труда.

Метод исследования основан на анализе положений нормативно-правовых актов в области трудовых отношений. В результате проведенного анализа было выявлено, что общественное сознание и технологический прогресс обуславливают все более массовый характер дистанционного труда. Сфера регулирования труда дистанционных работников представляет собой совокупность важных правовых проблем, которые требуют всестороннего изучения, разработки и корректировки соответствующих правовых норм.

В период новой коронавирусной инфекции исследуемая тема была весьма актуальна. На сегодняшний день дистанционные трудовые правоотношения являются непосредственной частью нашей жизни. Поэтому считаем, что тематика обладает определенной новизной и является актуальной.

В данной статье авторы выявили проблемы в сфере правового регулирования дистанционной трудовой деятельности и предлагают

правовые решения возможные для применения в сфере правового регулирования данных отношений.

Ключевые слова: дистанционный труд, дистанционная работа, удаленная работа, дистанционный работник, охрана труда, работодатель, профсоюзы, труд, трудовое законодательство.

На сегодняшний день осуществление трудовой деятельности дистанционным способом установлено законодательством Российской Федерации в Трудовом кодексе России (глава 49.1).

В правовом регулировании дистанционной трудовой деятельности есть определенные проблемы, которые затрагивают отношения работника и работодателя по вопросам охраны труда в отношении дистанционной занятости работников, участия дистанционных работников в профессиональных союзах трудовой организации, приравнивания и путаницы в понятиях «дистанционная работа» и «удаленная работа».

Выявленные проблемы являются актуальными, в судебной практике все чаще начинают фигурировать споры между работником и работодателем по поводу их трудовых отношений в специфике дистанционного труда. Поэтому появляется необходимость в совершенствовании трудового законодательства Российской Федерации, чтобы исключить возникновение конфликтных ситуаций между субъектами трудовых отношений.

Трудовым законодательством не до конца и не в полном объеме урегулированы вопросы охраны труда в отношении дистанционной занятости работников. Статьей 312.7 Трудового кодекса Российской Федерации установлен усеченный круг обязанностей работодателя в области охраны труда [1].

Не урегулированы вопросы, касающиеся того, как определить или установить время, в случае получения дистанционным работником травмы; получена ли травма в период выполнения дистанционным работником трудовых обязанностей; как определить, что травму дистанционный работник получил, находясь на рабочем месте; как работодателю доказать, что он ознакомил дистанционного работника с правилами безопасности, правилами охраны труда.

В соответствии со статьей 224 Трудового кодекса Российской Федерации к одной из задач комиссии по охране труда относится проведение проверок состояния условий и охраны труда на рабочих местах, но как такие проверки осуществить в отношении дистанционных работников, которые, например, находятся, в других субъектах Российской Федерации.

Бывают ситуации, когда дистанционный работник получил, например, удар током при использовании предоставленного работодателем оборудования, следовательно, в соответствии со статьей 227 Трудового кодекса Российской Федерации данный несчастный случай подлежит расследованию, если произошел на территории

работодателя, при следовании к рабочему месту или с работы и т.д. Но как при возникновении таких несчастных случаев работнику доказать, что несчастный случай произошел при осуществлении им трудовых обязанностей на рабочем месте, если из положений статьи 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации следует, что рабочее место дистанционного работника должно находиться вне рабочего места работодателя, его филиала, иного обособленного структурного подразделения, территории или объекта, находящихся под контролем работодателя. Также из анализа дистанционного труда в целом вытекает, что в трудовом договоре о дистанционном труде не обязательно указывать конкретное рабочее место дистанционного работника.

Не урегулирование данного положения вытекает в трудовые споры из-за того, что работники чаще всего утверждают, что травму получили на рабочем месте и в рабочее время, а значит работодатель обязан в соответствии со статьей 184 Трудового кодекса Российской Федерации компенсировать утраченный доход работника, а также расходы на медицинские и иные услуги. Но иногда дистанционные работники злоупотребляют своим положением, что в итоге приводит к тому, что работодатель обязуется выплатить компенсацию за травму, которая была получена за пределами рабочего времени дистанционного работника и не в период нахождения на рабочем месте [3].

Также бывают случаи, когда травму дистанционный работник действительно получает в период выполнения трудовых обязанностей на рабочем месте и в рабочее время, но у него нет достаточных доказательств, подтверждающих это, и работодатель очень часто в своих интересах отказывает работнику в предоставлении компенсаций, так как очень трудно доказать факт получения травмы в период выполнения трудовых обязанностей, так как не установлено контроля со стороны работодателя в отношении дистанционного работника и его рабочего времени.

Решение данной проблемы, а именно решение вопросов относительно охраны труда в отношении дистанционной деятельности, заключается в следующем.

В силу того, что в статье 312.7 Трудового кодекса России указано, что работодатель осуществляет ознакомление дистанционных работников с требованиями охраны труда, то можно дополнить статью 312.7 Трудового кодекса Российской Федерации тем, что «работодатель осуществляет ознакомление дистанционных работников с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работодателем, путем направления требований по охране труда вместе с трудовым договором при трудоустройстве дистанционного работника». В локальном нормативном акте работодателя может быть предусмотрено, что доказательством получения работником документов по охране труда будет являться отправленный в адрес работодателя снимок экрана (скриншот), на котором будет расположено отправленное работодателем письмо с приложенными документами по охране труда.

Предоставление таких скриншотов позволит установить точное время и дату получения дистанционным работником письма от работодателя. В случае, когда нужно будет удостовериться в том, что дистанционный работник действительно ознакомился с требованиями по охране труда, то работодателем может быть предусмотрено в коллективном договоре или локальном нормативном акте проведение собеседования в дистанционном формате для оценки знаний работника. Это будет свидетельствовать о том, что работодатель выполнил свою обязанность в ознакомлении дистанционного работника с требованиями охраны труда и о том, что дистанционный работник действительно ознакомлен с требованиями охраны труда.

Для того, чтобы решить проблемы, возникающие при определении рабочего места дистанционного работника, в случае получения им травмы на рабочем месте, целесообразно в отношении дистанционных работников установить, что при заключении трудового договора о дистанционной работе сведения о рабочем месте будут обязательными для включения. Рабочим местом дистанционного работника может быть то место, где преимущественно он находится и выполняет порученные ему задания.

Также для того, чтобы уменьшить число трудовых споров с дистанционными работниками в отношении охраны труда, а именно получения травмы в период осуществления трудовых обязанностей и компенсации со стороны работодателя, можно предусмотреть использование работодателем программ, которые позволяют отследить то, что в момент получения производственной травмы работник действительно находился на рабочем месте и выполнял трудовые обязанности в рабочее время.

Для такого контроля со стороны работодателя можно использовать такие программы, как: Hub staff, данная программа позволяет отслеживать местоположение дистанционных сотрудников, позволяет отслеживать работу работника в режиме реального времени, т. е. позволяет установить, что работник выполняет трудовые обязанности в период рабочего времени, установленный по соглашению сторон трудовых отношений. Также работодатели могут использовать программу Toggle в отношении тех дистанционных работников, которые согласовали с работодателем, что у них будет индивидуальный график работы. Действие программы нацелено на то, что мониторинг деятельности дистанционного работника будет осуществляться только в тот период, когда он непосредственно должен осуществлять трудовые обязанности, установленные трудовым договором.

Решение проблемы охраны труда в отношении дистанционной деятельности позволит защитить права как дистанционного работника, так и работодателя. В случае возникновения трудовых споров будет легче предоставить доказательства того, что производственная травма получена на рабочем месте и в рабочее время.

Еще одна актуальная проблема состоит в том, что главой 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации не урегулированы вопросы,

касающиеся участия дистанционного работника в профессиональных союзах организации.

Из анализа положений главы 49.1 Трудового кодекса России следует, что работодатель принимает решения, например, о режиме рабочего времени дистанционного работника на основе коллективного договора, локального нормативного акта, принятого с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. В силу того, что право на вступление и участие в деятельности профсоюзной организации реализуется свободно на территории РФ, то возникает вопрос, как дистанционному работнику реализовать такое право, как он может принимать участие в деятельности профсоюза, если он находится в другом субъекте Российской Федерации.

Также в соответствии со статьей 30 Трудового кодекса Российской Федерации первичные профсоюзные организации представляют интересы работников при проведении коллективных переговоров, при внесении изменений в коллективный договор, а также представляют интересы работников при рассмотрении и разрешении коллективных трудовых споров. Также профсоюзные организации могут представлять интересы работника во взаимоотношениях с работодателем по вопросам индивидуальных трудовых споров[1].

Законодатель не предусмотрел в какой форме дистанционные работники будут участвовать в деятельности профсоюзной организации, какой орган будет выступать в защиту интересов дистанционных работников, ведь обращение в суд является не единственной формой защиты своих нарушенных прав, бывает, что разрешить трудовой спор возможно и без обращения в судебные органы путем досудебного урегулирования спора.

Из-за того, что вопрос участия дистанционных работников в деятельности профессиональных союзов не урегулирован законом, происходит некое ущемление прав дистанционных работников, которые могут также стремиться к участию в деятельности организации, в которой работают, для высказывания своего мнения и своих предложений, которые могут повлиять в дальнейшем на деятельность, взаимодействия между работниками и работодателем.

Решение данной проблемы, а именно участие дистанционных работников в деятельности профессиональных союзов организации, может заключаться в следующем.

В соответствии со статьей 31 Трудового кодекса Российской Федерации в случаях, когда работники не объединены в какие-либо первичные профсоюзные организации, то представлять интересы работников может избранный путем тайного голосования иной представитель (представительный орган) [1]. Поэтому в отношении дистанционных работников может быть избран совет общего собрания (конференции) работников, который будет представлять интересы всех работников у конкретного работодателя.

Что касается того, как дистанционным работникам участвовать, например, на общих собраниях профсоюзной организации, то в этой ситуации работодателем может быть установлено в локальных

нормативных актах организации использование систем видеоконференц-связи [2]. Такое участие возможно и при осуществлении коллективных переговоров, когда работники находятся на расстоянии друг от друга. К наиболее популярным системам видео связи можно отнести Skype, который позволяет проводить онлайн конференции без особых трудностей для участников.

Участие дистанционных работников в деятельности профсоюзных организаций для решения социально-трудовых вопросов, учет мнения дистанционных работников работодателем при принятии локальных актов позволит сделать эти акты более эффективными для применения их в трудовых отношениях [2].

Так же можно выделить проблему смешения терминов применяемых в данной сфере трудовых отношений. В статье 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации законодателем понятия дистанционная работа и удаленная работа приравнены друг к другу, что вызывает путаницу в данных понятиях. Понятия «удалёнка» и «дистант» на первый взгляд означают одно и тоже – работа на расстоянии от работодателя, но если рассмотреть отличия данных понятий, то они обозначают разную специфику работы. Не всегда удаленная работа содержит признаки работы дистанционного формата [4].

Для решения данной проблемы, касающейся путаницы в понятиях «удаленка» и «дистант» можно сделать следующее: внести изменения в главу 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации, а именно в статью 312.1, согласно которым под удаленной работой «удаленкой» будет пониматься работа, выполняемая в течение определенного срока, вне рабочего места работодателя, оформленная путем составления дополнительного соглашения к трудовому договору при возникновении исключительных случаев (например, эпидемии или производственные аварии), представляющих угрозу для жизни или здоровья работника, который продолжает выполнять трудовые обязанности в соответствии с установленным трудовым графиком с использованием средств связи, а под дистанционной работой «дистантом» будет пониматься работа на постоянной основе вне рабочего места работодателя, оформленная путем заключения между сторонами трудового договора о дистанционной работе, при выполнении которой работник будет определять режим рабочего времени и времени отдыха по своему усмотрению, для осуществления трудовой функции и взаимодействия с работодателем будут использоваться различные средства связи [5].

После введения главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации из-за несовершенства законодательства возникают трудовые споры между работодателем и дистанционным работником по поводу организации дистанционного труда, охраны труда, участия в профессиональных союзах организации и иным вопросам, касающимся именно данной сферы.

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на наличие определенных пробелов в законодательстве, такой вид занятости

населения как дистанционный труд занимает свое место на рынке труда и все чаще используется в трудовых отношениях. Предполагаем, что для решения выявленных проблем законодатель может использовать обозначенные решения.

Наличие пробелов в трудовом законодательстве о дистанционном труде вызывают трудности в первую очередь у работника, который в некоторых ситуациях остается незащищенным, происходит установление неравенства дистанционных работников и обычных работников. Внесение необходимых дополнений и изменений в Трудовой кодекс РФ позволит должным образом обеспечить права дистанционных работников и возможно повлияет на количество злоупотреблений со стороны работодателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: офиц. текст Федерального закона № 197-ФЗ от 30.12.2001 г. – СПС Консультант Плюс.
2. Добрянская, Ю. В. Труд дистанционных работников: изменения в законодательстве, проблемы правового регулирования / Ю. В. Добрянская, Е. В. Бодаевская // Молодой ученый. – 2021. – № 12 (354). – С. 109 – 111.
3. Смирнова, Л. А. Особенности регулирования труда дистанционных работников / Л. А. Смирнова // Уголовный закон и цифровизация: новые вызовы и угрозы : Сб. научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. – Липецк: ИП Богатырев Валерий Иванович, 2022. – С. 84 – 88.
4. Хромова, Д. Д. Особенности правового регулирования труда дистанционных работников в России: обзор изменений в трудовом законодательстве и основные проблемы / Д. Д. Хромова // Вектор экономики. – 2021. – № 6 (60).
5. Черкашина Ю. К. Дистанционная работа в РФ: законодательное регулирование и перспективы развития / Ю. К. Черкашина, А. Н. Козлова // Вопросы российской юстиции. – 2021. – 407 – 417.

REMOTE WORK: SOME PROBLEMS AND PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

Konovalenko O.L., Khabuda E.S.

The article discusses some problems of remote work of workers and their possible legal solutions.

The purpose of the study is to study the legal regulation of the labor of remote workers in the Russian Federation.

The subject of the study is the norms of Russian legislation regulating the conditions and characteristics of the work of remote workers, affecting controversial relations on issues of remote work.

The research method is based on the analysis of the provisions of legal acts in the field of labor relations. As a result of the analysis, it was revealed that public consciousness and technological progress determine the increasingly widespread nature of remote work. The sphere of regulation of labor of remote workers is a set of important legal problems that require comprehensive study, development and adjustment of relevant legal norms.

During the period of the new coronavirus infection, the topic under study was very relevant. Today, remote labor relations are an immediate part of our lives. Therefore, we believe that the topic has a certain novelty and is relevant.

In this article, the authors identified problems in the field of legal regulation of remote work activities and propose legal solutions possible for use in the field of legal regulation of these relations.

Keywords: remote work, remote work, remote work, remote worker, labor protection, employer, trade unions, labor, labor legislation.

УДК 34

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Паршина Анна Александровна

Кандидат юридических наук, Ростовский институт защиты
предпринимателя,
Ростов-на-Дону, Россия

Данная работа посвящена выявлению особенностей функционала органов внутренних дел в качестве участника административного судопроизводства. Публикация отражает основные направления деятельности органов внутренних дел в контексте участия как третьей стороны административного процесса.

Автор изучает особенности участия представителей органов внутренних дел в качестве одной из сторон административного судопроизводства в контексте исторических трансформаций, изменения роли полиции (милиции) в рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Целью исследования определено изучение особенностей функций, выполняемых полицией в качестве стороны административного судопроизводства. Объектом выступает административный процесс, предметом-специфика функционала ОВД.

Данная тема представляет особую актуальность в свете изменений в современном законодательстве и в соответствии с этим трансформации функций, выполняемых органами внутренних дел. Выявляя специальные полномочия представителей ОВД, автор определяет особенности их деятельности на каждой стадии производства. В контексте административной юрисдикции данных сотрудников определяются особенности их участия в судопроизводстве административного плана и повышение результативности рассмотрения подобных дел.

Ключевые слова: административное судопроизводство, полиция, органы внутренних дел, должностные обязанности, законодательство, административное принуждение, юридическая практика, теоретическое исследование.

Значимость участия органов внутренних дел в административном судопроизводстве обусловлена полномочиями и функционалом, которые они исполняют. Однако, изменения в современном законодательстве с изменением роли и функций ОВД в системе правоохранительной деятельности и судопроизводства обуславливают необходимость тщательного изучения функционала органов полиции в качестве одной из сторон в административном процессе.

Кроме того, А. В. Шевцов [11] говорит об исключительной важности участия правоохранительных органов в делах по обращениям граждан, организаций административного характера в плане обеспечения мер административного принуждения за нарушение норм законодательства. Современная система правовых гарантий обуславливает важность полноценного обеспечения соблюдения законных прав и интересов физических и юридических лиц.

Сотрудники полиции, обладая рядом специальных полномочий в сфере обеспечения правопорядка и законности, обладают особыми функциями в судебном процессе и реализуя их, способствуют отправлению правосудия. Несмотря на то, что административные правонарушения обладают меньшей степенью опасности, чем уголовно наказуемые деяния, Ф.П. Васильев и Э.Н. Гендеев [2] утверждают, что участвуя в административном судопроизводстве сотрудники ОВД своей деятельностью предупреждают более тяжкие преступления, которые могли быть результатами подобных проступков. Это позволяет говорить не только о пресечении незаконной деятельности и обеспечении наступления ответственности, но и о вторичной профилактике административных правонарушений и первичной – преступлений. Кроме того, по мнению некоторых исследователей (Ю.В. Кивич) органы внутренних дел предлагается наделить полномочиями по исполнению административных наказаний как результата судопроизводства, что является неотъемлемой частью отправления правосудия. Административную юрисдикцию полиции в судопроизводстве необходимо расширить так считает данный автор и это повысит эффективность реализации административно-правовых норм.

Учитывая вышесказанное нами, был определен категориальный аппарат исследования.

Целью исследования определено изучение особенностей функций, выполняемых полицией в качестве стороны административного судопроизводства. Объектом выступает административный процесс, предметом – специфика функционала ОВД.

Для того, чтобы вышеуказанная цель была достигнута, нами определен ряд задач:

Конкретизировать специфику роли и функций органов внутренних дел в административной деятельности в современном российском государстве;

Определить роль и функции правоохранительных органов в производстве по административным делам.

Материалы и методы исследования

Основным методом нашего исследования определен теоретико-методологический анализ публикаций современных авторов по указанной проблематике.

Нами были использованы статьи таких известных авторов как А. И. Каплунов и В. М. Боер, выявляющих специфику административных правонарушений. Проведен анализ исследований В. В. Головки, А. И. Губина, посвященные участию органов и должностных лиц в рассмотрении административных дел, а также Ю. В. Кивич и А. Ф. Кучерявенко, отражающих особенности деятельности органов внутренних дел в административном судопроизводстве.

Работа П.А. Скобликова отражает типы дел, включающих деятельность органов внутренних дел.

Анализ вышеуказанных работ позволяет провести детальное исследование темы нашей работы и определить перспективы изучения наиболее актуальных вопросов.

Результаты и их обсуждение

Специфика роли и функций органов внутренних дел в современном российском государстве

Современные органы внутренних дел (полиция) на настоящий момент выполняют не только правоохранные функции, содействуя пресечению и раскрытию преступлений. Они, как отмечают В. М. Боер и А. М. Барышев [1] наделены значительными полномочиями по реализации административных действий, предупреждая правонарушения.

В соответствии с современным законодательством органы внутренних дел осуществляют оперативно-розыскную, профилактическую деятельность, охрану правопорядка и содействуют обеспечению охраны законных прав и свобод граждан.

Административная деятельность, как отмечает А. М. Барышев, является одним из видов исполнительно-распорядительной деятельности, которая направлена на пресечение правонарушений, возможно, в дальнейшем преступлений, а также та деятельность, которая у сотрудников полиции не является уголовно-процессуальной либо оперативно-розыскной.

Однако, в контексте тематики нашей работы, необходимо говорить о сфере административной деятельности, в частности, об административном судопроизводстве, в котором сотрудники ОВД принимают непосредственное участие. Ряд авторов [1], [3] отмечают, что функции, которые выполняют сотрудники органов внутренних дел в административной деятельности, дифференцированы на две группы: общие и специальные. Общие функции включают в себя планирование, прогнозирование, контрольно-учетные и организационные мероприятия, позволяющие осуществлять деятельность, связанную с общими полномочиями и реализацией прав и свобод граждан в целом. Специальные функции связаны со сферой внешней деятельности сотрудников ОВД, т.е. с теми делами, которые обеспечивают общественную безопасность, содействуют защите прав и свобод граждан

в случаях совершения административных правонарушений и зачастую включают в себя действия по административному принуждению.

Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 (изм. и доп. 08.08.2024) определяет ряд направлений административной деятельности полиции:

- мероприятия, содействующие охране общественного порядка и обеспечивающие безопасность общества;
- охрана и конвойное сопровождение лиц, взятых под стражу;
- контроль в сфере безопасности дорожного движения;
- участие в судопроизводстве по административным делам.

Именно этот последний пункт интересует нас в большей степени, т.к. данные функции органов внутренних дел, как отмечает А. И. Каплунов [5] позволяют повышать эффективность борьбы с административными правонарушениями и препятствуют вторжению преступных элементов в частную жизнь граждан. При анализе данных действий вышеуказанный автор опирается на КоАП РФ, в частности, ст. 27.1, конкретизирующую меры административно-процессуального принуждения, которые реализуются сотрудниками полиции. Именно данные меры позволяют говорить о специальном функционале, «разрешающем» подобные действия.

А. И. Каплунов [4] говорит об исследованиях, в которых актуализируется включение в систему административной ответственности различных элементов, предполагающих участие органов внутренних дел: медиация, контроль и упорядочение процесса спорта между нарушителем и пострадавшей стороной и пр. Особо необходимо отметить функцию медиации, которая не получила широкого распространения в российском административном процессе, однако является своеобразным типом правового регулирования отношений между участниками судопроизводства. Данный институт, по нашему мнению, имеет достаточно большой потенциал, однако не следует забывать, что на его реализацию сотрудникам полиции необходимо затратить много ресурсов, а такая возможность не всегда имеется.

К тому же, указанный нами выше исследователь склоняется к неприятию чуждых отечественной системе судопроизводства форм деятельности различных участников административного процесса. Он говорит о том, что подобный опыт необходимо тщательно исследовать и лишь потом, возможно реализовать «через призму достижений отечественной юридической науки» [4, с. 20].

Роль и функции правоохранительных органов в производстве по административным делам

Как мы уже отмечали ранее, правоохранительные органы являются активными участниками административной деятельности в общем и судопроизводства, как ее неотъемлемой части.

Однако, вопрос о сущности их деятельности, как отмечают вышеуказанные авторы, является дискуссионным и остается открытым. Некоторые авторы (Ф.П. Васильев, Э.Н. Гендеев и пр.) говорят о том, что они включаются в административное судопроизводство на стадии

возбуждения дела об административном правонарушении, другие (В. М. Боер) утверждают, что вся их деятельность сопряжена с данной сферой в контексте профилактики и пресечения административных правонарушений.

- реализация мер административного принуждения
- вторичная профилактика административных правонарушений и первичная преступлений

А. И. Каплунов и В. М. Боер указывают на то, что участие в административном судопроизводстве органов внутренних дел обеспечивается рядом факторов (оснований) реализации данных мер. Они включают в себя две составляющие:

- основные (материальные) факторы. Они указывают на наличие процесса и результата административного правонарушения;
- дополнительные (процессуальные) факторы отражают факт невыполнения специально уполномоченным должностным лицом функций, способствующих раскрытию преступления (установление личности правонарушителя, заполнение протоколов и пр.), наличия препятствий и условий, которые мешают выполнению данных функций.

Функции органов внутренних дел, как отмечают А. И. Каплунов [4] и А. Ф. Кучерявенко реализуются в рамках административного судопроизводства в строго отведенный период: с момента возбуждения дела об административном правонарушении до его прекращения. Кроме того, данные функции применимы в отношении конкретного лица, которое должно понести ответственность за совершенное правонарушение. Ответственность за данные правонарушения является более мягкой, чем за те преступления, которые могли бы быть совершены и чем та, которая прописана в нормах, что были нарушены.

Немаловажной особенностью функционала ОВД в административном судопроизводстве можно назвать то, что функции призваны обеспечить реализацию мер процессуального характера, направленных на обеспечение целостности процесса (обеспечение явки сторон в суд, обнаружение предметов правонарушения и пр.)

Именно поэтому специфика участия органов внутренних дел, как подчеркивают В. М. Боер и А. М. Барышев, обуславливает реализацию не только материально-правового, но и процессуально- правового механизмов. Это обусловлено тем что реализуется целая система правовых средств (к примеру, обеспечения и принуждения), которая начинает функционировать только в случаях нарушения конкретных административных норм.

А. М. Барышев говорит о том, что функции участия в административном судопроизводстве органов ОВД реализуются в контексте системы средств, приемов и методов, основе которых и строится описанная нами ранее административная деятельность сотрудников полиции.

Как отмечают Ф.П. Васильев и Э.Н. Гендеев, в качестве основных инструментов реализации данного функционала можно выделить:

Административно- правовые нормы, конкретизированные в формы и правила, которые были нарушены;

Юридические факты, способствующие возникновению процессуальных и материальных отношений;

Собственно, административно-правовые отношения.

Интеграция указанных выше инструментов в осуществление функций органами внутренних дел в административном судопроизводстве позволяет соблюдать его правила, порядок и достигать необходимого результата. По мнению В. М. Боера, органы внутренних дел в контексте организации и обеспечения реализации судопроизводства по административным делам имеют достаточно жесткие консервативные традиции юридической практики, которые обусловлены их многофункциональным, в том числе, и правоохранительным статусом. Функционал ОВД предполагает четкость, категоричность, лаконичность и предполагаемый результат. Поэтому функция «модерации», против которой выступает А. И. Каплунов, не является, по нашему мнению, приемлемой в административном производстве, т.к. она предполагает некое отхождение от правил, возможность варьировать модели поведения, чего не допустимо при участии сотрудников органов внутренних дел в административном производстве. Данные правила закреплены в КоАП, Таможенном кодексе, Налоговом кодексе и иных нормативно-правовых актах, которые содержат четкие правила, разъяснение сути неправомерных действий, ответственность за них и предписывают сотрудникам ОВД реализовывать свои функции в строго указанных рамках.

Основной функционал органов внутренних дел, по мнению П.А. Скобликова [9] состоит в обеспечении соблюдения порядка судопроизводства, реализации тех правовых норм, которые обеспечивают привлечение виновного к административной ответственности, в общем, косвенно способствуют охране правопорядка и реализации непосредственных правоохранительных функций. Причем, как отмечает данный автор, осуществление таких функций не нужно путать с санкциями и мероприятиями реализации ответственности, наказанием виновных. Подобные действия не входят в компетенцию сотрудников органов внутренних дел. Такой функционал позволяет организовать административное судопроизводство в соответствии с порядком, провести все необходимые процедурные мероприятия и являются своеобразными актами управления, которые позволяют решить «стратегические задачи» судопроизводства (поиск виновного, отправление правосудия, наступление ответственности).

Также важно отметить, что функционал сотрудников ОВД нацелен на реализацию правовых ограничений в отношении виновной стороны и охранную деятельность по отношению к стороне пострадавшей.

Также А. И. Каплунов упоминает о том, что функции сотрудников органов внутренних дел могут реализовываться на следующих стадиях административного судопроизводства:

На этапе возбуждения дела осуществляются первичные функции (определение виновного лица, поиск предмета правонарушения, определение способа его совершения);

Стадия рассмотрения дела обуславливает необходимость привода, предоставления необходимых доказательств и пр.);

Этап исполнения постановления по делу (назначение штрафа, помещение виновного в специальные учреждения, арест имущества, изъятие необходимых документов (водительские права).

Таким образом, мы подтверждаем значимость функционала органов внутренних дел в административном судопроизводстве, т.к. перечисленный комплекс действий, призванный обеспечить процессуальный порядок, по полномочиям доступен лишь сотрудникам полиции. В этот же перечень возможно включить доставку, задержание, обеспечение сохранности доказательств, охрану свидетелей, досмотр вещей и ряд иных действий, необходимых при осуществлении судопроизводства. Данные функции необходимо считать уникальными, т.к. ни один субъект административного судопроизводства не имеет полномочий для их осуществления.

Н. Г. Шурухнов [12] говорит о том, что именно полиция, как правоохранительный орган, имеет специфические признаки, которые обуславливают возможность выполнения указанного выше функционала.

Во-первых, основной сферой деятельности сотрудников ОВД являются публичные отношения, что имеет непосредственное отношение не только к основной, оперативно-розыскной деятельности, но и к обеспечению процессуальности административного производства.

Во-вторых, полиция как субъект судопроизводства, наделена достаточными правами и полномочиями, чтобы полноценно в нем участвовать и способствовать осуществлению правосудия.

И, в-третьих, осуществление специальных, регламентированных государством действий, которые входят в исследуемый нами функционал.

В качестве основного вывода необходимо отметить сложность и неоднозначность исследования функций органов внутренних дел как стороны административного судопроизводства.

Российская система органов внутренних дел имеет функционал, предоставляющий сотрудникам достаточно широкие полномочия. Однако, при этом необходимо помнить, что данная сфера имеет два «пространства» реализации: правоохранительное (профилактическое) и процессуальное (материально- действенное) которые не всегда пересекаются в административном судопроизводстве.

Для того, чтобы функции органов внутренних дел реализовывались в полном объеме, необходимо активизировать систему юридических средств и методов, которые способствуют оптимизации деятельности сотрудников ОВД относительно административного судопроизводства. При этом в качестве основных критериев

эффективности необходимо рассмотреть: надежность, длительность применения, масштаб реализации и результативность.

Таким образом, общие и специальные функции сотрудников полиции на различных этапах административного судопроизводства обеспечиваются системой факторов материального и процессуального характера, которые способствуют реализации различных мер регулятивного и правоохранительного порядка, ориентированных на достижение социально значимого результата судопроизводства – достижение справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боер В. М., Барышев А. М. Полномочия и предметы ведения ОВД в процессе обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Социология и право. 2011. №4. С. 47-59.
2. Васильев Ф.П., Гендеев Э.Н. Современное толкование о правовых основах деятельности сотрудников полиции МВД России в процессе производства дел об административных правонарушениях // Таврический научный обозреватель. 2015. №4-2. С. 84-90.
3. Головкин В. В., Губин А. И. Участие органов и должностных лиц в рассмотрении судьями дел об административных правонарушениях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. №2 (49). С. 33-36
4. Каплунов А. И. Об аномалиях развития отечественной теории и законодательства об административном принуждении и процессуальных формах его реализации // 25 лет на службе Отечеству: Сборник научных трудов, посвященный деятельности научных школ Санкт-Петербургского университета МВД России и приуроченной к 25-летию со дня его образования / Сост.: О.И. Городовая, О.С. Кравченко, А.А. Жаворонкова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 15-20.
5. Каплунов А. И. Глава 14. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административно-процессуальное право: Учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников внутренних дел Российской Федерации. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С. 276-316.
6. Каплунов А. И., Мамедов Э. Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. 232 с.
7. Кивич Ю. В. Реализация административно-процессуального статуса органов внутренних дел в свете реформирования законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник экономической безопасности. 2017. №3. С. 161-163.

8. Кучерявенко А. Ф. Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое органами внутренних дел // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 307-310.

9. Скобликов П.А. Типы и виды рассматриваемых судами гражданских дел с участием органов внутренних дел и их должностных лиц // Труды Академии управления МВД России. 2015. №2 (34). С. 22-25.

10. Чмырёв С. Н. Правовое положение деятельности милиции по государственной защите потерпевшего как участника уголовного судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №3. С. 81-83.

11. Шевцов А. В. О содержании понятия «Административная юрисдикция полиции МВД России» // Труды Академии управления МВД России. 2020. №1 (53). С. 32-39.

12. Шурухнов Н. Г. Анализ сущности признаков, позволяющий считать полицию правоохранительным органом // Юридическая гносеология. 2024. № 1. С. 50-62.

THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONALITY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS PARTIES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Parshina A.A.

This work is devoted to identifying the features of the functional of internal affairs bodies as a participant in administrative proceedings. The publication reflects the main activities of the internal affairs bodies in the context of participation as a third party in the administrative process.

The author studies the peculiarities of the participation of representatives of internal affairs bodies as one of the parties to administrative proceedings in the context of historical transformations, changes in the role of the police (militia) in the consideration of cases of administrative offenses.

The purpose of the study is to study the features of the functions performed by the police as a party to administrative proceedings. The object is the administrative process, the subject is the specifics of the IAB functionality.

This topic is of particular relevance in the light of changes in modern legislation and, in accordance with this, the transformation of functions performed by internal affairs bodies. By identifying the special powers of representatives of the Department of Internal Affairs, the author defines the specifics of their activities at each stage of production. In the context of the administrative jurisdiction of these employees, the specifics of their participation in the proceedings of the administrative plan and the improvement of the effectiveness of the consideration of such cases are determined.

Keywords: administrative proceedings, police, internal affairs bodies, official duties, legislation, administrative coercion, legal practice, theoretical research.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.91

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ – СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СТАТУСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ И НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Кудрявцева Вера Павловна

Доцент, кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского процесса,
ФГБУ ВПО «Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева»,
г. Екатеринбург, Россия
SPIN-код 8293-8899

Институт участия органов государственной власти и местного самоуправления в судебном процессе, введенный в гражданское процессуальное право еще в период СССР, показал свою эффективность и зарекомендовал себя в качестве действенного средства повышения качества отправления правосудия. Научные споры, касающиеся второй формы участия властных органов в гражданском процессе – путем дачи заключения по делу, – концентрируются вокруг заданных советской юридической традицией базовых принципов. В настоящем

исследовании предлагается иной взгляд на характер участия властных органов по гражданским делам в форме дачи заключения по делу. Автор доказывает, обращаясь к историко-политическому контексту внедрения этого процессуального статуса в законодательство, что его правовая природа основана на функции и назначении участия в деле. В работе аргументирована несостоятельность взгляда на заключение властного органа в процессе как на средство доказывания и источник доказательственной информации; проанализированы качественные изменения идеи участия органов власти в гражданском процессе на современном этапе; рассмотрены противоречия процессуального инструментария и новых материально-правовых институтов, сформировавшихся в современных условиях; предложен вариант сопряжения не соотносящихся процессуальных норм для достижения социально значимых целей.

Ключевые слова: участие органов государственной власти в гражданском процессе; дача заключения по делу; средства доказывания; юридический процессуальный интерес; принцип непосредственности исследования доказательств; принцип независимости судей; процессуальный статус; унификация законодательства; юридическая аксиология; образовательный ценз.

Советская власть кардинально реформировала процессуальные отношения, доставшиеся ей в наследство от российской имперской судебной системы. Одним из нововведений, качественно изменивших уровень отправления правосудия по гражданским делам, стало установление ранее неизвестного отечественному процессуальному праву статуса органов власти в целях исполнения возложенных на них функций. В настоящее время советские правовые традиции частично усвоены российским законодательством; они воплощены, в том числе, в статье 47 Гражданского процессуального кодекса России (далее – ГПК РФ), закрепляющей возможность органов государственной власти и органов местного самоуправления вступать в судебный процесс с целью дачи заключения по делу.

Рассмотрению этого процессуального института в области научного исследования гражданского процесса посвящено немало трудов. Одним из первых исследований в этом направлении стали кандидатские диссертации А.А. Добровольского [1] и Р.Ф. Каллистратовой [2], которые легли в основу теоретического обоснования этого нового для гражданского процессуального права института и заложили научную базу закрепления его самостоятельного процессуального статуса. Безусловно, введение рассматриваемой процессуальной фигуры было вызвано также политическими причинами (расширение государственного вмешательства в частноправовые отношения) [3, с. 192], на которые откликнулось юридическое научное сообщество.

Право давать заключение по гражданскому делу было предоставлено исключительно органам государственного управления по результатам реформ 1960-х годов. Впервые нормативное закрепление данного статуса было отражено в ст. 30 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, вступивших в силу 8 декабря 1961 года; в РСФСР процессуальный статус был закреплен статьей 42 ГПК РСФСР 1964 г. Действовавшая до этого статья 172 ГПК РСФСР 1923 г., которая обязывала суд извещать о рассмотрении дела государственное учреждение или государственное предприятие при обнаружении признаков его юридической заинтересованности в деле, вызвала разные толкования, поскольку характер заинтересованности законодателем не был конкретизирован. Представители органа власти давали заключение в рамках компетенции этого органа, заключавшейся в выполнении государственных функций надзора в определенной сфере. Это положение, например, позволило Д.М. Чечоту и В.Н. Щеглову распространить рассматриваемый процессуальный статус на технических инспекторов профсоюзов [4, с. 118–119]. Тем не менее право давать заключение по делу с включением квалификации правоотношений сторон и выводов о законности и обоснованности требования по делу в целом было воспринято и поддержано в российской процессуальной науке [4, с. 122; 5, с. 220–221].

Впоследствии процессуальное значение заключения по делу стало предметом острой научной дискуссии: некоторые процессуалисты полагают, что заключение относится к судебным доказательствам [6, с. 6, 24; 7, с. 9, 20; 8, с. 570–571, с. 573–575], другие отрицают процессуальную природу доказательства в заключении по делу [9, с. 7; 10, с. 85; 11, с. 306], существует и третья точка зрения, согласно которой заключения властных структур обладают смешанной правовой природой [12, с. 7].

Однако возникает вопрос: зачем суду заслушивать позицию представителя органа власти (хотя бы и специализирующегося в соответствующей государственно-управленческой сфере) по рассматриваемому делу? Безусловно, в силу действия принципа независимости судей заключение властного субъекта необязательно для суда при разрешении дела, что подчеркивается большинством процессуалистов. Соответственно, определять заключение органа как «мнение по рассматриваемому делу, выраженное в форме властного веления» [7, с. 8-9], представляется ошибочным (с критикой указанного взгляда нельзя не согласиться [13, с. 323]) именно потому, что смысл термина «веление» подчеркивает властный характер участия. Как следствие, верным представляется взгляд на правовую природу заключения государственного органа в процессе (равно как и заключения прокурора, так как эти формы появились и развивались в советском гражданском процессуальном праве параллельно, и их назначение в базовом смысле почти идентично) как выражение компетентного мнения в соответствующей управленческой сфере в целях помощи суду при вынесении законного и обоснованного решения [12, с. 6].

Специализируясь в определенной сфере общественных отношений, властный орган при даче заключения «предлагает суду свой, компетентный вариант разрешения юридического конфликта или дела» [14, с. 266]. Соответственно, нельзя согласиться с критикой А.Т. Боннером основанного на «формальных соображениях» [8, с. 569] взгляда, отрицающего доказательственную силу заключений властных органов. Представляется, что отправным пунктом при определении правовой природы заключений властных органов служит не формальное закрепление этого процессуального явления в той или иной норме права (или неуказание среди средств доказывания) – это как раз является следствием, а причина, «первоисточник», обуславливающий разработанную процессуальную конструкцию, – назначение, цель участия этого органа в такой форме, ответ на вопрос, «зачем этот субъект нужен в процессе».

Доказательственное значение, которое подчеркивается процессуалистами, особенно теми, кто отстаивает позицию о наделении заключения по делу, данного органом власти, статусом средства доказывания, вызывает сомнения в силу ряда причин. Безусловно, в своем заключении субъекты, участвующие в деле в порядке ст. 47 ГПК РФ, отражают собранные ими фактические данные («доказательства» в смысле ст. 55 ГПК РФ). Однако по какой-то причине научным сообществом не приводятся к единому знаменателю две идеи.

Во-первых, бремя доказывания лежит на том, кто предъявляет требования или возражения. Субъекты же, вступающие в дело для дачи заключения, ничего не требуют и не высказывают никаких возражений. Обязанность по сбору данных на госорганы возложена в связи с выполнением ими функций в соответствующей сфере государственного управления, чтобы «проконсультировать» суд. То есть уполномоченные органы (и прокурор, участвующий во второй форме) – не субъекты доказывания, информацию они собирают не для суда, а для себя – чтобы сделать соответствующие выводы и сформировать свою позицию.

Во-вторых, если исходить из приемлемости идеи о том, что сведения, собранные властным органом, имеют доказательственное значение, то не вступает ли такое допущение в противоречие с неоспоримым принципом непосредственности исследования доказательств (ведь суд обязан лично получить информацию, а не «через третьи руки» – взгляды на интерпретацию принципа непосредственности изложены во многих работах [15, с. 98–149])?

В контексте содержания этого принципа вопрос исследования в процессе производного доказательства при наличии доступа к первоначальному доказательству для науки гражданского процесса выглядит спорным, тем не менее заслушивание заключения органа власти (если исходить из наличия у заключения доказательственной силы) без личного исследования первоисточников информации представляет собой яркий пример нивелирования значения идеи непосредственности. В этом плане интересно гражданское дело, несколько лет назад широко обсуждавшееся в средствах массовой информации: лишение женщины родительских прав в отношении

пятилетней дочери, найденной в московской квартире в антисанитарных условиях [16].

Несмотря на составление акта органом опеки, судья в порядке ст. 58 ГПК РФ производила осмотр квартиры лично. Поэтому сбор фактических данных, реализуемый органом, нужен не суду, а самому органу, чтобы дать правовую оценку и сформулировать вывод о возможном разрешении дела. Исследование судом фактических данных, которые собрал соответствующий субъект, нужно для оценки именно вывода, сличения вариантов фактологической картины, составленной судом и дающим заключение органом, чтобы оценить достоверность этого вывода и пригодность его учета при принятии решения по делу.

Таким образом, можно роль и значение заключения компетентного органа (а также прокурора) выкристаллизовать в еще более четкой и однозначной формулировке: это легальная, разрешенная государством юридическая консультация судье по вопросу того, каким образом нужно квалифицировать правоотношения в той или иной сфере или по делу в целом. Безусловно, указанная формулировка в части понимания правовой природы заключений властных субъектов некоторыми представителями научного сообщества может быть воспринята как «теоретический ревизионизм», тем не менее она вполне может подвергнута верификации и пройти проверку с точки зрения научной обоснованности.

Наглядным примером в этой связи является дело об усыновлении (удочерении) ребенка, которое проявляет наличие и характер юридического интереса властных субъектов, занимающих тот или иной процессуальный статус. Юридический процессуальный интерес суда заключается в своевременном и правильном рассмотрении и разрешении этого дела. Применительно к делу об усыновлении (удочерении) ребенка критерий «правильность» означает вывод по существу – соответствует ли интересам ребенка передача его на воспитание в обратившуюся с заявлением об усыновлении семью. Прокурор, участвующий в деле, дает заключение с позиции соблюдения режима законности – не нарушает ли права ребенка передача на воспитание усыновителю (усыновителям). Орган опеки также обязан дать заключение по делу с общим выводом в рамках своей компетенции (рассматриваемый пример полностью подпадает под компетенцию органов опеки, соответственно, их заключение будет с точки зрения диапазона охвата включать в себя всё дело по существу) – то есть отвечает ли интересам ребенка его передача на воспитание желающему (желающим) его усыновить лицу (лицам)? Разрешение этого юридического вопроса в рамках политико-правовой идеологии нацелено на «идеальный исход» – приоритет семейного воспитания. То есть суд, разрешающий дело по существу, и указанные субъекты, дающие заключение по делу, реализуют одинаковый по направлению, но разный по функции, юридический процессуальный интерес.

Анализируя назначение участия властных органов в процессе, нельзя забывать об историко-политическом контексте, в условиях которого этот процессуальный институт был встроен в

законодательство: обязательность юридического образования для судей в историческом плане нормативно закреплена сравнительно недавно – лишь в 1989 году [17]. Законодательство начала XX века – периода, как известно, ознаменованного революционными событиями и коренным изменением социально-политического уклада жизни страны, при формировании народного суда (реализуя идею «судей из народа»), коллегиально рассматривавшего гражданские дела с участием народных заседателей, не предъявляло к составу суда образовательного ценза (см.: ст. 15 и 18 Постановления ВЦИК «Об утверждении Положения о судеустройстве РСФСР» от 17 ноября 1926 г.; ст. 11 Закона СССР «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 г.). Иными словами, в советское время правосудие отправляли лица, в том числе, не имевшие специальных знаний в сфере юриспруденции, подтвержденных документом о профильном образовании; такая ситуация аналогична тому, чтобы поставить к хирургическому столу заведующего сельским клубом. Качественное изменение правовых отношений после Октябрьской революции 1917 года, масштабная смена кадрового состава бюрократического аппарата, очевидно, привели к расширению субъектного состава участников гражданского процесса, поскольку подготовка новых специалистов в условиях действия другой правовой системы требовала больших временных затрат, а возникавшие споры должны были разрешаться в изменяющихся юридических и экономических реалиях незамедлительно.

Отправление правосудия представляет собой сложную интеллектуальную деятельность, включающую в себя не только мыслительный и аналитический функционал по правоприменению (постановке «юридических диагнозов» – то есть правовой квалификации отношений, а также «назначению лечения» – то есть удовлетворению просьбы о применении способа защиты права), но и психологический компонент (осознание своих должностных обязанностей как формы влияния на судьбы других лиц). Поэтому предъявление к кандидатам на должность судьи особых квалификационных требований и условия наличия у них практического опыта представляется естественным следствием содержания процесса правосудия.

Повышение квалификационных требований к судейскому корпусу в современных условиях ставит на повестку дня вопрос о необходимости сохранять статусы «правовых консультантов» суда в гражданском процессе (и в других видах цивилистического процесса). Ответ на этот вопрос находится в аксиологической плоскости и должен решаться государством. Анализ перечня дел, по которым властные органы дают заключение, показывает, что законодатель допускает «юридическую помощь» судье (несмотря на действующую аксиому «судья – эксперт в праве») по особым делам, имеющим социальную значимость (когда решаются вопросы о правах несовершеннолетних, изменении правового статуса человека, ограничении его конституционных свобод, а также вопросы, затрагивающие интересы публичных образований, общества,

неопределенного круга лиц и др.). Поэтому сохранение за судом возможности получить мнение специализированного юриста (прокурора – в сфере обеспечения режима законности, властных органов – в сфере их профессиональной компетенции) будет зависеть от позиции государства – дозволяет ли оно правоприменителю как профессионалу в определенной сфере – самостоятельно разрешать такие дела или оставит возможность обращения за консультацией. Представляется, что упразднить вторую форму участия в гражданском процессе (и других видах цивилистического процесса) властных органов не нужно, поскольку сфера права перманентно расширяется, нормативный массив усложняется, что затрудняет работу с этим инструментарием; и отказ от компетентного мнения со стороны государственных органов способен снизить качество отправления правосудия. Правильное, справедливое разрешение дела – это идеальное состояние, к которому всеми силами стремится правосудие, отказ от ориентации на его самоценность разрушит до основания гражданское судопроизводство. Однако, если будет принято решение о сохранении указанных выше статусов и форм участия, то придется ответить на вопрос: не нарушает ли такое участие принцип независимости суда и не умаляет ли главенствующую роль судьи при отпращивании правосудия? Думается, что и здесь ответ должен быть отрицательным. Несомненно, вполне возможны спекуляции относительно такой модели правосудия, при которой дело разрешается неким признанным специалистом в определенной сфере (прошедшим сито тщательного отбора и соответствующим широкому перечню критериев, прежде всего профессиональных, но также и личных для занятия своей должности), при этом его – того, кто должен быть независимым, осуществляя свою функцию, – «консультируют» другие юристы, которые рекомендуют варианты разрешения дела. Не означает ли это допущения недостаточного уровня квалификации правоприменителей, и констатацию их фактической зависимости от коллег при одновременной установке на особую значимость независимости суда? Ответом на подобные рассуждения должна стать ясная репрезентация государственной воли, аргументированная аксиологическая установка обществу, сформулированная на политико-правовом уровне.

Прежде чем перейти непосредственно к аргументации обозначенной идеи, следует сделать ремарку относительно апелляции к политическому фундаменту правовых явлений. Как бы юридическая наука в последние тридцать лет не пыталась освободиться от политических мотивов при конструировании правовых явлений, именно политическая воля задает вектор развития социума, разграничивает явления на «ценные» и «социально опасные», а потому служит отправной точкой для выработки моделей законопослушного поведения людей. Яркой иллюстрацией данного взаимодействия выступает отсутствие в российском праве институтов, способствующих морально-нравственному разложению человека, но декларируемых в ряде стран в качестве новых «прогрессивных» социальных ценностей, именно по причине проявления в России сильной политической воли,

не допустившей проникновение в нашу юридическую сферу этих положений. Поэтому критерии оценки в двухфакторной системе координат «хорошо/плохо» применительно к правовому инструментарию должны опираться на эффективность разработанных юридических конструкций, их способность влиять на жизнь государства и общества, качественно ее улучшать. Как следствие – такая «отправная точка» при сохранении рассматриваемых статусов и формы участия в процессе должна отражать идейное содержание конституционных гарантий («заботы об обществе», «заботы о правоприменителе-судье», который может, несмотря на профессиональную подготовку и стаж, пользоваться помощью коллег по социально значимым делам, устанавливаемым государством). Например, в сфере медицины лечащий врач имеет право созвать консилиум коллег для консультации по сложным случаям медицинской практики (ч. 3, 4 ст. 48, ч. 2 ст. 70 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), однако, согласно этому закону, мнение, изложенное в решении консилиума, не обязательно для учета в терапии непосредственно самим лечащим врачом, поскольку именно он (а не консилиум) принимает решение о тактике лечения и несет ответственность за жизнь и здоровье пациента. Сравнение со схожей по функционалу сферой общественных отношений демонстрирует естественность юридической конструкции, закрепляющей вторую форму участия властных субъектов и ее очевидную востребованность. В ситуации выбора между идеей независимости правоприменителя (с последующим исправлением возможной допущенной ошибки через институты обжалования судебных актов) и идеей допустимости консультации во избежание ошибки, представляется, что приоритет должен быть отдан последней, поскольку именно она обеспечивает скорейшее достижение главной цели гражданского судопроизводства – правильное, справедливое и своевременное рассмотрение и разрешение гражданского дела.

Новый виток развития права на современном этапе, таким образом, вновь устраивает своеобразную проверку на прочность советской процессуальной доктрине и ее правовому инструментарию. Не обошла этой участи и вторая форма участия госорганов и прокуроров по гражданским делам. Переформатирование структуры государственного аппарата, введение нового уровня взаимодействия власти и населения изменили наименование процессуального статуса, закрепленного в ст. 47 ГПК РФ. В частности, закрепление в действующей Конституции России гарантий автономности местного самоуправления и органов, решающих вопросы местного значения, объяснимо повлекло отнесение к категории властных субъектов и органов местного самоуправления (тем более что на определенном этапе органы опеки и попечительства также вошли в систему муниципальных органов).

Разрастание управленческого аппарата, появление нового вида «чиновников», не являющихся работниками властных органов, обозначило проблему: могут ли эти лица вступать в гражданское дело с целью дачи заключения, если выполняют государственно-правовую,

управленческую функцию и обладают специальными познаниями в соответствующей сфере?

Например, в силу формулировки названия процессуального статуса заключение по делу в порядке ст. 47 ГПК РФ не могут давать должностные лица, даже если устанавливающий их правовой статус федеральный закон наделяет их таким полномочием. Указанное положение основано на историческом понимании статуса должностного лица как представителя коллективного государственного органа, а потому действия соответствующего лица квалифицируются как активность госоргана, в штате которого данное лицо состоит [3, с. 21]. Такой отход от личностного фактора решал проблему сохранения принятых правовых актов, совершенных действий при замене работника государственного органа (что позволяло избежать обращения к институту процессуального правопреемства). Однако на современном этапе развития управленческого аппарата в структуре иерархии власти сформированы должности, которые не являются частью коллективного органа. Так, на основании п. 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27.12.2018 правом вступать в рассматриваемое дело наделены Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации и в регионах (причем проблемы, связанные с внедрением этого института, носят принципиальный характер [18]). Представляется, что в данном случае, при отсутствии изменения формулировки нормы ст. 47 ГПК РФ, единственным способом, сопрягающим нормы материального права в отношении нового субъекта, обладающего публичными полномочиями, и процессуального института, разработанного в советское время в рамках советской идеологической матрицы, будет расширительное толкование статьи Кодекса.

Заметим: профессиональное мнение властного субъекта может быть востребовано не только по гражданским делам, но также и в коммерческой юрисдикции и при рассмотрении публично-правовых споров в соответствии с Кодексом административного судопроизводства России. Однако ни АПК РФ, ни КАС РФ в качестве самостоятельной формы участия подобного статуса не закрепляют [19]. Несмотря на дополнение статьи 37 КАС РФ пунктом 4 (где указана общая возможность вступать в дело с целью дачи заключения), представляется, что такая регламентация не выглядит удачной. Процессуальный статус, являясь особым видом правового статуса, как юридическая конструкция состоит из трех элементов: юридических прав, юридических обязанностей и юридической ответственности. Поэтому указание на общую возможность участия без конкретизации этих элементов (а для процессуальных статусов – дополнительно и целевой составляющей участия; времени вступления в процесс; юридического факта, «открывающего» доступ в суд; динамики статуса в зависимости от этапа развития процессуального отношения, а также ряда других опорных точек, необходимых для актуализации нормативной природы материала) представляет собой название книги без текста. Использование аналогии при этом – не панацея, коль скоро

законодатель решил, что разница процессуального алгоритма при разрешении спора о частном праве и спора о праве публичном настолько велика, что заслуживает отдельной кодификации. Без ответа остается и вопрос о том, какой логикой руководствовался законодатель при оформлении своей позиции, поскольку при отсутствии в изначальной редакции КАС РФ даже самой возможности таких субъектов давать заключение по административному делу, тем не менее прописана норма о представителе ЦИК, дающем заключение по делу (ч. 7 ст. 243 КАС РФ). Юридическая техника АПК РФ также страдает отсутствием конкретики. Вторая форма участия в деле в этом Кодексе также не закреплена, однако статус Уполномоченного по правам предпринимателей, введенный в закон не вполне удачно (на что было обращено внимание научным сообществом [20; 21; 22]), по сути, закрепляет участие этого субъекта в арбитражном процессе именно с целью дачи заключения по делу.

Есть основания полагать, что нормативный массив, закрепляющий один и тот же процессуальный статус при рассмотрении разных дел, будет в конце концов унифицирован, поскольку сущностных различий, продиктованных характером материальных правоотношений, он не имеет.

По результатам вышеизложенного следует заключить, что участие властных органов в форме дачи заключения по делу, разработанное и внедренное в законодательство в качественно иных социально-политических условиях (в период СССР), с другим уровнем развития права и ряда ценностных ориентиров, должно сохранить свою значимость, но должно быть переосмыслено в аксиологическом отношении и впоследствии обрести целостное, непротиворечивое закрепление в отечественном законодательстве в части цивилистического процессуального права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровольский, А. А. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юрид. наук / Моск. юрид. ин-т. – Москва, 1954. – 15 с.
2. Каллистратова, Р. Ф. Институт «особого участия» государственных и общественных организаций в советском гражданском процессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 1954.
3. Шакарян, М. С. Субъекты гражданского процессуального права. – Москва, 1970. – 215 с.
4. Щеглов, В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – 130 с.
5. Чечот, Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. – Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ; Изд-во юридического факультета, 2005. – 616 с.

6. Бахарева, О. А. Субъекты, защищающие от своего имени права других лиц в гражданском судопроизводстве (на примере участия органов местного самоуправления): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2000.

7. Григорьев, А. Н. Заключение как формы выражения мнений отдельных участников гражданского судопроизводства: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2011.

8. Боннер, А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском процессе. – Москва: Проспект, 2016. – 616 с.

9. Кулакова, В. Ю. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2001.

10. Треушников, М. К. Судебные доказательства. – Москва: Городец, 2004.

11. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса / 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. – 784 с.

12. Джандосова, Е. В. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2006.

13. Газарова, С. А. Заключение органа власти в арбитражном процессе и независимость судебной власти // Образование и право. – 2023. – №12. – С. 322–325.

14. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник / 3-е изд., перераб. – Москва: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. – 704 с.

15. Воронов, А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. – Москва: Издательский дом «Городец», 2009. – С. 98–149.

16. URL: <https://mperspektiva.ru/topics/mat-devochki-maugli-v-mae-sobirayutsya-lishit-roditelskikh-prav> (дата обращения: 12.12.2024).

17. Статья 8 Закона СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР».

18. Плотников, Д. А. К вопросу о гражданской процессуальной правосубъектности Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации и ее субъектах: постановка проблемы / Д. А. Плотников, С. В. Федяев, Г. Н. Плотникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – №1. – С. 3–8.

20. Михалов, С. М. Участие органов, организаций и лиц в административном деле для дачи по нему заключения // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, №2(159). – С. 18–26.

21. Зайков, Д. Е. Уполномоченные по защите прав предпринимателей как участники арбитражного процесса // Безопасность бизнеса. – 2019. – №6. – С. 9–13.

22. Юдин, А. В. Допустимость участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в неисковых видах производства // Вестник гражданского процесса. – 2023. №6. – С. 65–80.

23. Газарова, С. А. К вопросу о праве дачи заключения по делу органом власти в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – №7. – С. 15–19.

**THE CONCLUSION OF PUBLIC AUTHORITIES
AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES ON CASES IN CIVIL
PROCEEDINGS IS THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE
OF STATUS IN THE CONTEXT OF MODERN REALITIES
AND NEW CHALLENGES**

Kudryavtseva V.P.

The institute of participation of public authorities and local self-government, introduced into civil procedure law during the Soviet period of its development, has shown its effectiveness and has established itself as an effective means of improving the quality of the administration of justice. Scientific disputes concerning the second form of participation of authorities in civil proceedings by giving an opinion on the case are concentrated around the semantic points of support set by Soviet science. This study offers a different view on understanding the essence of the participation of authorities in civil cases in the form of giving an opinion on the case. The author proves, referring to the historical and political context of the introduction of this procedural status into legislation, that its legal nature is based on the function and purpose of participation in the case. The inconsistency of the view of the conclusion of the authority in the process as a means of proof and a source of evidentiary information is argued. The qualitative changes in the idea of the participation of bodies in the process at the present stage are analyzed. The inconsistency of procedural tools and new substantive legal institutions that have appeared in modern conditions is demonstrated, and a variant of combining unrelated norms to achieve socially significant goals is proposed.

Keywords: participation of public authorities in civil proceedings; legal opinion on the case; means of proof; legal procedural interest; the principle of immediacy of evidence research; the principle of independence of judges; procedural status; unification of legislation; legal axiology; educational qualification.

УДК 347.234.5

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕДР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РФ И США (ШТАТ ТЕХАС)

Лантух Наталия Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации
SPIN-код: 6720-2390

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры общественных
наук, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Северо-Западный институт управления РАНХиГС),
Санкт-Петербург, Российская Федерация
SPIN-код: 3553-6855

Бородин Михаил Павлович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
переподготовки и повышения квалификации специалистов,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя
Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
SPIN-код: 1543-2447

Кижеватов Михаил Алексеевич

Юрист, АО «МАГЭ»

В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования права собственности на землю и недра в Российской Федерации и штате Техас (США). Актуальность исследования обусловлена важностью природных ресурсов для российской экономики, где экспорт углеводородов и минеральных продуктов играет ключевую роль. В статье рассматриваются особенности российского законодательства, согласно которому недра остаются в исключительной государственной собственности и могут использоваться частными

лицами только на основании лицензий. В противоположность этому, в законодательстве Техаса предусмотрено отделение минеральных прав от прав на земельный участок, что позволяет владельцам недр распоряжаться ими независимо от прав на землю. Анализ положений Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Закона РФ «О недрах», а также Texas Property Code и Texas Natural Resources Code позволяет выявить преимущества и недостатки обоих правовых режимов. Рассмотрение правовой конструкции Техаса предоставляет новую перспективу для обсуждения возможных реформ в российском законодательстве, направленных на повышение экономической эффективности и устойчивое использование природных ресурсов.

Ключевые слова: Право собственности на землю, недра, минеральные права, законодательство России, законодательство Техаса, лицензия на пользование недрами, гражданское право, регулирование природных ресурсов, сравнительно-правовой анализ, экономическая эффективность.

Актуальность темы статьи обусловлена значимостью природных ресурсов для экономики России, где экспорт углеводородов и минеральных продуктов составляет основу внешнеэкономической деятельности [8]. В этой связи, вопросы правового регулирования недр и их взаимосвязи с правом собственности на земельные участки становятся особенно важными. Современное законодательство России, включая Гражданский кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Закон РФ «О недрах» и др., устанавливает отдельные правовые режимы для земельных участков и недр, что порождает значительное количество теоретических дискуссий и практических сложностей. В частности, остается открытым вопрос о разграничении права собственности на недра и земельные участки. Работа является продолжением проведенных авторами исследований [8-12].

Для более глубокого понимания правовых подходов к собственности на землю и недра целесообразно рассмотреть конструкцию правового регулирования недр на примере законодательства штата Техас (США) и проанализировать возможность применения подобного подхода в российском законодательстве. В Техасе действует правовой режим, при котором минеральные права могут быть отделены от права собственности на земельный участок, образуя отдельный объект собственности. Это позволяет владельцам минеральных прав (которые могут не совпадать с владельцами земельных участков) владеть, пользоваться и распоряжаться недрами независимо от прав на поверхность. Основными правовыми актами, регулирующими данную сферу, являются Texas Natural Resources Code и Texas Property Code, которые устанавливают детальные правила использования природных ресурсов, включая выдачу лицензий и условия минерального лизинга.

Такой подход создаёт условия для активного вовлечения частного сектора в экономическую деятельность, связанную с добычей нефти, газа и других полезных ископаемых, что позитивно сказывается на экономике штата. По данным за третий квартал 2024 года, рост ВВП Техаса был во многом обусловлен развитием добывающей промышленности и связанных с ней отраслей, таких как переработка и услуги [15]. В Техасе модель, основанная на раздельном регулировании прав на землю и недра, обеспечивает баланс интересов собственников земли и пользователей недр, а также способствует устойчивому экономическому развитию.

Анализ правовых механизмов Техаса позволяет выделить положительные аспекты такой модели, что может стать основой для обсуждения возможности реформирования российского законодательства. Рассмотрение данной конструкции предоставляет новую перспективу для понимания прав на землю и недра в России, позволяя выработать рекомендации по оптимизации правового регулирования с целью повышения экономической эффективности и устойчивого использования природных ресурсов.

Природное значение и важность для национальной экономики обуславливают особый правовой статус пользование недрами в России. Главными нормативно-правовыми актами, устанавливающими этот режим, являются Закон РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 года № 2395-1 [3] и соответствующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1]. Так, статье 130 ГК РФ участок недр указывается как самостоятельный объект прав, наряду с земельным участком, однако владение землёй не предоставляет автоматического права на недра под этим участком. Рассмотрим ключевые особенности пользования недрами в Российской Федерации, исходя из положений законодательства.

Согласно статье 1.2 Закона «О недрах», недра на всей территории Российской Федерации, включая её континентальный шельф и подземные ресурсы, являются государственной собственностью. Этот принцип исключает возможность перехода права собственности на участки недр к частным лицам или организациям. Лица или организации, желающие использовать недра, могут получить только право пользования (лицензию), но не право собственности. Таким образом, недра не рассматриваются как объект гражданских прав, доступный для частного владения, продажи или залога и т.д. Они остаются в собственности государства, которое может предоставлять права на их использование в виде лицензий, определяющих условия и пределы пользования.

Право пользования недрами имеет ограниченную оборотоспособность: пользователь не может продать или заложить участок недр, поскольку он остается в федеральной собственности [7, С. 148]. Однако правомочия, предоставленные лицензией, могут передаваться другим лицам путем заключения договоров, предусматривающих уступку прав или передачу обязательств, вытекающих из лицензии. Это позволяет пользователям недр

привлекать к реализации проекта партнеров или сторонних инвесторов, но при этом они не утрачивают своих обязательств перед государством.

Собственник земельного участка имеет ограниченные права в отношении недр, находящихся под его землей. Например, статья 19 Закона «О недрах» позволяет землевладельцам добывать для личных нужд общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды в объеме до 100 кубометров в сутки, если эти ресурсы не числятся на государственном балансе. Это право действует на ограниченной глубине (до пяти метров), и собственники земли не могут претендовать на добычу ресурсов, находящихся ниже этой отметки без получения лицензии.

Если деятельность недропользователя затрагивает территорию, принадлежащую другому лицу, законодательство предусматривает необходимость получения согласия владельца участка на использование земли (ст. 11 Закона «О недрах»). Однако само право пользования недрами является обязательственным и не включает права собственности на участок недр. Это обязательственное право носит абсолютный характер, что означает, что пользователь недр может требовать исключения доступа иных лиц к предоставленному ему горному отводу. Конституционный Суд РФ в своём определении [4] отметил, что пользователь недр вправе требовать защиты своих интересов, включая ограничение доступа других лиц на участок недр, несмотря на права собственности на землю над этим участком.

Использование недр может осуществляться через так называемые горные и геологические отвода, которые регулируются статьей 7 Закона «О недрах». Горный отвод – это конкретная территория, границы которой устанавливаются в лицензии и определяются на основе технического проекта, прошедшего государственную экспертизу. Пользователь горного отвода получает исключительное право на эксплуатацию ресурсов, находящихся в пределах этого отвода, но не приобретает право собственности на недра. В случае геологического отвода границы могут не ограничиваться по глубине, и это позволяет проводить исследования или добычу на более значительных глубинах.

Право пользования недрами сопровождается строгими условиями, обеспечивающими экологическую защиту и безопасность. Статья 22 Закона «О недрах» устанавливает, что недропользователь имеет право требовать ограничения строительства над предоставленным ему участком недр, чтобы предотвратить проседание земли или другие негативные последствия. В случаях, когда деятельность собственника участка или пользователя недр создаёт угрозу причинения вреда имуществу другой стороны, обе стороны могут обратиться за судебной защитой в соответствии со статьей 1065 ГК РФ и статьей 8 Закона «О недрах», которые допускают запрет потенциально опасных действий.

Минеральные права в Техасе представляют собой отдельный объект собственности, который регулируется отдельно от прав на земельные участки, что создаёт особую правовую конструкцию и требует учёта специфических процедур их получения. Вот как это

работает с учётом особенностей юридического оформления и регулирования.

Минеральные права в Техасе могут находиться в собственности как вместе с землёй, так и отдельно, что подтверждается Texas Property Code. Когда минеральные права отделены, собственник земли не может автоматически распоряжаться недрами. Это разделение закреплено юридически и требует отдельного оформления права на недра, что может быть подтверждено в документах на собственность или в публичных записях. Таким образом, закон признаёт возможность множественности прав на один участок, обеспечивая при этом правовые основания для независимого владения и распоряжения минеральными ресурсами.

Минеральные права в Техасе могут быть приобретены различными способами, включая покупку, наследование и аренду, что предоставляет владельцам широкие возможности по распоряжению правами. Первое, покупка земельного участка с минеральными правами. Если владелец земельного участка также обладает минеральными правами, они передаются вместе с землёй, при условии, что не оговорено иное. Для подтверждения владения такими правами покупателю следует проверить юридические документы, так как сделки с землёй не всегда включают переход прав на недра. Второе, отдельная покупка минеральных прав. Минеральные права могут быть проданы независимо от прав на землю. Такой тип покупки требует заключения отдельного договора и регистрации сделки, аналогично обычной продаже недвижимости. При этом минеральные права приобретают статус отдельного имущества, которым можно распоряжаться независимо от участка. Третье, наследование. Минеральные права в Техасе могут быть переданы по наследству, что означает возможность прямого перехода прав к наследникам. Это также требует регистрации, чтобы правопреемственность была подтверждена юридически.

Минеральные права часто передаются в аренду добывающим компаниям через так называемый минеральный лизинг. Это один из наиболее распространённых способов использования минеральных прав. При минеральном лизинге владелец прав подписывает с добывающей компанией договор, который предоставляет ей право добывать ресурсы в обмен на роялти, что отражено в положениях Texas Natural Resources Code. В договоре оговариваются условия добычи, охрана окружающей среды, компенсационные выплаты владельцам земли, если права на поверхность принадлежат другому лицу, а также обязательства по восстановлению земельного участка после завершения добычи.

Договор аренды минеральных прав даёт компании значительные права на использование земли, однако такие права ограничены условиями договора и закона. Например, Texas Property Code требует, чтобы добывающие компании минимизировали воздействие на землевладельцев, что подтверждает принцип справедливого распределения прав и защиты интересов как землевладельцев, так и владельцев недр.

В Техасе действует принцип доминирования минеральных прав, который означает, что права на недра имеют приоритет над правами на землю. Это позволяет владельцам минеральных прав или арендаторам использовать поверхность для добычи в объёме, необходимом для доступа к недрам. Однако Texas Property Code обязывает арендаторов учитывать интересы собственников земли, сокращая ущерб при проведении работ. Принцип доминирования, таким образом, предоставляет особые преимущества владельцам минеральных прав, позволяя им требовать доступ к земле и пользоваться участком для выполнения своих обязанностей по добыче.

Минеральные права в Техасе обладают определённой оборотоспособностью: они могут передаваться по договорам дарения, обмениваться или быть заложены в качестве обеспечения, что также регулируется Texas Property Code. Закон Техаса предусматривает, что такие сделки требуют обязательной регистрации, чтобы новые владельцы или кредиторы могли подтвердить свои права и предотвратить возможные юридические споры. Однако при этом оборотоспособность минеральных прав ограничена условиями заключённых договоров, так как обязательства арендатора или владельца по добыче остаются в силе перед государством, что создаёт структуру прав и обязанностей, направленных на регулирование и упорядочение минеральной деятельности.

Texas Natural Resources Code (TNRC) регулирует использование природных ресурсов в Техасе, включая недра, минералы и воду. Важным аспектом TNRC является признание права частной собственности на природные ресурсы, что позволяет владельцам земельных участков обладать правами на минералы и другие ресурсы, находящиеся под землёй. В соответствии с Разделом 91.002 TNRC, владельцы земельных участков имеют право на использование ресурсов, находящихся под их участком, однако это право не является абсолютным и может быть ограничено.

Несмотря на обширные права, владельцы должны соблюдать экологические нормы и правила, установленные федеральными и государственными органами, что может ограничить использование ресурсов. В частности, Раздел 92.051 TNRC подразумевает необходимость соблюдения экологических стандартов, что может накладывать обязательства учитывать права соседей и других сторон, что может вызывать споры.

Что касается прав на недра, TNRC детализирует права на добычу полезных ископаемых. В Техасе владельцы земельных участков часто также владеют минеральными правами, однако это не всегда так. Раздел 91.101 TNRC определяет, что минеральные права могут быть отделены от земельных прав, что добавляет сложность к вопросам владения и использования ресурсов. Закон устанавливает процедуры для добычи, включая требования к лицензированию и соблюдению стандартов безопасности (например, Раздел 81.051 TNRC), что делает обязательным получение разрешений на добычу и соблюдение правил для минимизации негативного воздействия на окружающую среду.

Сравнение с российским законодательством показывает существенные различия. В отличие от США, где право собственности на недра может быть отделено от права собственности на землю, в России недра считаются государственным ресурсом, и их использование регулируется отдельными нормами. Согласно российскому законодательству, владельцы земельных участков не имеют автоматических прав на недра, что существенно отличает подходы к правам собственности и регулирующим нормам в обеих странах. Таким образом, правовое различие заключается в том, что в Техасе применяется правовая конструкция собственности на недра не только и не столь государственную, сколько частную, в то время как в России собственность на недра исключительно государственная.

Сравнительный анализ правового регулирования права собственности на землю и недра в Российской Федерации и штате Техас (США) позволяет выделить ключевые особенности и правовые подходы обеих юрисдикций. В России недра рассматриваются исключительно как объект государственной собственности, и любое использование недр возможно только на основании лицензий, выдаваемых государственными органами. Подобный подход основан на необходимости контроля за природными ресурсами и экологической безопасностью, а также на стратегическом значении недр для экономики страны. Государственное регулирование обеспечивает строгий надзор и ограничение права пользования недрами, что позволяет государству контролировать доступ к этим ресурсам. Однако такой режим ограничивает экономическую свободу частного сектора, снижая возможности для активного развития регионов и их вовлеченности в добывающую экономику.

В штате Техас действует принцип отделения минеральных прав от прав на земельный участок, что делает минеральные права самостоятельным объектом гражданского оборота, доступным для купли-продажи, аренды и передачи по наследству. Это создаёт гибкую систему, в которой владелец недр (минеральных прав) может независимо распоряжаться ими, заключать договоры аренды, получать роялти и привлекать инвестиции. Такой подход стимулирует частные инвестиции и способствует активному развитию добывающих отраслей, положительно влияя на экономику штата и создавая условия для роста ВВП. В результате экономические и законодательные условия в Техасе способствуют эффективному и интегрированному использованию земельных и минеральных ресурсов.

Применение элементов тexasской модели в российском законодательстве представляется теоретически возможным и может быть полезным для обсуждения перспектив реформирования законодательства. Россия могла бы рассмотреть вопрос об ограниченном предоставлении прав на недра частным лицам с сохранением государственного контроля. Введение такой системы могло бы открыть возможности для более широкого привлечения частного капитала и развития региональных экономик, особенно в отдалённых территориях с природными ресурсами. При этом ограниченное предоставление прав

на недра, сохраняющее важные элементы государственного контроля, могло бы повысить экономическую ценность ресурсов и способствовать их устойчивому использованию.

Таким образом, оптимизация российского правового регулирования недр с учётом зарубежного опыта позволила бы более эффективно использовать природные ресурсы, повышая их экономическую отдачу для регионов, при этом сохраняя баланс интересов государства, частного сектора и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.11.2024)

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 01.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 01.11.2024)

3. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 01.11.2024)

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.06.2014 № 1314-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Кирпичный» и гражданина Халенкова Артура Васильевича на нарушение конституционных прав и свобод частью четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О недрах» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision167586.pdf> (дата обращения: 01.11.2024)

5. Texas Property Code. Title 2. Property Rights and Transactions. Chapter 75. Texas Property Code // Официальный сайт Законодательного собрания штата Техас. URL: <https://statutes.capitol.texas.gov/Docs/PR/htm/PR.75.htm> (дата обращения: 01.11.2024).

6. Texas Natural Resources Code. Title 3. Oil and Gas. Chapter 81-92. Texas Natural Resources Code // Официальный сайт Законодательного собрания штата Техас. URL: <https://statutes.capitol.texas.gov/Docs/NR/htm/NR.81.htm> (Дата обращения: 01.11.2024).

7. Зуев, А. В. Земельное право: учебное пособие / А. В. Зуев // Государственный университет морского и речного флота С. О. Макарова. – Санкт-Петербург, 2024. – 50 с.

8. Зуев, А. В. Земельное право [Текст] : учебное пособие / А. В. Зуев, Ю. П. Шубин ; Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Санкт-

Петербург : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина (ЛГУ), 2013. – 148 с.; 20 см.; ISBN 978-5-8290-1278-6.

9. Зуев, А. В. Некоторые проблемы государственной регистрации прав на земельные участки в Российской Федерации / А. В. Зуев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2022. – № 2(55). – С. 55-60. – EDN PVBQNM.

10. Общие положения о механизме государственной регистрации прав на земельные участки и сделок с ними в российской правовой системе / А. В. Зуев, М. П. Бородин, С. Н. Рубцов [и др.] // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 9-1. – С. 233-241. – DOI 10.34670/AR.2023.16.38.029. – EDN KOSSWL.

11. Особенности осуществления государственной регистрации права в зависимости от вида прав на земельные участки / А. В. Зуев, М. П. Бородин, С. Н. Рубцов, Е. А. Горбаренко // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 8-1. – С. 304-313. – DOI 10.34670/AR.2023.27.21.037. – EDN MGBMMX.

12. Становление и развитие системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России / А. В. Зуев, М. П. Бородин, С. Н. Рубцов, В. А. Беседина // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 9-1. – С. 242-251. – DOI 10.34670/AR.2023.25.22.031. – EDN DQRIDV.

13. Участки недр как объекты гражданских прав, Маштаков К.М., Юристъ-Правоведъ, 2018, № 1 (84), С. 147-151.

14. Экспорт и импорт Российской Федерации, Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации, годы (с 1995 г.): Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 01.11.2024)

15. Бюро экономического анализа США. Валовой внутренний продукт по штатам и личные доходы по штатам за 2-й квартал 2024 года: Официальный сайт. URL: <https://www.bea.gov/news/2024/gross-domestic-product-state-and-personal-income-state-2nd-quarter-2024> (дата обращения: 01.11.2024)

LAND OWNERSHIP RIGHTS AND SUBSURFACE RESTRICTIONS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES (STATE TEXAS)

Lantukh N.V., Rubtsov S.N., Borodin M.P., Kizhevator M.A.

This article conducts a comparative legal analysis of land and subsurface ownership rights in the Russian Federation and the state of Texas, USA. The study's relevance is based on the importance of natural resources to the Russian economy, where hydrocarbon and mineral exports are crucial. The article examines Russian law, which retains subsurface ownership exclusively by the state, allowing private use only through licensing. In contrast, Texas law separates mineral rights from land rights, enabling

subsurface owners to manage resources independently. Analyzing the Civil Code of the Russian Federation, the Land Code, the Law on Subsoil, and Texas Property and Natural Resources Codes, the study identifies advantages and disadvantages of each legal regime. Texas's approach provides insights for potential reforms in Russian legislation aimed at economic efficiency and sustainable resource use.

Keywords: Land ownership rights, subsurface rights, mineral rights, Russian legislation, Texas legislation, subsoil use license, civil law, natural resource regulation, comparative legal analysis, economic efficiency.

УДК 34

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ОБРАЗОВАНИЮ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Ноздрина Наталья Александровна

Доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Брянский государственный технический университет,

Ягунова Екатерина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической и инновационной деятельности, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

На сегодняшний день необходимо сформировать условия проверки школьников в части обладания природными склонностями к различным видам деятельности и проводить мониторинга условий развития одаренности в рамках системы образования, разработать систему социально-психологической поддержки семей с одаренными детьми. Целесообразно сформировать системы воспитания духовно-нравственных ценностей и патриотизма с учетом потребности в признании. Важно повысить прозрачность системы выбора одаренных детей для участия в специализированных программах развития. В статье показано, что для развития инфраструктуры поддержки талантливой молодежи необходимо сформировать ряд нормативных документов, определяющих методики качественного и количественного определения одаренности в зависимости от их видов. Комплексная и сбалансированная программа для одаренных должна обязательно включать сильный аффективный компонент и способствовать социальному и эмоциональному развитию учащихся. В мировой практике существуют несколько распространенных моделей создания инфраструктуры для развития одаренной молодежи с высокими академическими способностями. Эти модели включают развитие личности в социокультурной среде через создание специальных условий для поддержки, а также формирование специализированных учреждений для одаренной молодежи на довузовском этапе. Обе модели имеют свои преимущества и ограничения. В России в настоящее время институты поддержки развиваются по второму варианту, создаются специальные центры для реализации программ, направленных на

развитие различных видов одаренности. В рамках этих центров также проводится патриотическое воспитание, что способствует формированию не только высококвалифицированных специалистов, но и ответственных граждан.

Ключевые слова: талантливая молодежь, одаренность, интеллектуальный потенциал, педагогические инструменты, правовая система.

Талантливая молодежь способствует увеличению потенциала научной, экономической и культурной деятельности страны. Поэтому создание условий, которые позволят максимально раскрыть способности каждого одаренного человека, является необходимым для процветания общества. Существует общепринятое мнение в научных кругах, что обучение одаренной молодежи является одним из ключевых направлений эффективного использования ресурсов общества.

Проблема восприятия отсутствия возможностей для развития, из-за которой одаренные молодые люди покидают Россию, представляет собой одну из актуальных проблем современности. Это может быть связано с недостатками в патриотическом воспитании, отсутствием любви к Родине, непониманием возможностей для развития и самореализации в России, а также отсутствием шансов на признание. Создание условий для поддержки одаренной молодежи в России требует комплексного подхода, который объединяет образовательные инициативы, институциональную поддержку, патриотическое воспитание и международное сотрудничество. Важно разрабатывать специализированные образовательные программы, которые позволят детям и молодежи углубленно изучать предметы, соответствующие их интересам и способностям. Это может включать интенсивные курсы, мастер-классы, а также участие в научных конкурсах и олимпиадах, которые стимулируют их стремление к знаниям и самосовершенствованию. Важно исследовать не только педагогические методы для реализации этого потенциала, но и политические инструменты, которые помогут создать институциональные условия для сохранения талантливой молодежи в стране.

Создание молодежных центров, где молодые люди смогут обмениваться опытом и реализовывать свои проекты, также будет способствовать формированию активного гражданского общества. Поддержка стартапов и инновационных идей позволит талантливым молодым предпринимателям реализовывать свои амбиции и вносить вклад в экономическое развитие страны. Не менее значима институциональная поддержка на уровне государства. Гранты и стипендии для студентов, проявляющих выдающиеся результаты в учебе или науке, могут стать мощным стимулом для их дальнейшего развития.

Программы по изучению истории и культуры России помогут молодым людям глубже понять свои корни и достижения страны.

Участие в волонтерских проектах будет способствовать развитию чувства ответственности и принадлежности к своему народу, что крайне важно для формирования активной гражданской позиции. Поэтому изучение данной проблемы с точки зрения политического процесса является весьма актуальной темой для исследования. Патриотическое воспитание играет важную роль в формировании у молодежи чувства гордости за свою страну.

Существует несколько типов одаренности, включая вербальную, математическую, естественно-научную и художественную. Также различают интеллектуально и творчески одаренную молодежь, где одаренность определяется высоким уровнем освоения определенных навыков или знаний. В самом широком смысле одаренными или талантливыми называют детей, подростков или молодежь, обладающих когнитивными способностями, которые значительно превышают средний уровень для их возрастной группы.

Нет серьезных эмпирических оснований для различия понятия «одаренность» и «талант», и эти термины лучше рассматривать как взаимозаменяемые несмотря на то, что одаренность связывается с природными способностями или предрасположенностями, тогда как талант относится к приобретенным навыкам или специфическим умениям.

Существует множество различных способов определять "одаренность". Один из самых распространенных способов – это выявлять одаренность на основе количественных показателей, таких как высокий IQ. На современном этапе исследователи и практики согласились с тем, что одаренность не может быть охвачена одним единственным показателем.

Мнение о том, что высокий IQ является лишь одним из аспектов одаренности, остается общепринятым. В свою очередь в мировой практике используется метод определения одаренности как превосходство в пяти областях: общие интеллектуальные способности, конкретные академические способности, творческое или продуктивное мышление, лидерские качества, изобразительное и исполнительское искусство.

Другие исследователи и практики предложили расширить понятие одаренности в соответствии с изменениями в восприятии интеллекта как многогранного явления. Одна из моделей определения одаренности изображает её как сочетание увлечения сложными задачами, высокой креативности и выше среднего уровня способностей. По мнению учёных, каждый человек может быть успешным или одаренным в одном или нескольких из следующих видов: вербально-лингвистическом, логико-математическом, визуально-пространственном, музыкальном, телесно-кинестетическом, внутриличностном, межличностном и естественно-научном. Одаренность, согласно исследованиям, можно рассматривать через призму множественных видов интеллекта, которые могут проявляться у талантливых людей.

Тем не менее, независимо от того, как определяется одаренность, важно учитывать социально-политические аспекты признания и развития таланта. На основе научных данных, выделили три основных типа интеллекта:

- аналитический (академический),
- синтетический (творческий),
- практический (прикладной).

Именно эти типы интеллекта лежат в основе классификации одаренности.

У одаренной молодежи есть две основные потребности: реализовать свои способности и получить признание. Это можно достичь с помощью различных инструментов. Если в стране нет признания и возможностей для развития, это часто приводит к поиску возможностей за границей. Поэтому политические меры по созданию инфраструктуры для поддержки талантливой молодежи должны включать возможности для получения образования и развития, а также признания их достижений. Кроме того, такие меры должны акцентировать внимание на патриотическом воспитании больше, чем для других социальных групп. Это может создать у одаренной молодежи ощущение, что за границей они могут добиться большего успеха и что их родина недостаточно ценит их способности, что может привести к отсутствию чувства ответственности за реализацию своих возможностей на благо страны. Исследования в области психологии талантливой молодежи показывают, что одаренные учащиеся должны осознать и принять свою исключительность, а также научиться справляться с социальными и эмоциональными трудностями в своей семье и окружении.

Традиционное представление об интеллекте как о едином качестве, измеряемом с помощью единого показателя IQ, все чаще признается недостаточным для оценки одаренности. Определения одаренности были расширены и теперь включают такие характеристики, как приверженность, стремление к мастерству, разнообразные способы мышления и креативность. В настоящее время важно применять справедливый подход к стремлению к совершенству для всех учеников, включая тех, кто находится в группе риска, а также менее способных, способных и одаренных. Это расширение можно рассматривать как попытку решить социальные проблемы, возникающие из противоречия между равенством и стремлением к совершенству, и оно связано с изменением представлений об одаренности и таланте в контексте многомерного понимания интеллекта.

Тенденция к основанию образовательной практики на расширенных представлениях об одаренности сохранится, и дальнейшее развитие будет учитывать различные концепции одаренности в различных культурных контекстах. Кроме того, существует тенденция искать объяснения одаренности на основе современных знаний о функциях мозга из области неврологии и нейропсихологии. Растет признание более широкого понимания

одаренности и многомерного подхода к развитию интеллекта среди педагогов, работающих с одаренными детьми.

В настоящее время развивается направление, использования технологий учебной коммуникации, основанных на достижениях информационных технологий. Практическое применение углубленных знаний о функциях мозга в исследованиях обучения одаренных студентов станет одной из ключевых тенденций в образовании в следующем десятилетии.

В настоящее время наиболее распространенным способом реализации одаренности является ускоренное обучение в школе с последующим поступлением в вуз в более раннем возрасте, без учета уровня социальной адаптации. Очевидно, что, хотя сейчас существуют инструменты для реализации научного потенциала студентов на ранних курсах, можно также создать систему дополнительного развития одаренных школьников через углубленное участие в дополнительных учебных мероприятиях без необходимости ускоренного обучения в школьной системе. На данный момент в России существуют развитые институты, поддерживающие талантливую молодежь в области творчества и спорта через специализированные образовательные учреждения и систему конкурсов, которые обеспечивают признание и поддержку. Однако институты, помогающие одаренной молодежи в аналитических или прикладных областях, находятся на стадии формирования.

Комплексная и сбалансированная программа для одаренных должна обязательно включать сильный аффективный компонент и способствовать социальному и эмоциональному развитию учащихся. Существуют несколько распространенных моделей создания инфраструктуры для развития одаренной молодежи с высокими академическими способностями. Эти модели включают развитие личности в социокультурной среде через создание специальных условий для поддержки, а также формирование специализированных учреждений для одаренной молодежи на довузовском этапе. Обе модели имеют свои преимущества и ограничения. В России в настоящее время институты поддержки развиваются по второму варианту, создаются специальные центры для реализации программ, направленных на развитие различных видов одаренности. В рамках этих центров также проводится патриотическое воспитание, что способствует формированию не только высококвалифицированных специалистов, но и ответственных граждан.

Необходимо улучшить критерии, которые помогут прозрачность процесса отбора талантливых детей для участия в специализированных программах развития. В таких условиях важно разработать ряд нормативных документов, которые будут определять методики качественной и количественной оценки одаренности молодежи в зависимости от ее различных проявлений

Важно разработать систему социально-психологической поддержки для семей с одаренными детьми. Помимо этого, надо создать систему воспитания духовно-нравственных ценностей и патриотизма,

учитывая потребность в признании достижений. Кроме того, необходимо создать условия для оценки всех школьников на предмет наличия природных склонностей к различным видам деятельности и проводить мониторинг условий, способствующих развитию одаренности в образовательной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялова Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как реализация национального самосознания китайского и русского народов // Лингвокультурология. 2008. No 2. С. 99 – 106.
2. Захарова, Л. И. Междисциплинарный подход формирования компетенций будущих бакалавров в области права / Л. И. Захарова, Е. Н. Абовян, Н. А. Ноздрин // Реализация компетентностного подхода в профессиональном образовании : сборник научных статей по итогам Региональной научно-практической конференции, 20 декабря 2019 г., Брянск, Брянск, 20 декабря 2019 года. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2020. – С. 171-178. – EDN PXXADZ.
3. Мадатов О.Я. Некоторые вопросы обеспечения информационной безопасности облачного хранения данных // Безопасность информационных технологий. 2018. Т. 25. No 3. С. 45 – 52.
4. Митрофанова А.Н. Региональные проблемы подготовки специалистов для АПК // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2007. No 1. С. 216 – 219.
5. Ноздрин, Н. А. Инструменты вовлечения молодежи в протестную деятельность: обобщение международного опыта / Н. А. Ноздрин, Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12, № 5А-6А. – С. 101-108. – DOI 10.34670/AR.2023.11.54.016. – EDN PXODOP.
6. Рочева, О. А. Совершенствование элементов профессиональной мотивации как фактор развития личности / О. А. Рочева, Р. И. Эшлиоглу, Н. А. Ноздрин // Russian Journal of Education and Psychology. – 2023. – Т. 14, № 4-2. – С. 35-39. – EDN PWMSNA.
7. Zavyalova N. Dataset for an analysis of communicative aspects of finance // Data in Brief. 2017. Vol. 11. P. 197 – 203.
8. Omeroglu E. et al. The terms used in gifted and talented education in Turkey, relevant legal framework and educational practices //International Journal of Early Childhood Special Education. – 2017. – Т. 9. – №. 1. – С. 1-30.
9. Ninkov I. Education policies for gifted children within a human rights paradigm: A comparative analysis //Journal of Human Rights and Social Work. – 2020. – Т. 5. – №. 4. – С. 280-289.

THE EVOLUTION OF ACCESS TO EDUCATION FOR TALENTED YOUTH: LEGAL ASPECTS

Nozdrina N. A. Yagunova E. E.

Today, it is necessary to create conditions for checking schoolchildren in terms of their intellectual aptitudes for various types of activities and to monitor the conditions for the development of giftedness within the educational system, to develop a system of socio-psychological support for families with gifted children. It is advisable to form systems for the education of spiritual and moral values and patriotism, taking into account the need for recognition. It is important to increase the transparency of the system for selecting gifted children to participate in specialized development programs. The article shows that in order to develop an infrastructure for supporting talented youth, it is necessary to form a number of regulatory documents defining methods for the qualitative and quantitative determination of giftedness, depending on their types. A comprehensive and balanced program for the gifted must necessarily include a strong affective component and promote the social and emotional development of students. In world practice, there are several common models for creating infrastructure for the development of gifted youth with high academic abilities. These models include personality development in a socio-cultural environment through the creation of special conditions for support, as well as the formation of specialized institutions for gifted youth at the pre-university stage. Both models have their advantages and limitations. In Russia, support institutions are currently developing according to the second option, special centers are being created to implement programs aimed at developing various types of giftedness. Patriotic education is also carried out within the framework of these centers, which contributes to the formation of not only highly qualified specialists, but also responsible citizens.

Keywords: talented youth, giftedness, intellectual potential, pedagogical tools, legal system

УДК 347.77.04

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ И КОММЕРЧЕСКИЕ СДЕЛКИ (ДОГОВОРЫ) В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ И ВИДЫ

Шипков Никита Антонович

Юрист Межрегиональной коллегии адвокатов города Москвы,
аспирант 3 курса Московского финансово-промышленного
университета «СИНЕРГИЯ»

Статья посвящена гражданско-правовому регулированию предпринимательских и коммерческих отношений в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Раскрыты основные правовые признаки предпринимательской деятельности, предложен критерий выделения коммерческой деятельности из всей совокупности предпринимательских отношений. Рассмотрены социально-экономическое содержание коммерческой цели и ее значение для разграничения коммерческих и предпринимательских договоров. Дана общая социально экономическая характеристика предпринимательской деятельности, в частности деятельности по получению прибыли на постоянной основе. В статье представлены позиции ученых-юристов о видах предпринимательских договоров, на основе которых предложена родовидовая классификация предпринимательских договоров, где отдельно выделены коммерческие договоры в сфере интеллектуальной собственности Российской Федерации. Рассмотрены вопросы соотношения предпринимательских договоров и коммерческих договоров, дан критерий выделения видов коммерческих договоров в сфере интеллектуальной собственности, раскрыты их общие характеристики, а также соотношение с другими видами предпринимательских соглашений.

Ключевые слова: Сфера интеллектуальной собственности, объекты исключительных прав, предпринимательские договоры, коммерческие договоры (сделки), результаты интеллектуальной

деятельности, объекты исключительных прав, коммерческая концессия, лицензионный договор.

Гражданские правоотношения, объектом которых выступают результаты интеллектуальной деятельности, в своей совокупности и взаимообусловленности экономических и социально-правовых связей, образуют сферу интеллектуальной собственности.

Понятие «сфера интеллектуальной собственности» является не только национальным (пункт 2 статьи 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК России), но и международным, межрегиональным правовым термином. Так, в пункте 1 статьи 89 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, раздела XXIII («Интеллектуальная собственность») определено, что Государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, обеспечивают на своей территории их охрану и защиту в соответствии с нормами международного права.

В сфере интеллектуальной собственности возникают, изменяются и прекращаются внедоговорные и договорные обязательства. В договорных обязательствах в сфере интеллектуальной собственности обособленно стоят обязательства, вытекающие из предпринимательской деятельности.

Законодатель, в положениях статьи 2 ГК России, использует понятие «гражданский оборот», а также дает определение понятию «предпринимательская деятельность», что позволяет раскрыть социально-правовую характеристику отношениям, возникающим в связи с реализацией товаров, услуг и работ, в том числе в сфере интеллектуальной собственности.

Предпринимательская деятельность – самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли. Положения пункта 1 статьи 2 ГК России разграничивают результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также определяют, что права на них являются интеллектуальными правами. Учитывая положения нормы, используем общее понятие для результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации – объекты интеллектуальных прав.

Оборот объектов интеллектуальных прав имеет место в отношениях, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорных и иных обязательствах, а также других имущественных и личных неимущественных отношениях, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Абзац 2 пункта 1 статьи 2 ГК России определяет, что участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане, юридические лица, отдельно выделены Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (статья

124 ГК России). Вместе с тем, в предпринимательской деятельности, сторонами или одной из сторон должны выступать либо граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность, либо коммерческие организации. В свою очередь, в сфере интеллектуальной собственности, с учетом предмета и содержания сделок, основное субъективное сочетание – правообладатели и граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Правообладателями, в свою очередь, могут быть граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Второй стороной сделки выступают лица, приобретающие исключительные права в необходимом объеме (например, лицензиат в лицензионном договоре, статья 1235 России).

Положение абзаца 3 пункта 1 статьи 2 ГК России указывает на два вида регулируемых отношений в предпринимательской деятельности: между предпринимателями и с их участием. Такое деление очерчивает лишь субъектов гражданских правоотношений, их сочетание, однако не характеризует направленность самих отношений.

Предпринимательская деятельность, с учетом указанного определения (статья 2 ГК России), характеризуется целью – получение прибыли, систематичностью и самостоятельностью, риском, а также легальностью.

Понятие прибыли необходимо определять, основываясь, прежде всего, на положениях Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК России), с учетом его административно-экономического значения.

В соответствии со статьей 247 НК России, прибылью признаются полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов, от реализации, а также от внереализационной деятельности. Другими словами прибыль от основной (статья 249 НК России) и от внереализационной (неосновной) деятельности (статья 250 НК России).

Правовое регулирование отдельно взятых гражданских правоотношений по извлечению прибыли осуществляется посредством совершения сделок. В этой связи, в теории гражданского права предлагается различная родовидовая классификация предпринимательских договоров. Так, Л. В. Андреева выделяет три группы сделок: общегражданские сделки; предпринимательские, совершаемые коммерсантами не для целей осуществления коммерческой деятельности, например, сделка строительного подряда для строительства офиса; коммерческие сделки, совершаемые в процессе осуществления коммерческой деятельности [1, С. 184]. Выделены группы сделок. Договоры продаж (первая группа), к ним отнесены договоры поставки, оптовой купли-продажи, биржевые сделки и др. Договоры, направленные на организацию сбыта товаров (вторая группа). В частности, комиссия, консигнация, агентские договоры, поручения, договор коммерческой концессии. И договоры, способствующие продвижению товаров на рынке (третья группа). В группу включены договоры по оказанию информационных и консультационных услуг, маркетинговых исследований рынка

определенного товара, договоры по созданию рекламной продукции и распространению рекламы, транспортной экспедиции, складского хранения и иные. Отдельно выделены договоры, направленные на организацию торговой деятельности [1, С. 185, 186]. Ученый аргументировано и всесторонне раскрывает природу коммерческих сделок, вместе с тем, необходимо дать четкое представление о критериях разграничения предпринимательской деятельности и коммерческой деятельности, предпринимательских договоров и коммерческих договоров (сделок).

Анализ научной и учебной литературы позволяет сделать вывод, что предпринимательский договор, в основном, характеризуется субъективным составом и (или) целью (коммерческая, прибыль и т.д.) [2, С. 87, 88, 89, 90]. Некоторые авторы предлагают выделить предпринимательский договор по двум критериям: планомерности и постоянности. Первый критерий «... позволяет относить к рассматриваемому феномену договор, который связывается со всей совокупностью сделок, направленной на получение прибыли» [2, С. 87]. В качестве примера приводится приобретение товаров для последующей перепродажи либо продажа товаров, ранее приобретенных с этой целью. Второй критерий – постоянность – предполагает совершение новых сделок, чтобы «полученная прибыль вкладывалась в новые операции» [2, С. 87].

Рассматривая данную проблематику, необходимо исходить из следующего. Предпринимательская деятельность является родовой, по отношению к коммерческой деятельности (родовидовые отношения). Основываясь на данном условии, чтобы выделить существенные признаки коммерческой сделки, необходимо основываться на признаках сделки. Гражданское право выделяет юридический состав сделки, что имеет значение для раскрытия характеристик отдельных видов коммерческих сделок в сфере интеллектуальной собственности. Важно выделить не столько юридический состав сделки, сколько через него (используя его признаки) выделить экономическую цель, которая не тождественна правовой цели сделки. Сделки – осознанные, целенаправленные, волевые действия физических и юридических лиц, совершая которые они стремятся к достижению определенных правовых последствий [3, С. 439, 440]. Сделка является «средством индивидуального поднормативного регулирования общественных отношений» [4, С. 179]. Данные определения и характеристики сделок позволяют говорить не только о правовых, но и о социальных и экономических результатах. Важно понимать, что такие результаты не входят и не должны входить в юридический состав сделки. Следует согласиться с утверждением, что «юридические цели (основания сделки) нельзя отождествлять с социально-экономическими целями субъектов сделки. Это важно по двум причинам: во-первых, одна и та же социально-экономическая цель может быть достигнута через реализацию различных правовых целей (например, социально-экономическая цель использования автомобиля может быть достигнута через реализацию таких правовых целей, как приобретение права

собственности на автомобиль или приобретение права пользования в результате найма автомобиля); во-вторых, сам по себе факт заведомого противоречия социально-экономических целей субъектов основам правопорядка или нравственности служит основанием для признания неправомерности действия, совершенного в виде сделки» [3, С. 441].

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-экономические цели характеризуют общественные отношения, возникающие в связи с извлечением прибыли. Социально-экономическая цель – извлечение прибыли – является лишь мотивом совершения предпринимателями, торговцами, коммерсантами гражданско-правовых сделок.

Мотивы побуждают совершить сделку, разработать бизнес-стратегию и план, определить объем и экономическое существо торговых (коммерческих) сделок, их последовательность и сочетание. Предпринимательская деятельность – не юридическая, а экономическая. Она направлена, соответственно, на систематическое извлечение прибыли. Юридическими вопросами занимаются юристы, получением прибыли – коммерсанты.

Социально-экономические цели позволяют выделить сделки по их социально-экономическому функционалу (предназначению). Основываясь на представленных выше мнениях ученых-юристов, предложим следующее деление гражданско-правовых сделок на группы, в зависимости от их социально-экономической цели:

- гражданско-правовые сделки (договоры), направленные на учреждение, организацию и функционирование субъектов предпринимательской деятельности (организационно-хозяйственные сделки);
- гражданско-правовые сделки (договоры), непосредственно направленные на извлечение прибыли (коммерческие сделки);
- гражданско-правовые сделки (договоры), направленные на обеспечение исполнения обязательств по коммерческим сделкам.

Правовая природа предпринимательских сделок предполагает, что сделки взаимосвязаны и взаимообусловлены, одновременно могут входить в ту или иную группу.

Учитывая представленную характеристику можно дать следующее социально-правовое и экономическое определение коммерческих сделок.

Коммерческие сделки – сделки предпринимателей и коммерческих организаций, непосредственно направленные на извлечение прибыли, в результате реализации товаров, выполнения работ, оказания услуг.

Соответственно, коммерческие сделки в сфере интеллектуальной собственности – сделки предпринимателей и коммерческих организаций, непосредственно направленные на извлечение прибыли, в результате реализации объектов интеллектуальной собственности.

Виды коммерческих сделок, можно, в свою очередь, выделить по объему предоставляемых исключительных прав, стоимость реализации

которых и будет определять полученную от сделки прибыль коммерческой организации и индивидуального предпринимателя.

Анализ практики применения закона, позволяет к коммерческим сделкам, прежде всего, отнести лицензионные (неисключительные) договоры, а также коммерческую концессию. Данными сделками коммерческая деятельность, безусловно, не ограничена, однако именно эти виды соглашений более всех других соответствуют «духу» коммерческой деятельности. По данному виду лицензионного договора лицензиату предоставляются права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации с сохранением за лицензиаром права выдачи лицензий другим лицам (простая (неисключительная) лицензия, подпункт 2 пункта 1 статьи 1236 ГК России).

По договору коммерческой концессии, на тех же условиях о простой (неисключительной) лицензии (пункт 4 статьи 1027 ГК России), предоставляется право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав. В частности, на коммерческое обозначение и секрет производства (ноу-хау).

Указанные условия сделок позволяют сохранить спекулятивный актив (не отчуждать его), что обеспечивает достижение коммерческой цели – систематическое извлечение прибыли от основного вида деятельности организации и предпринимателя.

Таким образом, коммерческие сделки, их правовой режим являются инструментом правового регулирования коммерческой деятельности, в частности, извлечения прибыли, гарантируют надлежащее исполнение обязательств контрагентов, что, в конечном итоге, способствует стабильному экономическому развитию предпринимательской деятельности в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Л. В. Теоретические проблемы коммерческого права России : дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 : защищена 01.07.2004 : утв. 15.10.2004 / Андреева Любовь Васильевна. – Москва: Моск. гос. юрид. акад., 2004. – 539 с.

2. Ковалев М. В. Предпринимательский договор в системе российского гражданского права : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03 / Ковалев Михаил Вениаминович. – Москва: Моск. гос. юрид. акад., 2004. – 193 с.

3. Суханов Е. А. Гражданское право. В. 4 т. Т. 1: Учебник. Общая часть / отв. ред. – Е. А. Суханов // 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2006 (Серия «Классический университетский учебник» / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова). Агентство СІР РГБС. – 720 с.

4. Егоров Ю. П. Правовой режим сделок как средств индивидуального гражданско-правового регулирования: дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Егоров Юрий Петрович. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2004 г. – 461 с.
5. Методические рекомендации для регионов по коммерциализации РИД. / Ульяшина С.Ю.- М.: ФИПС, 2021.-43 с.
6. Конституция Российской Федерации.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.
9. Шаблова, Е. Г. Гражданское право. Гражданско-правовые договоры: учеб. пособие / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк; [под общ. ред. Е. Г. Шабловой] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. фе- дер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 174 с.
10. Котенева О.Е. Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности: учебно-методическое пособие / О.Е. Котенева. – СПб.: Университет ИТМО, 2018. – 92 с.

ENTREPRENEURIAL AND COMMERCIAL TRANSACTIONS (AGREEMENTS) IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: RATIO AND TYPES

Shipkov N.A.

The article is devoted to the civil-legal regulation of entrepreneurial and commercial relations in the sphere of intellectual property in the Russian Federation. The main legal features of entrepreneurial activity are disclosed, a criterion for distinguishing commercial activity from the entire set of entrepreneurial relations is proposed. The socio-economic content of a commercial goal and its importance for distinguishing commercial and entrepreneurial contracts are considered. A general socio-economic characteristic of entrepreneurial activity is given, in particular, the activity of obtaining profit on a permanent basis. The article presents the positions of legal scholars on the types of entrepreneurial contracts, on the basis of which a generic classification of entrepreneurial contracts is proposed, where commercial contracts in the sphere of intellectual property of the Russian Federation are separately identified. The issues of the relationship between entrepreneurial contracts and commercial contracts are considered, a criterion for distinguishing types of commercial contracts in the sphere of intellectual property is given, their general characteristics are disclosed, as well as the relationship with other types of entrepreneurial agreements.

Keywords: The sphere of intellectual property, objects of exclusive rights, entrepreneurial agreements, commercial agreements (transactions), results of intellectual activity, objects of exclusive rights, commercial concession, licensing agreement.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.2

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Азимов Эльдар Мехтиярович

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
института экономики и права,
Петрозаводского государственного университета

Буточникова Татьяна Александровна

Магистрант кафедры уголовного права и процесса института
экономики и права,
Петрозаводского государственного университета

Сегодня в России одним из ключевых направлений борьбы с преступностью является профилактика преступности несовершеннолетних, которая имеет важное значения как на этапе до совершения, так и после совершения преступления. Для того чтобы исправление подростков достигло своей цели, судом должен быть разрешен вопрос не только о справедливости и соразмерности наказания, но и возможности исправления осужденного без его

назначения. Принудительные меры воспитательного воздействия являются тем инструментом, который обеспечивает возможность исправления несовершеннолетних осужденных путем применения к ним педагогических и психологических методов воздействия. Несмотря на важную роль принудительных мер воспитательного воздействия в формировании должного правосознания и правопослушного поведения несовершеннолетних осужденных, соотношение числа лиц, освобожденных от наказания с применением указанных мер, остается на достаточно низком уровне. В статье проанализированы причины, по которым суды отдают предпочтение назначению наказания, исследована судебная практика девяти кассационных округов, выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются суды при решении вопроса о возможности исправления несовершеннолетнего осужденного без назначения наказания, а также предложены пути решения данных проблем.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, исправление несовершеннолетних преступников, профилактика преступности несовершеннолетних.

Российская Федерация представляет собой правовое государство, деятельность которого направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина. Особое внимание уделяется защите прав и свобод ребенка. В 1996 году в Уголовном Кодексе РФ впервые была выделена 14 глава, которая регулирует особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Выделение отдельной главы обуславливается тем, что в силу психических и психологических особенностей несовершеннолетних, применяемые к ним меры должны носить специфический характер.

На сегодняшний день в России одним из наиболее важных направлений борьбы с преступностью является борьба с преступлениями, совершенными несовершеннолетними. Как верно отметила Полякова Е.В. «несовершеннолетние выступают одной из самых криминальных и незащищенных социально частей населения» [1, с. 25]. Большинство из совершенных ими преступлений носят корыстный характер, чаще всего совершаются в соучастии или под воздействием взрослых.

Падение уровня жизни большинства семей в результате ухудшения экономической ситуации, и, как следствие, неспособность подростков обеспечивать свои материальные потребности является причиной преступности несовершеннолетних, которая носит корыстную направленность. Более того, к криминологическим детерминантам подростковой преступности можно отнести низкий уровень семейных связей, неэффективное выполнение семьей функций социализации несовершеннолетнего в обществе, алкоголизация, аморальный образ жизни в семье, когда родители не в состоянии обеспечить надлежащее воспитание ребенка, когда несовершеннолетний предоставлен сам себе.

Также одной из причин преступности среди несовершеннолетних можно выделить несогласованность действий социальных институтов, таких как школа, правоохранительные службы, социальные службы, которые направлены на решение задач профилактики и предупреждения преступлений.

На наш взгляд, решение вопросов предупреждения преступления несовершеннолетних имеет важное значение, как на стадии «до совершения», так и на стадии «после совершения», когда превентивные меры, направленные на недопущение совершения преступления не сработали. К сожалению, существует тенденция перехода подростковой преступности во взрослую, когда происходит интеграция криминальных авторитетов в подростковую среду, а уголовная ответственность и назначенное наказание только способствует тому, что подросток вовлекается в криминальную структуру.

В 2000 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации вынес Постановление «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», в котором прямо указал судам на необходимость повышенного внимания к своевременному и качественному рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних, строгого соблюдения требований материального и процессуального законодательства, максимально способствовать обеспечению интересов, защиты законных прав несовершеннолетних, назначению справедливого наказания, предупреждению совершения новых преступлений. В 2011 году Пленум ВС РФ вновь вынес Постановление «О судебной практике применения законодательства, регулирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в котором указал судам о том, что применяемые меры воздействия должны обеспечивать максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и должны быть соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния, способствовать предупреждению преступлений среди несовершеннолетних, обеспечивать их ресоциализацию.

В 2012 году Указом Президента Российской Федерации «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» был сформулирован принцип дружественного правосудия в отношении несовершеннолетних, который заключается в восстановительном подходе и мерах воспитательного воздействия. В настоящее время Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р указанная стратегия продлена до 2025 года. В новой редакции концепции отражена актуальность проблемы развития в субъектах РФ необходимой инфраструктуры для обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних, их реабилитации и коррекции девиантного поведения.

Предполагается, что для достижения целей исправления несовершеннолетних, а также предупреждения совершения новых преступлений, судам надлежит не только решать вопросы о назначении справедливого и соразмерного наказания, но и возможность

исправления несовершеннолетнего без назначения наказания путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Именно принудительные меры воспитательного воздействия (далее – ПМВВ) обеспечивают соблюдение принципа дружественного правосудия, обеспечивают возможность ресоциализации подростков с учетом их психических и психологических особенностей.

Так, проведя анализ статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2013-2022 года, можно увидеть следующую динамику, которая отображена на диаграмме.

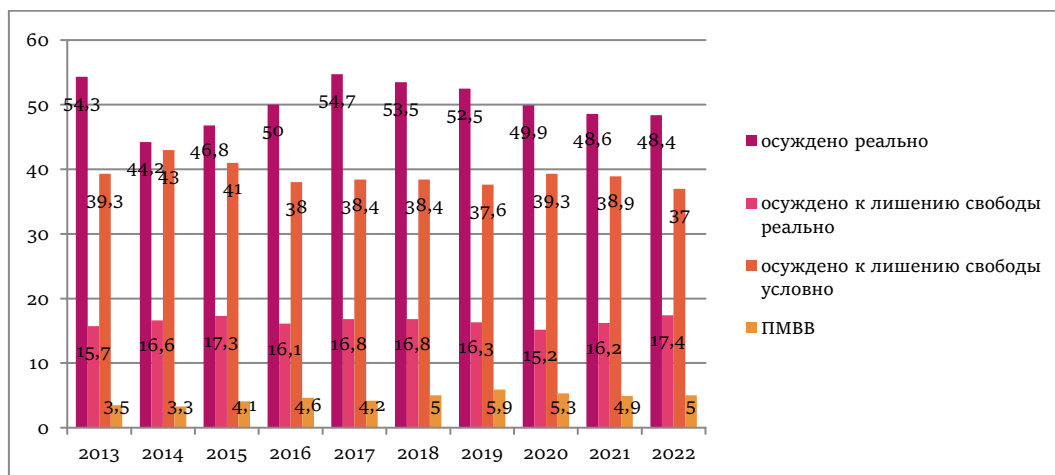

Рисунок 1 - Сведения о назначении наказаний несовершеннолетним

В 2013 году было осуждено 29205 несовершеннолетних, из них к реальному наказанию приговорено 54% всех осужденных, из них к реальному лишению свободы – 15%, к лишению свободы условно – 39,3 %, а освобождено от наказания с применением ПМВВ всего 3, 5%.

В 2014 году было осуждено 23586 несовершеннолетних, из них к реальному наказанию отбывали 44%, из них к лишению свободы было приговорено 15%, условно – 43%, а освобождено от наказания с применением ПМВВ всего 3, 3%.

Наибольший показатель применения ПМВВ зафиксирован в 2019 году – 5,9 %. За 10 лет на достаточно высоком уровне остается практика применения наказания несовершеннолетним в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ, в то время как освобождение от наказания с применением ПМВВ по-прежнему судами при вынесении приговора встречается крайне редко.

Рассмотрим причины низкого уровня применения судами принудительных мер воспитательного воздействия при освобождении несовершеннолетних от наказания.

Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет в ст. 90 условия применения ПМВВ и их виды. Главным условием применения ПМВВ законодатель выделяет возможность исправления несовершеннолетнего без назначения ему наказания.

Таким образом, при рассмотрении уголовного дела, судам необходимо исследовать не только обстоятельства совершенного преступления, но и другие немаловажные аспекты жизни подростка, такие как семейные взаимоотношения, круг общения, его занятия и увлечения, а также психическое и психологическое состояние. Только при изучении всех обстоятельств суд может прийти к выводу о том, возможно ли исправление подростка без назначения ему наказания. Тем не менее, в процессе судебного следствия изучаются письменные материалы дела, которые представлены для характеристики личности подсудимого и которые в большинстве случаев содержат удовлетворительные или неудовлетворительные характеристики со школы, в которой учится подросток, от участкового уполномоченного полиции, из КПДНиЗП. Такие характеристики носят субъективный характер, поскольку лица, их дающие, часто не хотят признавать то, что вовремя не оказали на несовершеннолетнего должного воспитательного воздействия при обнаружении первых признаков девиантного поведения. Не имея специальных познаний в сфере педагогики, подростковой психологии суды формально подходят к оценке возможности исправления подростка с применением ПМВВ, и принимают решение в пользу условного осуждения.

С учетом положений ч. 5 ст. 92 УК РФ было проанализировано 100 обвинительных приговоров из 9 кассационных округов за 2019-2023 г. г. В результате анализа было выявлено, что суды часто формально подходят к вопросу о невозможности применения к несовершеннолетним положений ст.ст. 90, 92 УК РФ, поскольку в мотивировочной части приговора отсутствуют причины принятого решения о невозможности применения к несовершеннолетнему положений ст. ст. 90, 92 УК РФ. Так, при вынесении обвинительного приговора в отношении несовершеннолетнего Х., обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, ранее не судимого, с удовлетворительными характеристиками по месту жительства и учебы, Кировский районный суд установил отсутствие оснований к освобождению от уголовной ответственности, от наказания, а также оснований для применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку полагает, «что его исправление не может быть достигнуто путем применения указанных мер» [2]. Подобная формулировка была выявлена в 17 судебных актах из 42, которыми был вынесен обвинительный приговор с назначением наказания. В остальных случаях суды не усматривают оснований ввиду совокупности данных о личности (наличие судимости, отрицательные характеристики, условия жизни в семье), которые по смыслу закона не являются препятствием для назначения ПМВВ повторно. В тексте 7 приговоров вопрос о возможности применения положений ст.ст. 90, 92 УК РФ вовсе не рассматривался. На наш взгляд, при вынесении обвинительного приговора в отношении несовершеннолетнего недопустимо формально подходить к невозможности освобождения несовершеннолетнего от наказания с применением положений ст.ст. 90, 92 УК РФ, поскольку в соответствии с положениями ст. 7 УПК

РФ решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Так как рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних требует особого подхода, а законный, обоснованный и справедливый приговор по результатам судебного следствия может быть вынесен только в случае, если в ходе следствия будут установлены все обстоятельства, в том числе и условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, состояние его здоровья, другие фактические данные, а также причины совершения преступления, судам следует уделять особое внимание на указание мотивов и причин, по которым к несовершеннолетнему не могут применяться те или иные принудительные меры воспитательного воздействия, чтобы исключить возможное нарушение прав несовершеннолетнего на те «льготы», которые предусмотрены законодательством.

Отсутствие мотивов невозможности применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего и формальный подход к решению данного вопроса стал основанием для отмены приговора Ленинского районного суда г. Курска от 19 июля 2021 года.

Апелляционным постановлением Курского областного суда от 20 сентября 2021 года было установлено, что «невозможность применения мер воспитательного воздействия к Д.Д. суд обосновал, сославшись на установленные в суде обстоятельства совершения кражи, т.е. фактически немотивировал невозможность применения мер воспитательного воздействия, и не указал, по каким основаниям применение ст. 90 УК РФ не будет соответствовать положениям ст. 6 УПК РФ. Кроме того, не учтены судом положения ст. 90 УК РФ и разъяснения, содержащиеся в п. 31 Постановления Пленума ВС РФ N 1 от 1 февраля 2011 года и п. 1 Постановления Пленума ВС РФ N 58 от 22 декабря 2015 года» [3].

Таким образом, наблюдается несостоятельность, отсутствие должной подготовки судей при решении вопросов о возможности или невозможности исправления несовершеннолетнего без назначения наказания в виду отсутствия у судей достаточного уровня подготовки в работе с подростками и оценки их возможного исправления, отсюда следует формализм к подходу о решении поставленного вопроса. В постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» прямо говорится о необходимости обеспечения их профессиональной компетентности путем обучения и переподготовки не только по вопросам права, но и по вопросам педагогики, социологии, подростковой психологии, криминологии, виктимологии, применения ювенальных технологий, используемых в рамках процессуального законодательства.

Однако, как правило, в судах нет четкого разграничения компетенции судей по рассмотрению той или иной категории дел, в частности и в отношении несовершеннолетних. Поэтому, решение данной проблемы видится в обязательном привлечении специалистов,

обладающими специальными знаниями, которые со стадии предварительного расследования и в процессе рассмотрения дела в суде, будут изучать личность несовершеннолетнего, условия жизни и воспитания, его психическое и психологическое состояние, будут высказывать свое профессиональное мнение, оформленное надлежащим образом и приобщенное к материалам уголовного дела, о возможности или невозможности исправления подростка без назначения наказания. Васильева Т.В. в своей статье «Институт принудительных мер воспитательного воздействия как элемент ювенальной юстиции в России» предлагает ввести в судах должность социального работника, который «по поручению судьи, в чьем производстве находится уголовное дело, посетит семью, пообщается с родителями, выяснит условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, организует его встречу с психологом, проконтролирует своевременность прохождения подростком медицинской комиссии и составит официальное заключение о возможности исправления несовершеннолетнего» [4, с.85]. Полагаем, что такое мнение имеет место быть, однако для полноты и всестороннего изучения личности подростка, совершившего преступление, участие специалиста, на наш взгляд, должно начинаться со стадии возбуждения уголовного дела, вступления в уголовное дело защитника, а вместе с ним и специалиста. Похожая практика уже сложилась в г. Котлас Архангельской области, где создан ГБКУ АО «Котласский Центр социальной помощи семье и детям «Маяк»», который проводит досудебное сопровождение несовершеннолетних, совершивших преступление, по результатам которого дается заключение о причинах совершения преступления, характеристика подростка, а также возможность его исправления без назначения наказания путем применения ПМВВ. Данное заключение приобщается к материалам уголовного дела, исследуется судом и наряду с другими доказательствами, ложится в основу приговора. [5,6,7]

Следующая причина редкого применения ПМВВ заключается в низкой эффективности некоторых видов мер. В ст. 91 УК РФ законодатель раскрывает содержание принудительных мер воспитательного воздействия. Так на сегодняшний день уголовное законодательство имеет исчерпывающий перечень принудительных мер воспитательного воздействия:

- предупреждение,
- передача под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо специализированного государственного органа,
- возложение обязанности загладит причиненный вред
- ограничение досуга и установление определенных требований к поведению несовершеннолетнего.

На наш взгляд, такой вид ПМВВ как предупреждение является не просто бессмысленным, но и противоречивым методом воздействия. Предупреждение несовершеннолетнего преступника заключается в разъяснении судом общественно опасных последствий совершенного деяния. Суд при вынесении предупреждение, убеждает подростка в

необходимости правомерного поведения и соблюдения законов. При этом суд должен обладать для несовершеннолетнего авторитетом, в противном случае, убеждение подростка в соблюдении закона и недопустимости противоправного поведения просто не увенчается успехом.

Действия по формированию должного поведения у подростка, воспитания в нем правосознания – задача родителей и образовательных учреждений, а также различных организаций, которые проводят профилактическую работу по предупреждению подростковой преступности. Если данные утверждения о необходимости соблюдения законов, недопустимости совершения противоправных действий не были восприняты подростком в повседневной жизни, то предупреждение суда о недопустимости такого поведения вряд-ли будет воспринято несовершеннолетним преступником. Более того, указанная мера не носит характер государственного принуждения, а значит, не может быть включена в перечень принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку несовершеннолетние не ощущают на себе никакого принуждения со стороны суда при вынесении ему предупреждения. Таким образом, полагаем, что такой вид ПМВВ как предупреждение необходимо исключить из ст. ст. 91, 92 УК РФ.

Сомнения в эффективности вызывает также такая ПМВВ как передача под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо специализированного государственного органа. Во-первых, ответственность за реализацию возложенной меры возлагается не на осужденного, а на его родителей (законных представителей) либо на специализированный государственный орган, тем самым именно эти лица, а не сам подросток несет ответственность за преступное деяние. Такое положение, на наш взгляд, является недопустимым, поскольку нарушается принцип индивидуализации и неотвратимости.

Тем не менее, именно данные ПМВВ применяются судами при решении вопроса об освобождении несовершеннолетних от наказания. Из 100 изученных приговоров в 28 случаях судами принято решение об освобождении несовершеннолетнего от наказания с применением ПМВВ – передача под надзор родителей, законных представителей несовершеннолетнего. В ряде случаев передача под надзор родителей применялся совместно с предупреждением, реже совместно с ограничением досуга и установлением определенных требований к поведению. Более того, в ряде случаев, мотивируя невозможность применения ПМВВ к несовершеннолетнему, суды ссылаются на невозможность передачи несовершеннолетнего под надзор родителей. Так Лабинский городской суд Краснодарского края не усмотрел оснований для применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных положениями ст. 90 УК РФ, поскольку было «установлено, что у подсудимого конфликтные отношения с обоими родителями, которые оказались не в состоянии разрешить эти отношения» [8]. Волоконовский районный суд не усмотрел оснований для применения ст. 90 УК РФ, поскольку несовершеннолетний

подсудимый «снизил учебную дисциплину, стал пропускать занятия, педагогические меры не помогли ему исправить его поведение и мать не смогла оказать на него достаточного воспитательного воздействия» [9]. Таким образом, суды не принимают во внимание то, что уголовным законодательством установлены и иные ПМВВ, такие как, например, передача под надзор специализированного органа или ограничение досуга и установление определенных требований к поведению несовершеннолетнего, а также обязанность загладить причиненный вред. Учитывая семейные взаимоотношения, а также потерю контроля родителей над поведением несовершеннолетнего, суды приходят к выводу о невозможности применения ПМВВ в целом.

На наш взгляд, незаслуженно редко суды назначают ограничение досуга и установление определенных требований к поведению несовершеннолетнего. В 13 приговорах из 32, где несовершеннолетний был освобожден от наказания, судом были назначены ограничения и установлены определенные требования. Перечень ограничений и требований, согласно нормам уголовного законодательства, открыт, что дает возможность судам самостоятельно устанавливать те ограничения и требования к поведению, которые будут наиболее эффективными для исправления подростка.

Установление определенных требований к поведению можно сравнить с возложением обязанностей на осужденного в порядке ст. 73 УК РФ. Как и дополнительные обязанности, определенные требования к поведению предъявляются к несовершеннолетнему с учетом конкретных обстоятельств, при которых совершено преступление, а также личности осужденного. Среди них могут быть требования не посещать определенные места, продолжить обучение (в случае, если подросток не окончил 9 классов), пройти курс лечения от алкоголизма или наркомании, и др. В то же время, если подобные требования устанавливаются в порядке ст. 73 УК РФ, то, несовершеннолетний не освобождается от уголовного наказания, что влечет уголовно-правовые последствия, то есть судимость. Это, в свою очередь, может негативно повлиять на психологическое развитие несовершеннолетнего.

Поскольку в большинстве случаев преступления совершаются подростками по причине отсутствия занятости, интереса к учебе, дополнительным занятиям, большого количества свободного времени, полагаем необходимым установить ПМВВ ограничение досуга и установление определенных требований к поведению несовершеннолетнего в качестве основной меры, которая будет назначаться судом при решении вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания с применением положений ст.ст. 90, 92 УК РФ. При этом, учитывая личность подсудимого, условия его жизни, наличие или отсутствие родительского контроля, назначать в качестве определенных требований, например, требования об обязанности посещения дополнительных образовательных программ с учетом интересов и навыков несовершеннолетнего с целью развития у него интереса к различной деятельности. Это могут быть спортивные секции, языковые курсы, курсы программирования или посещение

художественных студий. Данные требования могут положительно сказаться на исправлении несовершеннолетних, совершивших преступления, поскольку часто тренеры, педагоги, наставники обладают большим авторитетом у подростков, чем родители. В данном случае, педагогическое воздействие может положительно повлиять на исправление несовершеннолетних. Также с целью формирования у несовершеннолетних правосознания, а также с целью исправления без назначения наказания необходимо установить обязанность по прохождению курса психологической коррекции девиантного поведения подростков.

Важным обстоятельством, влияющим на исправление несовершеннолетних, совершивших преступление, на наш взгляд, является трудотерапия. В системе видов наказания, которые применяются в отношении несовершеннолетних, есть такой вид как обязательные работы. Суды часто назначают данный вид наказания, полагая, что именно обязательные работы достигнут цели наказания и способствуют исправлению несовершеннолетних. Однако данная реакция государства на совершенное преступление связана не только с реальным осуждением, но и с последующей судимостью, в то время как ПМВВ не имеют таких последствий. Освобождая несовершеннолетнего преступника от наказания с применением ПМВВ, суд дает возможность подростку на исправление без негативных последствий в виде судимости, поскольку на основании ч. 2 ст. 86 УК РФ при вынесении обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от него в порядке ст. 92 УК РФ судимость не наступает.

Таким образом, с целью повышения эффективности принудительных мер воспитательного воздействия предлагается:

Исключить из ч. 2 ст. 90 УК РФ, ч. 1 ст. 91 УК РФ принудительную меру воспитательного воздействия в виде предупреждения

Исключить из ч. 2 ст. 90 УК РФ, ч. 2 ст. 91 УК РФ принудительную меру воспитательного воздействия в виде передачи несовершеннолетнего под надзор родителей. Данная мера будет эффективна только в случае передачи несовершеннолетнего под надзор специализированного органа, поскольку существуют неформальные отношения между членами семьи, таким образом, реализация указанной меры нуждается во внешнем контроле. Такой контроль за несовершеннолетним может осуществлять КПДНиЗП или ПДН ОМВД России.

Ввести в ст. 90 УК РФ положения об ограничении досуга и установлении требований к поведению несовершеннолетнего как основной меры воспитательного воздействия с раскрытием открытого перечня требований к поведению. Внести в перечень требований требования о посещении дополнительных образовательных программ, спортивных секций; пройти курс психологической коррекции девиантного поведения, курс лечения от алкоголизма, наркомании.

Ввести в ст. ст. 90, 91 УК РФ положения о ПМВВ, обязывающей несовершеннолетнего осуществлять безвозмездную общественно

полезную трудовую деятельность в свободное от учебы время в зависимости от навыков и возраста несовершеннолетнего.

Ввести обязательное досудебное, судебное и последующее сопровождение несовершеннолетнего специалистами с целью выяснения мотивов, целей совершения преступлений, возможности исправления без назначения наказаний, дачи рекомендаций по применению конкретных мер воспитательного воздействия, а также, в случае необходимости, обеспечить прохождение курса психологической коррекции криминальной мотивации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полякова Е.Л. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних/ Е.Л. Полякова // Science time. – 2020. – С. 25.
2. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 28.07.2020 № 1-277/2020
3. Апелляционное постановление Курского областного суда от 20.09.2021 N 22-1148/2021
4. Васильева Т.В. Институт принудительных мер воспитательного воздействия как элемент ювенальной юстиции в России/ Т.В. Васильева: Третьи калужские университетские чтения (14 апреля 2021 г). Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. – 2021. – С. 85
5. Приговор Котласского городского суда Архангельской области от 01.12.2020 по делу N 1-382/2020;
6. Приговор Котласского городского суда Архангельской области от 17.09.2020 по делу N 1-165/2020;
7. Приговор Котласского городского суда Архангельской области от 29.11.2021 по делу N 1-274/2021
8. Приговор Лабинского городского суда Краснодарского края от 15.07.2021 N 1-103/2021
9. Приговор Волоконовского районного суда Белгородской области от 27.05.2021 N 1-30/2021

ENFORCEMENT MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE, AS A TOOL FOR CRIME PREVENTION: CURRENT PROBLEMS AND SOLUTIONS

Azimov E.M., Botutnikova T.A.

Today in Russia one of the key aspects of the fight against crime is the prevention of juvenile delinquency, which is important both at the stage "before" the commission and at the stage "after" the commission of a crime. In order to achieve the correction of minors, the courts should resolve the issue not only of the fairness and proportionality of punishment, but also the possibility of correcting the convict without sentencing him. Compulsory educational measures are the tool that provides the opportunity to correct

juvenile convicts by applying pedagogical and psychological methods of influence to them. Despite the important role of compulsory educational measures in the formation of proper legal consciousness and law-abiding behavior of juvenile convicts, the ratio of persons released from punishment with the use of these measures remains quite low. The article analyzes the reasons why the courts prefer to send a sentence, examines the judicial practice of nine cassation districts, identifies the main problems that the courts face when deciding on the possibility of correcting a juvenile convict without sending a sentence, and suggests ways to solve these problems.

Keywords: enforcement measures of educational influence, correct juvenile delinquents, prevention of crimes committed by minors.

УДК 343.9

ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ ТРАВЛИ, КАК ПРОТИВОПРАВНОГО ЯВЛЕНИЯ

Азимов Эльдар Мехтиярович

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
института экономики и права,
Петрозаводского государственного университета

Колесник Иван Дмитриевич

Студент бакалавриата направления подготовки
«Юриспруденция»,
Петрозаводский государственный университет

В статье рассматриваются некоторые проблемные моменты системы профилактики травли в образовательной среде в российской практике. В качестве особенностей методик профилактики, которые могут вызвать затруднения, нами выделены такие как: открытость профилактики, малая доля самостоятельного формулирования выводов обучающимися, отсутствие положительной провокационности. В работе раскрывается концепция положительной провокационности, как одного из ключевых условий эмоционального вовлечения профилактируемой аудитории. Предлагаются возможные пути совершенствования механизма проведения профилактических мероприятий с учётом международного опыта. Проводится сущностный анализ методик профилактики буллинга через призму их эффективности и безопасности. В результате анализа нами был сделан вывод о необходимости внедрения в профилактическую работу элементов маскировки профилактики, когда аудитория не знает о том, что будет проводиться профилактика, сведения функции ведущего мероприятия до вспомогательной, выбора восстановительных методов взаимодействия с инициатором травли в противовес карательному воздействию, постановки в ходе мероприятия эмоционально вовлекающий и потенциально конфликтогенной проблемы, контролируемой организаторами мероприятия.

Ключевые слова: профилактика буллинга, профилактика травли, девиации, деструктивное поведение несовершеннолетних, методики профилактики травли, буллинг.

Феномен травли, как проблема любого закрытого сообщества и, в частности, коллективов в учебных заведениях, неизбежно приводит исследователей этой темы к вопросу профилактики [1]. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" в качестве одного из направлений профилактики правонарушений устанавливает предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних [2]. О необходимости постоянного углубления теоретических познаний в области профилактики буллинга свидетельствуют, как его опасность для общества, так и распространённость. Данная проблема нашла отражение в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года, где отмечается, что такие антиобщественные действия, как запугивание, травля (буллинг) ребенка со стороны одноклассников, распространение лживой, порочащей ребенка информации в социальных сетях требуют особого внимания [3]. Затрагивая вопрос социальной опасности травли, стоит отметить, что это явление, будучи разновидностью девиантного поведения, которое само по себе негативно влияет на участников конфликтной ситуации, ведёт к развитию иных, зачастую более опасных и вредоносных, деструктивных явлений. Таковыми являются, например, действия школьных стрелков, для большинства из которых буллинг стал условием асоциализации личности, либо формирование у жертв травли суицидальной идеации. Фактор возможной стигматизации жертвы травли, как потенциального скулшутера, могут подтвердить, например, данные опроса, в котором приняли участие 434 респондента, согласно которым 66,8 % опрошенных ответили, что травля сильно влияет на совершение массовых убийств [4]. О распространённости стоит сказать, что существуют различные исследования, результаты ни одного из которых нельзя считать утешительными. Так, например, исследование регионального бюро ВОЗ показало, что в 2019/20 гг. «в России подвергались буллингу: 23% девочек и 27% мальчиков в возрасте 11 лет; 15% и 21% – в возрасте 13 лет; 12% и 15% – в возрасте 15 лет. Таким образом, Россия занимает 3, 4 и 5-е места по количеству жертв буллинга среди изучаемых стран. При этом по кибербуллингу (травля в интернете) Россия занимает первое место в мире» [5].

Остановимся на легальном понимании термина «травля» / «буллинг». В Методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена

опытом между обучающимися, утверждённой Распоряжением Минпросвещения России от 25.12.2019 № Р-145 под термином буллинг понимается проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и/или учителей (абз. 10 п. 2) [6]. В исследовательской среде подход к определению данного понятия несколько иной. Так, например, А. А. Реан предлагает делить травлю на физическое и психологическое систематическое агрессивное поведение группы лиц, являющихся участниками образовательного процесса, в отношении одного или нескольких лиц. В информационном пространстве также можно встретить термин «кибербуллинг», под которым автор предлагает понимать травлю с использованием сети Интернет. Стоит выделить тот факт, что, сравнивая термины «буллинг» и «травля», исследователи находят использование последнего более предпочтительным. Причиной подобного решения является негативная окрашенность слова «травля» по сравнению с нейтральным англицизмом «буллинг», что должно влечь более непримиримое отношение к этому явлению [7]. В этом контексте употребление слова «буллер» также видится нейтральным и не способным вызвать должный негативный отклик общественности; более того, как мы предполагаем, не все дети, родители, иные заинтересованные стороны конфликта понимают значение этого слова. Перейдём непосредственно к анализу вопроса профилактики травли.

Говоря о профилактике буллинга в образовательной среде, в первую очередь мы имеем ввиду использование методик, которые представляют собой различные мероприятия по устранению факторов риска развития травли в учебном коллективе. По нашему мнению, сложный социально-психологический характер этой проблемы неизбежно приводит к необходимости участия в разработке и проведении профилактирующих мероприятий специалистов из разных сфер: психологов, педагогов, работников правоохранительных органов, социальных работников и т.д. Несомненно, важно и изучение опыта других стран в области профилактики травли, несмотря на культурные различия и возможную направленность этих методик на решение локальных проблем. Более того, есть основания полагать, что наиболее эффективна та профилактика, которая проводится комплексно, например, используются программы по борьбе с травлей, которые включают в себя не только методики профилактики, но и, например, мониторинг уровня конфликтности в конкретном коллективе, проведение индивидуальных и общешкольных тренингов по развитию социальных и эмоциональных навыков, внедрение новых форм управления классом (classroom management), принятие общешкольной политики в отношении травли и т.д. [8]. В таком случае субъектами профилактики становятся не отдельные специалисты, а всё общество, что, несомненно, должно положительно повлиять на эффективность проводимых мероприятий.

Предваряя анализ выделенных нами в ходе исследования ряда сборников лучших методик, педагогических практик потенциально

эффективных методик профилактики буллинга, укажем, с нашей точки зрения, главные общие для всех рассмотренных методик недостатки. Первый недостаток – это открытость профилактики. В большинстве мероприятий предполагается открытое провозглашение того, что будет проводиться именно профилактика и именно профилактика буллинга. В то время как, по нашему мнению, в большинстве случаев более эффективны мероприятия, когда аудитория не знает, что на неё оказывается профилактирующее воздействие. Вторым важным недостатком – это малая доля самостоятельного формулирования выводов участниками профилактирующих мероприятий. В большинстве мероприятий выводы из проделанной работы делает модератор, ведущий, связи с чем возникают обоснованные сомнения насколько такие заключения принадлежат непосредственно аудитории. Третий недостаток – это отсутствие провокационности в методиках, вследствие чего такие практики не затрагивают глубинных эмоций и чувств членов профилактируемой аудитории и становятся поверхностными. Под положительной провокационностью мы предлагаем понимать наличие проблемы, процесс решения которой может создать конфликтную ситуацию, либо ситуацию сильной эмоциональной вовлечённости, ей должна быть внутренне присуща возможность разрешения и самостоятельного осознания ошибок, она должна фиксировать внимание на неэффективности и аморальности профилактируемых действий, взглядов, навыков, качеств. Конечно, зачастую, как мы считаем, разработчики методик руководствуются опасениями создать, вызвать травмирующий опыт. Но возникает вопрос, будет ли такая осторожная методика эффективна по сравнению с травмирующей реальностью, которая может стать причиной тех проблем, профилактику которых проводят специалисты.

По нашему мнению, эффективная методика профилактики травли должна иметь следующие характеристики:

- 1) Внедрение незаметных, замаскированных профилактических мер, что предполагает направленность на профилактику не непосредственно буллинга, а причин и условий его возникновения либо игровой, соревновательный момент в методике, когда участники не осознают себя объектами профилактики.

Интересным примером может служить одна из встреченных нами методик, предполагающая подбор и обсуждение ассоциаций эмоций и запахов (например, корица – дружелюбный, теплый, вкусный), создание авторской ароматической палитры своего настроения «здесь и сейчас», обсуждение эмоций и впечатлений друг с другом. Эта методика привлекает необычностью средств выражения эмоций, их осмысления. Она может быть эффективна в контексте формирования эмоционального неприятия к различным негативным социальным явлениям. Данные преимущества имеет и методика «Арт-терапия», предполагающая создание постеров, рисунков, коллажей, аппликаций, фото на тему буллинга. Предполагается, что участники, посредством выражения чувств участников конфликта творчеством, осмыслят проблемы школьной травли. Главным недостатком данных методик, с

нашей точки зрения, является индивидуализированность эмоций, что создаёт сложности их толкования, понимания и дальнейшей работы с ними. Эта проблема приводит нас к выводу, что проводится эти мероприятия должны индивидуально с каждым ребёнком, а коллективная работа может снизить эффективность методик.

Не менее интересен пример Игры-тренинга, участники которой проигрывают ситуацию, когда нужно просить помощи у троих «капитанов», которым, в свою очередь, дана инструкция, в каких случаях можно оказать помощь, а в каких – отказываться. Задача Капитана 1 – брать каждого третьего просящегося на борт. То есть первым двум просящимся отказываем, третьего берем, потом опять: два отказа, затем согласие. Задача Капитана 2 – брать на борт каждого пятого просящегося. Задача Капитана 3 – брать на борт каждого седьмого просящегося. Считать капитаны должны не по людям, а по обращенным просьбам. То есть если один человек настойчиво просит первого капитана взять его на борт, то на третью просьбу, как бы она ни звучала, он должен согласиться. Задача остальных: спасти свою жизнь, попасть на одну из лодок. Установлен запрет применять физическую силу и обзывать друг друга. Данная практика должна способствовать развитию навыка просьбы, отсутствие которого столь пагубно для жертв травли, устойчивости к социальному давлению. Более того, это упражнение служит моделью конструктивного поведения в ситуации конкуренции, а конкуренция предполагает большой уровень заинтересованности участника.

2) Увеличения доли самостоятельной работы участников мероприятий, что предполагает анализ проблем, формулирование выводов непосредственно аудиторией, а не организаторами. Ярким примером, демонстрирующим это преимущество, является методика, суть которой сводится к созданию двух игровых кругов: внутреннего и внешнего («анонимы» и «психологи»). Участников нужно разделить на две группы. Ведущий сообщает, что каждый «аноним» должен будет пожаловаться каждому «психологу». Для этого через каждую минуту все «анонимы» дружно поднимаются и пересаживаются на соседнее место (по часовой стрелке). «Аноним» должен очень быстро и точно изложить суть того, что беспокоит его или его сверстника. Желательно, чтобы история была реальная, но можно использовать вымышленную. История касается взаимоотношений в учебном заведении. У одного «анонима» одна история для всех «психологов». «Психолог» дает совет по этой истории. Далее делается второй круг, и участники меняются ролями. Явным достоинством этой методики представляется автономность участников, тот факт, что ребёнок учится самостоятельно выявлять беспокоящую проблему, понимать ее, уметь сформулировать, что важно в ситуации буллинга при самоанализе, беседе со специалистом, либо близкими. Также, существует вероятность, что, обучаясь давать советы по урегулированию конфликта, человек будет уметь абстрагироваться в подобных ситуациях. Более того, эта методика отвечает и требованиям первого пункта, так как дети будут ощущать себя скорее игроками, чем объектами профилактики.

3) Выбор подходов, в которых акцент делается на том, чтобы дать виновнику возможность исправить причиненный им жертве ущерб, вместо сугубо карательных методов [1].

В свете этого важного аспекта мы бы хотели отметить используемую практику, предполагающую разрешение реальной конфликтной ситуации посредством создания группы помощников, куда входят как инициативные дети, так и буллеры. Жертва и буллеры могут высказывать своё видение разрешения конфликта с правилом никого не обвинять, не вспоминать прошлое, а вместе взять на себя ответственность за происходящее. Среди недочётов мы могли бы выделить тот факт, что не понятны стимулы, которые будут привлекать буллеров ко внеурочной работе (не создаст ли такая практика дополнительную неприязнь к жертве буллинга), также во многих случаях один буллер имеет много жертв, а одна жертва имеет много буллеров – при таких условиях эта методика не будет эффективной и требует доработки.

4) Развитие «положительной» провокационности.

В качестве примера мы могли бы привести Интерактивную игру, в ходе которой несколько команд учащихся коллектива представляют «идеального человека» (качества/интересы/увлечения каждого участника команды). Противоположные команды становятся буллерами и кидают шарики бумаги в изображение этого «идеального человека», проговаривая причины. Во время рефлексии проговариваются те чувства, которые испытывали буллер и жертва, обсуждаются вопросы по теме. В итоге команда «жертвы» пишет свои негативные чувства на медали и вручает ее своему буллеру. Из явных достоинств мы бы хотели отметить наличие провокационности в методике (создание предпосылки для конфликта и его разрешение), следовательно, существует большая вероятность высокого уровня эмоциональной вовлечённости участников. Более того, это одна из немногих встреченных нами методик, где акцент делается не только на жертве, но и агрессоре. Но, конечно, необходимо продумать способ разрешения потенциального конфликта и иные способы донесения информации, так как награждение буллеров медалями с негативными эмоциями участников выглядит, по нашему мнению, не совсем этично.

Мы можем сделать вывод, что большинство из ныне существующих методик профилактики буллинга в определённой степени требует доработки. Некоторые из них, с нашей точки зрения, могут отвечать формальным требованиям провокационности и стоять на грани нарушения норм этики, морали и закона и всё равно быть малоэффективными, не затрагивать чувств и эмоций участников с той глубиной и интенсивностью, которые необходимы для успешности проведения практики. Конечно же, основной проблемой при таких условиях становится балансирование между эффективностью профилактики и соблюдением этических, моральных, правовых норм. Полагаем, что концепция положительной провокационности требует дальнейшего исследования с точки зрения соотношения контролируемости провокации и свободы развития потенциально

конфликтной эмоционально вовлекающей ситуации. Интересной представляется тема разработки инновационных методов провокации, например, оценка возможности внедрения метода этого типа с помощью геймификации профилактики (разработки игровых приложений, реальных ролевых квестов и т.д.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер А.А. Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал ВШЭ. – 2013. – № 3. – С. 149–159.

2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016 (ред. от 08.08.2024) – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : государственная система правовой информации. – Москва, 2005-2024. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102402071&ysclid=m3636zurf1667626108> (дата обращения: 12.11.2024).

3. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ № 520-р от 22.03.2017 (ред. от 18.03.2021) – Текст : электронный // СПС Консультант Плюс : справочно-правовая система / компания "Консультант Плюс". – Москва, 1997-2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734 (дата обращения: 12.11.2024).

4. Книжникова С. В., Хайлова В. В. Нападения на образовательные организации: представления обучающихся о феномене и ресурсы профилактики // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – №3. – С. 320–329.

5. Буллинг в образовательной среде и его профилактика: коллективная монография / Под ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2021. – 122 с.

6. Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися : Распоряжение Минпросвещения РФ № Р-145 от 25.12.2019 – Текст : электронный // Юридическая информационная система "Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации". – Москва, 2015-2024. – URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minprosveshchenija-rossii-ot-25122019-n-r-145-ob-utverzhdanii/?ysclid=m3zergesgmy54694088> (дата обращения: 12.11.2024).

7. Профилактика травли (буллинга) в профессиональных образовательных организациях. Методические материалы / Под ред.

Е.Г. Артамоновой. – М.: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2022. – 22 с.

8. Молчанова Д.В., Новикова М.А. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта. – Современная аналитика образования. № 1 (31), 2020. – 72 с.

GENERAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF PREVENTION OF BULLYING AS AN ILLEGAL PHENOMENON

Azimov E.M., Kolesnik I.D.

The article discusses some problematic aspects of the system of prevention of bullying in the educational environment in Russian practice. As features of prevention methods that can cause difficulties, we have identified such as: openness of prevention, a small proportion of independent formulation of conclusions by students, lack of positive provocation. The paper reveals the concept of positive provocation as one of the key conditions for emotional involvement of the target audience. Possible ways to improve the mechanism of preventive measures are proposed, taking into account international experience. An essential analysis of bullying prevention methods is carried out through the prism of their effectiveness and safety. As a result of the analysis, we concluded that it is necessary to introduce elements of masking prevention into preventive work when the audience does not know that prevention will be carried out, reducing the function of the leading event to an auxiliary one, choosing restorative methods of interaction with the initiator of harassment as opposed to punitive effects, staging an emotionally involving and a potentially conflictogenic problem controlled by the organizers of the event.

Keywords: bullying prevention, baiting prevention, deviations, destructive behavior of minors, methods of bullying prevention, bullying.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИДАНИЯ ЛИЦУ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПУТЕМ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Александров Александр Николаевич
Кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация

Жукова Наталья Алексеевна
Кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация

Денисов Леонид Викторович
Независимый исследователь,
Нижегородская академия МВД России,
Нижний Новгород, Российская Федерация

В статье рассматриваются актуальные вопросы нормативного регулирования и практического применения положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих вопросы надления заподозренного лица процессуальным статусом подозреваемого путем заочного избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Делается акцент на вопросе о законности избрания такой меры пресечения в отношении лица, которое причастно к совершению расследуемого преступления, при неизвестном фактическом его местонахождении, в аспекте придания ему процессуального статуса подозреваемого для обеспечения возможности объявления его розыска, а также приостановления предварительного расследования по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Анализируется следственная и судебная практика по исследуемым проблемным вопросам, а также предлагаются оптимальные пути их разрешения.

Ключевые слова: подозреваемый, заподозренное лицо, процессуальный статус, избрание и применение меры пресечения, подписка о невыезде и надлежащем поведении, объявление розыска.

Мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении является самой распространенной в ее применении к подозреваемым и обвиняемым по уголовным делам, в сравнении с другими мерами пресечения, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. При этом необходимо признать, что в большинстве случаев применение этой меры пресечения по решению следователей и дознавателей имеет в себе определенный формальный подход. Причиной этому является, в основном, не придание важности и значимости ее сущности, а также правовым последствиям избрания и применения рассматриваемой меры пресечения.

В тоже время, придание лицу процессуального статуса подозреваемого посредством избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении довольно часто встречается в следственной практике. Широкое распространение такой практики объясняется необходимостью легитимизации решения по объявлению розыска лица, совершившего преступление, местонахождение которого неизвестно. Кроме этого, такая необходимость возникает в случае принятия решения о приостановлении предварительного расследования по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 статьи 208 УПК РФ.

В научной и учебной литературе, к сожалению, не уделяется должного внимания содержанию и соотношению понятий «применение меры пресечения», которое используется в пункте 3 части 1 статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и «избрание меры пресечения», используемое законодателем в статьях 100 и 101 УПК РФ. Однако, эти аспекты имеют достаточно важное практическое значение, в первую очередь, для досудебного производства по уголовным делам.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству понятие «избрание меры пресечения» определяется как принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. В свою очередь, понятие «применение меры пресечения» определяется как процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения.

Внимание правоприменителя на разделение вышеуказанных понятий обращает в своем определении Конституционный суд Российской Федерации, который высказывает свою правовую позицию о том, что без отобрания у лица, в отношении которого принято решение об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, соответствующего письменного обязательства,

эта мера не может считаться примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого[1]. Очевидно, судом обращается внимание правоприменителя на то, что применение меры пресечения нельзя в понятийном плане смешивать с решением об избрании меры пресечения.

В следственной практике часто возникают актуальные вопросы относительно избрания, а также применения рассматриваемой меры пресечения, в аспекте соблюдения законодательных норм.

Согласно положениям пункта 3 части 1 статьи 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, в том числе, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ.

Необходимо обратить внимание на имеющиеся противоречия, содержащиеся в названных нормах, относительно использования терминов «лицо» и «подозреваемый», в контексте придания такого процессуального статуса. Так, по смыслу части 1 статьи 46 УПК РФ мера пресечения может быть применена в отношении лица, который фактически является заподозренным в совершении преступления.

В свою очередь, в статье 100 УПК РФ «Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого», и в частности ее части 1, содержится дозволение на избрание меры пресечения именно в отношении подозреваемого. Таким образом, буквальное толкование названной нормы позволяет утверждать о том, что только при наличии у лица указанного процессуального статуса возможно избрание меры пресечения. Понятно, что такой процессуальный статус должен быть предварительно предан лицу в случаях, указанных в пунктах 1, 2 и 4 части 1 статьи 46 УПК РФ, за исключением пункта 3.

В деятельности следственных органов не редко встречаются ситуации, когда по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, через некоторый период времени устанавливается лицо, в отношении которого имеются очевидные первоначальные сведения о причастности к совершению расследуемого преступления. Однако фактическое задержание такого лица не представляется возможным по причине не установления его местонахождения. А как известно, в целях объявления розыска лица в порядке ст. 210 УПК РФ необходимо обязательно наделить его процессуальным статусом подозреваемого.

По нашему мнению, для этого следователем (дознавателем) может быть вынесено постановление об избрании меры пресечения. Перед следователем, дознавателем встает вопрос о выборе меры пресечения, которую необходимо и возможно применить к заподозренному, местонахождение которого не установлено. Иногда, в подобной ситуации принимается решение в пользу подписки о невыезде и надлежащем поведении. Согласно ст. 102 УПК РФ данная мера пресечения состоит в получении письменного обязательства (по сути – согласия) подозреваемого о соблюдении им соответствующих ограничений. Однако, поскольку такого обязательства от лица не получено, в правоприменительной практике возникают правомерные вопросы о соответствии требованиям УПК РФ действий следователя

(дознателя) по приданию лицу статуса подозреваемого посредством вынесения постановления об избрании данной меры пресечения.

В рамках проводимого нами исследования данной проблематики, а также поиска оптимальных путей ее решения, были истребованы сведения правоприменительной практики следственных подразделений территориальных органов МВД России по данному направлению деятельности.

В частности, сотрудникам следственных подразделений были заданы следующие вопросы:

Возникали ли в практической деятельности ситуации «заочного» избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении?

Если подобные ситуации встречались на практике, то признавались ли все дальнейшие процессуальные решения и производимые процессуальные действия в отношении подозреваемого законными и обоснованными?

Однако перед тем, как приводить результаты анализа поступившей информации, необходимо более детально проанализировать отдельные нормативные правовые положения УПК РФ, судебной практики и существующие мнения ученых-процессуалистов.

Конструкция статьи 102 УПК РФ дает основания полагать, что на момент получения (отобрания) письменного обязательства в рамках применения данной меры пресечения, лицо уже должно иметь процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого. А если таким процессуальным статусом лицо не обладает, то соответственно и это обязательство не имеет юридической силы и не влечет каких-либо правовых последствий в случае его нарушения.

Согласно части 1 статьи 101 УПК РФ об избрании меры пресечения следователь (дознатель) выносит постановление. В связи с этим возникает обоснованный вопрос: правомерным ли является наделение лица процессуальным статусом подозреваемого только на основании постановления следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, при отсутствии его личного письменного обязательства?

В этом случае речь идет о так называемом «заочном» порядке избрания рассматриваемой меры пресечения в отношении лица, заподозренного в совершении расследуемого преступления, фактическое местонахождение которого не установлено.

Необходимо отметить, что буквальное толкование положений статьи 102 УПК РФ свидетельствует о том, что одним из условий для применения подписки о невыезде и надлежащем поведении является согласие подозреваемого (обвиняемого), о чем свидетельствует сущность данной меры пресечения, которая заключается в письменном обязательстве подозреваемого (обвиняемого) в соблюдении указанных в норме ограничений. Такой подход согласуется в правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации, согласно которой «по смыслу статьи 102 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый сам принимает

на себя предусмотренные в ней обязательства. Одно лишь вынесение постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении – без отображения у лица указанного письменного обязательства – не позволяет считать эту меру примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого. Отказ же дать подписку о невыезде и надлежащем поведении – как свидетельствующий о том, что в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты ее цели, – может повлечь избрание другой, в том числе более строгой, меры пресечения...» [2].

Аналогичного мнения придерживается ряд авторов в своих научных трудах по исследуемому вопросу [3, С. 110-124]. Некоторые авторы на страницах научных изданий высказывают свое мнение о том, что положения статей 101 и 102 УПК РФ не позволяют применять эту меру пресечения в отсутствие подозреваемого (обвиняемого) [4, С. 6-9].

Позволим себе не согласиться с такими утверждениями авторов, на что имеются следующие основания.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, в частности, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ.

Для читателя вполне очевидно, что при отсутствии по уголовному делу оснований придания заподозренному лицу процессуального статуса подозреваемого на основании пунктов 1, 2 или 4 части 1 статьи 46 УПК РФ, порядок «заочного» избрания данной меры пресечения является единственным вариантом придания лицу процессуального статуса подозреваемого.

Достаточно наглядным будет следующий пример из практики. При расследовании уголовного дела, возбужденного по факту совершения открытого хищения имущества у гражданина В., в ходе проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, установить личность гражданина, совершившего преступление, и его местонахождение не представилось возможным. В ходе дальнейшего расследования была получена достоверная информация, которая позволила идентифицировать лицо, совершившее грабеж и установить его полное имя. Кроме этого, по уголовному делу были получены достаточные доказательства его причастности к совершению расследуемого преступления. Однако, фактическое местонахождение этого лица установить не представлялось возможным. В связи с тем, что срок следствия истек, а оснований для его продления не имелось, у следователя возникли два обоснованных вопроса. Первый – по какому из оснований, предусмотренных пунктами 1 или 2 части 1 статьи 208 УПК РФ необходимо приостановить предварительное следствие? Второй – каким образом выполнить требования статьи 209 УПК РФ в части принятия законных мер по установлению местонахождения лица, совершившего преступление и его розыску?

Необходимо отметить, что положения статьи 210 УПК РФ, а также ведомственного приказа МВД России [5], позволяют объявить в розыск

только подозреваемого (обвиняемого). То есть, при отсутствии такого процессуального статуса, законных оснований для процессуального оформления следователем (дознавателем) решения о розыске и принятия необходимых мер уполномоченными подразделениями МВД России по его розыску, не имеется.

Следователем было принято решение о придании заподозренному лицу процессуального статуса подозреваемого посредством вынесения постановления об избрании в отношении него меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. При этом, копия соответствующего постановления была направлена заказанным письмом на адрес регистрации по месту жительства подозреваемого, где, в том числе, на законных основаниях проживают его родители. Также следователем был назначен защитник подозреваемому за счет средств федерального бюджета, которому также вручена копия постановления об избрании меры пресечения. После истечения срока следствия по уголовному делу следователем принято решение о его приостановлении на основании пункта 2 части 1 статьи 208 УПК РФ. Одновременно принято решение по объявлению розыска подозреваемого на основании статьи 210 УПК РФ, а также направлении соответствующих материалов в розыскное подразделение территориального органа МВД России.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что приведенный пример из следственной практики, при внимательном изучении правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации, изложенной в вышеуказанном определении, никак ей не противоречит. Это очевидно подтверждается тем, что позиция суда изложена в контексте избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении в отношении подозреваемого, который не скрывает своего местонахождения от органов предварительного расследования. Поэтому, вполне логичным является то, что следователем (дознавателем), помимо постановления об избрании данной меры пресечения, должно быть отобрано письменное обязательство у лица, которому таким образом разъясняется сущность меры пресечения. Соответственно, подозреваемый проявляет свое волеизъявление относительно согласия на соблюдение обязательств, предусмотренных статьей 102 УПК РФ.

По нашему мнению, в случае не установления местонахождения лица, заподозренного в совершении преступления, вынесение следователем (дознавателем) постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении является законной процессуальной формой придания лицу статуса подозреваемого. Тем более, что по объективным причинам следователь не имеет возможности разъяснить лицу сущность избираемой меры пресечения и отобрать у него соответствующее обязательство. После фактического задержания и доставления к следователю подозреваемого, в случае отказа последнего от дачи письменного обязательства на соблюдение ограничений, предусмотренных статьей 110 УПК РФ, следователь вправе рассмотреть вопрос об избрании иной

меры пресечения, в том числе по судебному решению. Такие решения и действия согласуются с ранее упомянутой правовой позицией Конституционного суда Российской Федерации. Каких-либо нарушений прав и законных интересов подозреваемого в этом случае не происходит. Наоборот, такие действия следователя являются проявлением принципа публичности при осуществлении уголовного преследования со стороны государства, а также обеспечением принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление.

Интересным также считаем отметить следующее. Согласно положениям части 1 статьи 101 УПК РФ, в случае принятия следователем решения об избрании меры пресечения необходимо вынести постановление. Буквальное толкование данной нормы, которая является общей по отношению к тем нормам УПК РФ, которые предусматривают особенности избрания отдельных мер пресечения, в частности подписки о невыезде и надлежащем поведении, позволяет утверждать о том, что вынесение следователем соответствующего постановления является актом, влекущим законное придание лицу процессуального статуса подозреваемого. Исполнение же положений статьи 102 УПК РФ о необходимости получения письменного обязательства подозреваемого является последующим и необходимым процессуальным действием, направленным на реализацию уже принятого решения и фактическое применение избранной меры пресечения.

В связи с вышеизложенным нам представляется интересным изучить следующие вопросы: первый – как поступать следователю в ситуации отказа подозреваемого от дачи им письменного обязательства на соблюдение ограничений, предусмотренных статьей 102 УПК РФ, при одновременном отсутствии оснований для избрания более строгой меры пресечения?; второй – каким образом расценивать поведение подозреваемого в случае отказа от дачи письменного обязательства в порядке статьи 102 УПК РФ и каковы его правовые последствия, в аспекте положений части 4 статьи 21 УПК РФ?

В качестве ответа на первый вопрос считаем, что правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации относительно возможности избрания другой, более строгой меры пресечения, в случае отказа подозреваемого от дачи письменного обязательства о соблюдении ограничений в рамках подписки о невыезде и надлежащем поведении, не может быть реализована на практике следователем, поскольку такая возможность законодательно не обеспечена и не отвечает реалиям современной правоприменительной практики по данному вопросу.

Положения части 1 статьи 110 УПК РФ позволяют следователю поставить вопрос об изменении меры пресечения на более строгую, если фактически изменены основания, предусмотренные статьями 97 и 99 УПК РФ. Однако, в названных нормах отсутствуют положения, предусматривающие в качестве основания для изменения меры

пресечения на более строгую по причине отказа подозреваемого давать письменное обязательство в порядке статьи 102 УПК РФ.

В рамках рассуждений по второму вопросу необходимо отметить, что буквальное толкование положений части 4 статьи 21 и статьи 46 УПК РФ не позволяет говорить о том, что существует законодательное закрепление обязанности исполнения подозреваемым процессуального решения следователя (дознателя) об избрании меры пресечения, в частности – подписки о невыезде и надлежащем поведении, оформленное соответствующим постановлением.

Выходит так, что если подозреваемый не желает давать письменного обязательства в порядке статьи 102 УПК РФ и при этом отсутствуют основания для изменения меры пресечения на более строгую, следователь не может обеспечить «нормальное поведение» подозреваемого на период производства по уголовному делу.

Нам представляется, что для решения этой проблемы целесообразно внесение соответствующих дополнений в положения статьи 21, 46, 102 и 110 УПК РФ, которые предусматривали бы обязательность для исполнения подозреваемым постановления (решения) следователя и дознавателя об избрании меры пресечения, а также возможность изменения на более строгую меру пресечения в случае отказа подозреваемого от дачи письменного обязательства на исполнение им ограничений, предусмотренных статьей 102 УПК РФ.

Возвращаясь к результатам анализа информации, поступившей из следственных подразделений, относительно практики «заочного» избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, можно говорить о наличии различных практических подходах к ее реализации [6].

В отдельных регионах нашей страны следователями «заочно» выносятся постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, а также одновременное вынесение постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. При этом, фактов признания надзирающими прокурорами таких решений не имеется (к примеру, Иркутская область, Смоленская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

В других регионах следственные подразделения сформировали практику «заочного» избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении в отношении лица, совершившего преступление, фактическое местонахождение которого не установлено. После того, как подозреваемый доставляется к следователю, принимается решение о его задержании в порядке статей 91 и 92 УПК РФ, с последующим избранием меры пресечения в виде заключения под стражу. Стоит отметить, что со стороны суда и надзирающего прокурора актов реагирования на такие решения следователя отсутствовали (к примеру, Воронежская область, Хабаровский край и др.).

Существует практика объявления в розыск скрывшегося лица без «заочного» избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении (к примеру, Магаданская область). Однако, по нашему мнению, объявление розыска возможно только при наличии

процессуального статуса подозреваемого (обвиняемого), обоснование чему приводились выше.

Проведенный анализ информации из следственных подразделений различных регионов страны показал отсутствие единой правоприменительной практики, что, по нашему мнению, можно объяснить наличием законодательной неопределенности и различным токованием соответствующих норм УПК РФ по рассматриваемой проблеме.

Весьма интересным представляется рассмотрение судебной практики по исследуемому вопросу.

Суд апелляционной инстанции рассмотрел жалобу обвиняемого Б. и его защитника о признании незаконными бездействия следователя, который не уведомил заявителя об избранной в отношении него мере пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и не отобрал такую подписку. Известно, что уголовное дело было возбуждено в отношении неустановленного лица. Следователь вынес постановление об избрании в отношении заподозренного Б. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, что, по мнению суда, не противоречило положениям ст. 100 УПК РФ, допускающим возможность избрания лицу меры пресечения до предъявления ему обвинения. [7].

Имеется ряд аналогичных решений судов апелляционной инстанции, которыми признаны не противоречащими положениям УПК РФ решения следователей о заочном избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, что повлекло придание заподозренным лицам процессуального статуса подозреваемого, а все последующие процессуальные решения в отношении него также законными и обоснованными [8, 9, 10, 11, 12, 13].

В судебной практике встречаются противоположные вышеуказанным решения. К примеру, при рассмотрении апелляционного представления прокурора на решение суда первой инстанции, которым решение следователя о заочном избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении признано как принятое с нарушением положений УПК РФ, апелляционная инстанция указала, что суд первой инстанции верно сделал вывод о том, что на момент избрания в отношении М. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и объявления его в розыск, он не имел статуса подозреваемого, который предусмотрен статьей 46 УПК РФ [14].

Однако, обращает на себя внимание тот факт, что в решениях судов, которые признавали не соответствующими положениям УПК РФ действия следователей в части заочного применения меры пресечения в виде подписки и надлежащем поведении, речь ведется именно о применении, а не об избрании данной меры пресечения.

Считаем важным обратить внимание читателя на конструкцию статьи 101 УПК РФ, в которой достаточно четко используется термин «лицо», в отношении которого избрана мера пресечения. При этом, в тексте данной нормы отсутствуют положения о возможности ее избрания только лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого.

В то же время, в пункте 13 статьи 5 УПК РФ говорится о принятии соответствующего решения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Очевидны имеющиеся противоречия между названными нормами УПК РФ, что и является одной из причин отсутствия единства правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу.

Таким образом, рассмотренные нами актуальные вопросы практической реализации норм УПК РФ, регламентирующих порядок присвоения заподозренному лицу процессуального статуса подозреваемого, требуют законодательного разрешения путем внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство. В частности, нами предлагается дополнение части 1 статьи 46 УПК РФ новым пунктом 5 следующего содержания: «либо в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого». Одновременно считаем целесообразным дополнить названную норму частью 1.1. следующего содержания: «Признание лица подозреваемым осуществляется на основании имеющихся в уголовном деле сведений, свидетельствующих о его причастности к совершению расследуемого преступления. Вынесение постановления о признании лица в качестве подозреваемого возможно и случае не установления фактического места нахождения такого лица».

Считаем, что предлагаемые нами изменения и дополнения в УПК РФ позволят устранить существующую неопределенность в вопросе придания заподозренному лицу процессуального статуса подозреваемого, в целях более эффективной реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 66-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буйлова Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 101 и 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 2232-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хруника Александра Юлиановича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Барабаш А.С. Подписка о невыезде и другие меры пресечения, избрание которых не требует решения суда // Российский юридический журнал. 2017. № 1 (112). С. 110-124.

4. Цоколова О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С.6-9.

5. Положение об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц (утв. приказом МВД России № 117дсп от 1 марта 2018 г.)

6. Материалы, предоставленные Следственным Управлением УМВД России по Белгородской области по результатам поступивших ответов на запрос из следственных подразделений территориальных органов МВД России.

7. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия от 23 марта 2016 г. по делу № 22-263/2016 // [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

8. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия от 27.04.2016 г. № 22-440/2016// [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

9. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия от 27.04.2016 г. № 22-440/2016// [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

10. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11.07.2022 № 10-14587/2022// [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

11. Апелляционное постановление Московского областного суда от 18.12.2014 № 22-7656/2014// [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

12. Апелляционное постановление Московского областного суда от 27.03.2014 № 22-1684/2014// [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

13. Решение Верховного Суда Республики Татарстан от 18.10.2023 г. № 3А-292/2023// [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

14. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 4 июля 2017 г. № 22К-3784/2017// [Электронный ресурс]. – <https://sudact.ru>.

TOPICAL ISSUES OF GIVING A PERSON THE PROCEDURAL STATUS OF A SUSPECT BY CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE

Alexandrov A.N., Zhukova N.A., Denisov L.V.

The article deals with topical issues of regulatory regulation and practical application of the provisions of the criminal procedure legislation of the Russian Federation regulating the issues of granting a suspected person the procedural status of a suspect by electing a preventive measure in absentia in the form of a subscription not to leave and proper behavior. The emphasis is placed on the question of the legality of choosing such a preventive measure against a person who is involved in the commission of the crime under investigation, with his actual location unknown, in terms of giving him the procedural status of a suspect to ensure the possibility of declaring him wanted, as well as suspending the preliminary investigation on the grounds provided for in paragraph 2 of Part 1 of Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The investigative and judicial practice on the studied problematic issues is analyzed, as well as the best ways to resolve them are proposed.

Keywords: the suspect, the suspected person, the procedural status, the election and application of a preventive measure, a subscription not to leave and proper behavior, a wanted list.

УДК 343.533

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАРУШАЮЩИХ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алексеев Юрий Александрович

Научный сотрудник Научно-исследовательского института
образования и науки

Настоящая статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы, связанной со спецификой отражения в уголовном законе признаков объективной стороны составов преступлений, нарушающих авторские и смежные права, изобретательские и патентные права, а равно связанные с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг), и толкованием этих признаков в правоприменительной деятельности. Автор исследует действующее уголовное законодательство, теоретические позиции относительно содержания объективной стороны составов соответствующих преступлений и современную судебную практику в данной области, формулирует и обосновывает выводы и предложения относительно повышения эффективности уголовно-правового противодействия общественно опасным деяниям, посягающим на объекты интеллектуальной собственности. В публикации акцентируется внимание на выделении наиболее существенных признаков, которые отличают указанный вид преступлений от других, а также толковании юридических норм, которые регулируют правоприменение.

Состав преступлений, отражающих особенности посягательства на объекты интеллектуальной собственности, определяет специфику механизмов их совершения, особенности расследования, выявления мотивации преступников. Именно поэтому в качестве основной цели мы выбираем изучение компонентов состава преступлений данной категории. При этом объект работы – это состав преступлений, нарушающих права на интеллектуальную собственность, предмет – объективная сторона состава данных преступлений.

Ключевые слова: нарушения прав на объекты интеллектуальной деятельности, объективная сторона состава преступления, уголовный закон, уголовное противодействие, общественно опасное деяние, интеллектуальная собственность, индивидуализация.

Объективная сторона состава преступления включает типичные и существенные признаки, характеризующие внешнее проявление общественно опасного деяния, при этом количество таких признаков, закрепляемых в уголовном законе обусловлено, прежде всего, конструкцией этого элемента в конкретном составе преступления, а содержание таковых – имеющими уголовно-правовое значение объективными особенностями соответствующего деяния [1, с.121-124]. Поскольку эти признаки отображаются во внешнем мире – в человеческом поведении и его последствиях, на практике именно они преимущественно устанавливаются в рамках первоначальных и последующих следственных действий, одновременно позволяя сделать выводы относительно объекта преступления и его субъективной стороне, создавая тем самым предпосылки для квалификации содеянного и полного доказывания всех его юридически значимых обстоятельств.

В настоящей работе мы остановимся на особенностях объективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьями 146, 147, 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), нарушающих авторские и смежные, изобретательские и патентные права, а равно права на использование средств индивидуализации товаров, работ или услуг. Эти преступления объединяет присущее каждому из них посягательство на определенные результаты интеллектуальной деятельности, в том числе на приравненные к ним средства индивидуализации, перечисленные в п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, наряду с относительной общностью нарушаемых ими объектов, данные преступления обладают определенной спецификой, проявляющейся, в частности, в регламентации признаков их объективной стороны. Для выделения таких особенностей далее необходимо последовательно рассмотреть признаки объективной стороны составов данных преступлений.

С учетом вышеизложенного в качестве основной цели мы выбираем изучение компонентов состава преступлений данной категории. При этом объект работы – это состав преступлений, нарушающих права на интеллектуальную собственность, предмет – объективная сторона состава данных преступлений.

Достичь поставленной цели поможет выполнение ряда задач:

Дифференцировать составы преступлений, которые отличаются объективными признаками;

Определить особенности состава преступлений, посягающих на интеллектуальную собственность;

Выявить основные направления совершенствования законодательства в сфере защиты интеллектуальной собственности.

Методы и методология

Основной метод нашей работы – теоретико- методологический анализ источников по данной теме. Нами проанализированы работы, отражающие исследования объектов интеллектуальной собственности в целом (В. В. Кресс, Р. Т. Бирагова), содержание преступлений, посягающих на данные объекты (А. В. Брякина, Н. А. Алилуева) и пр.

Результаты и их обсуждение

Дифференциальные признаки составов преступлений, посягающих на интеллектуальную собственность

Состав преступления, включающего элементы посягательства на права интеллектуальной собственности, имеет определенную специфику, которую необходимо учитывать при квалификации подобных противоправных деяний и конкретизации их компонентов. Основой дифференциации при этом являются объективные признаки, позволяющие квалифицировать эти преступления по конкретным статьям УК.

Так, в ст. 146 УК РФ предусмотрено два основных состава преступления, отличающиеся между собой именно объективными признаками. В ч. 1 ст. 146 УК РФ содержится первый состав преступления, для которого в этой статье не предусмотрено каких-либо квалифицирующих признаков, что не позволяет дифференцировать уголовную ответственность с учётом обстоятельств, объективно повышающих степень общественной опасности содеянного, например, при его осуществлении группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данное преступление заключается в присвоении авторства (плагиате), причинившем крупный ущерб автору или иному правообладателю, то есть состав преступления по конструкции его объективной стороны является материальным, включающим три обязательных признака: общественно опасное деяние (плагиат), общественно опасное последствие (крупный ущерб) и причинную связь между ними [6].

Юридический момент окончания этого преступления увязан с причинением указанного общественно опасного последствия, без которого либо без направленности на достижение которого (при покушении) деяние не приобретает необходимую для преступления общественную опасность. То есть причинение крупного ущерба автору или иному правообладателю здесь является ключевым криминообразующим признаком. Вместе с тем, несмотря на его значение, данный признак закреплён в уголовном законе как оценочный, не имеющий нормативно установленных границ (критериев) для его однозначного и единообразного установления в ходе расследования и рассмотрения конкретного уголовного дела. Аналогичная особенность присуща и описанию общественно опасного последствия в диспозиции ч. 1 ст. 147 УК РФ об ответственности за нарушение изобретательских и патентных прав.

Пленум Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 24 постановления от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [8] рекомендовал судам при установлении этого признака учитывать обстоятельства рассматриваемого дела, включая наличие и размер ущерба в его реальном выражении или в виде упущенной выгоды, размер доходов, полученных виновным в результате нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности, а равно на средства индивидуализации. Тем самым решение вопроса о наличии или отсутствии в действиях лица состава соответствующего преступления зависит от усмотрения правоприменителя, основанного на оценке обстоятельства конкретного дела, указывающих, по его мнению, не только на наличие причинённого ущерба, но ещё и на его крупный размер [4]. При этом также необходимо установить причинную связь между указанными деянием и последствиями, например, что именно плагиат непосредственно причинил соответствующий ущерб, что для данного состава преступления представляется нам весьма затруднительным.

Кроме того, полагаем, что в случае плагиата преимущественно нарушаются не столько имущественные, сколько иные интересы личности, связанные с наукой и творчеством. Наличие имущественного вреда и тем более в крупном размере здесь установить можно далеко не всегда, поскольку, например, в конкретном случае речь может идти о присвоении авторства в научном труде, причинившем автору моральные страдания, нарушившие его законные интересы, связанные, например, с получением ученой степени и (или) ученого звания, но не нанесшем ему материальные потери, наступающие непосредственно вследствие плагиата. Поэтому логичным видится замещение в уголовном законе признака крупного ущерба указанием на другое последствие, пусть и оценочного характера, заключающееся в существенном нарушении прав и законных интересов автора или иного правообладателя.

Объективная сторона второго основного состава преступления, содержащегося в ч. 2 ст. 146 УК РФ, характеризуется формальной конструкцией и заключается в альтернативных действиях, разделяемых на следующие две группы: 1) незаконное использование объектов авторского права или смежных прав; 2) приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров, произведений или фонограмм. Все эти действия должны быть совершены в крупном размере, установление которого одновременно завершает доказывание признаков объекта и объективной стороны этого состава преступления, а также опосредованно указывает на размер ущерба, причинённого в результате совершения соответствующих общественно опасных действий, состоящих в упущенной выгоде. В данном случае крупный размер раскрыт в примечании к ст. 146 УК РФ, что способствует обеспечению необходимой правовой определенности данной нормы.

Положительным моментом также представляется дифференциация уголовной ответственности за указанные выше альтернативные действия, обеспечиваемая посредством закрепления в ч. 2 ст. 146 УК РФ квалифицирующих признаков, состоящих не только в совершении преступления в особо крупном размере, но и альтернативно в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, а равно лицом с использованием своего служебного положения.

Особенности состава преступлений, посягающих на интеллектуальную собственность

Основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 147 УК РФ, так же, как и состав преступления в ч. 2 ст. 146 УК РФ, по конструкции его объективной стороны является материальным, при этом общественно опасное последствие, заключающееся в причинении крупного ущерба, также имеет оценочный характер. Само же общественно опасное деяние отличается альтернативными незаконными действиями, совершаемыми в отношении таких специфических предметов, являющихся объектами изобретательских и патентных прав, как изобретение, полезная модель, промышленный образец.

Среди других незаконных действий обратим внимание на присвоение авторства, сближающее это преступление с деянием, наказуемым по ч. 1 ст. 146 УК РФ, но отличающееся от него предметом, в отношении которого оно совершается. В качестве альтернативного незаконного действия в диспозиции ч. 1 ст. 147 УК РФ названо принуждение к соавторству, что, на наш взгляд, является актуальным и для включения в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ. Вместе с тем одновременно отметим, что принуждение как таковое без указания на способы его осуществления может по-разному трактоваться на практике. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 указанного выше постановления дал разъяснение по этому вопросу, согласно которому принуждение может осуществляться любыми способами, включая насильственные, причём последние подлежат дополнительной квалификации по соответствующим статьям о преступлениях против личности.

Кроме того, обратим внимание на такое незаконное действие, влекущее ответственность по ст. 147 УК РФ при его совершении в крупном размере, как разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца, совершенное до момента официального опубликования сведения о них. Это незаконное действие сближает данное преступление с разглашением или использованием сведений, составляющих коммерческую тайну, совершенными без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, входящими в объективную сторону преступления, предусмотренного частями 2, 3 ст. 183 УК РФ, охраняющими эту и другие виды тайны, имеющие значение для нормального осуществления экономической деятельности (налоговая тайна, банковская тайна). С учетом общности

данных уголовно наказуемых деяний С.Н. Титов предлагает относить преступления, предусмотренные ст. 183 УК РФ, к группе преступных посягательств на интеллектуальную собственность, в которую без каких-либо дополнительных обоснований входят незаконные действия, запрещённые рассматриваемыми статьями 146, 147, 180 УК РФ [2, с. 24].

В ч. 1 ст. 147 УК РФ, в отличие от ч. 3 ст. 146 УК РФ, содержится один квалифицирующий признак в виде совершения деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, тогда как для дифференциации уголовной ответственности за это преступления не менее востребованными представляются имеющиеся в последней уголовно-правовой норме квалифицирующие обстоятельства, позволяющие учесть повышенную общественную опасность данных незаконных действий, совершенных в особо крупном размере или лицом с использованием своего служебного положения. Вместе с тем для законодательного закрепления квалифицирующего признака в виде совершения деяния в особо крупном размере необходимо определить такой и крупный размеры непосредственно в уголовном законе.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК РФ, состоит в незаконном использовании чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, при условии, что данное деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб. То есть законодатель в этой норме предусмотрел альтернативный момент окончания преступления, наступающий либо при неоднократном осуществлении незаконного использования средств индивидуализации товаров, работ или услуг, либо при причинении одним или несколькими такими незаконными действиями крупного ущерба, размер которого определен в примечании к ст. 180 УК РФ.

Особенности объективной стороны данного преступления заключаются, во-первых, в отсутствии какой-либо конкретизации при описании общественно опасного деяния, поскольку формулировка «незаконное использование» предполагает любое использование соответствующих средств индивидуализации, нарушающее то или иное положение законодательства, регламентирующего порядок обращения с такими средствами; во-вторых, в указании такого альтернативного криминообразующего признака, как неоднократность, который в последние годы преимущественно ассоциируется с административной преюдицией. В связи с этим считаем, что для придания данной норме требуемой правовой определенности признак неоднократности следует определить в примечании к ст. 180 УК РФ. В настоящее время законодателя в этом вопросе «замещает» Пленум Верховного Суда РФ, который в абз. 2 п. 15 указанного выше постановления разъясняет, что признак неоднократности в данном случае означает совершение лицом двух и более деяний, заключающихся в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, при этом альтернативно может осуществлено

неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги), либо одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара. Вместе с тем считаем, что это разъяснение, несмотря на его ориентирующее значение для практики, не является достаточно полным и конкретным, поскольку оно преимущественно касается товаров, не учитывая специфику выполнения работ (оказания услуг), а также не отвечает на все вопросы правоприменения, в том числе относительно ситуации, когда за одно или несколько из соответствующих неоднократных незаконных действий лицо было привлечено к административной ответственности.

Отметим также, что в частях 2 и 3 ст. 180 УК РФ указаны квалифицирующие признаки, связанные исключительно с соучастием в этом преступлении (совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), тогда как с позиции системности уголовно-правовой охраны объектов интеллектуальной собственности представляется необходимым единообразно подойти к дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства, в том числе предусмотрев в каждой из этих норм повышение строгости уголовного наказания при совершении деяния в особо крупном размере (при причинении особо крупного ущерба) или лицом с использованием своего служебного положения.

Выводы

Завершая настоящую работу, отметим, что законодательная регламентация объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 146, 147, 180 УК РФ не является однородной, как по своей конструкции, так и по условиям наступления уголовной ответственности, касающимся общественно опасных деяний. Данное обстоятельство, на наш взгляд, указывает на отсутствие необходимой системности данных статей, призванных обеспечивать охрану общей для них сферы общественных отношений, а также на отступления от требования определенности уголовно-правовых запретов, лежащего в основе формирования единообразной практики их применения. Оценочный характер отдельных признаков объективной стороны составов данных преступлений, наряду с их бланкетностью, усложняет толкование и последующее применение статей 147, 147, 180 УК РФ, при этом имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, хотя и дают практике определённые ориентиры для разрешения отдельных вопросов, возникающих при производстве по соответствующим уголовным делам, вместе с тем не могут подменять собой закон, требующий дальнейшего развития и совершенствования.

Представляется, что направлениями такого совершенствования должны являться:

во-первых, закрепление во всех указанных статьях УК РФ определений крупного ущерба (крупного размера) как криминообразующего признака таких деяний;

во-вторых, учесть специфику плагиата (ч. 1 ст. 146 УК РФ), предусмотрев для него общественно опасные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов автора или правообладателя;

в-третьих, по возможности единообразно подойти к дифференциации уголовной ответственности за данные преступления, в том числе закрепить особо квалифицирующий признак в виде особо крупного ущерба (особо крупного размера), определив границы такого в уголовном законе; в-четвёртых, определит в примечании к ст. 180 УК РФ содержание признака неоднократности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирагова Р. Т. Проблемы оценки объектов интеллектуальной собственности // Общество и право. 2010. №3 (30). С. 79-82.
2. Брякина А. В., Алилуева Н. А. Правовые особенности преступлений в сфере интеллектуальной собственности в РФ // Наука и современность. 2024. №33. С. 231-235.
3. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013 – 576 с.
4. Исаева С В., Старцева С В. Защита прав интеллектуальной собственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №10-3 (85). С. 75-79.
5. Кресс В. В. Результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (интеллектуальная собственность) в системе объектов гражданских прав // Вестник СГЮА. 2024. №4 (159). С. 96-108.
6. Панкратова О. В. Право на компенсацию морального вреда в административном судопроизводстве как универсальный способ защиты прав во взаимоотношениях с публичными субъектами / О. В. Панкратова // Юридическая гносеология. – 2024. – № 4. – С. 32-39.
7. Пикалов П. А. Кибермошенничество с использованием искусственного интеллекта // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 2. – С. 56-59.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7
9. Савенко А. С. Предмет, объекты и задачи судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. №5. С. 318-321
10. Спасенников В. В. Усовершенствование системы создания объектов интеллектуальной собственности // Экономика науки. 2024. №3. С. 66-81.
11. Сушкова О. В. Критерии творчества и новизны в объектах интеллектуальной собственности в РФ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2018. №4. С. 122-129.

12. Титов С.Н. Момент окончания преступлений против интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2024. № 7. С. 24-40.

FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE ELEMENTS OF CRIMES THAT VIOLATE THE RIGHTS TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Alekseev Yu.A.

This article is devoted to the consideration of an urgent problem related to the specifics of reflecting in the criminal law the signs of the objective side of crimes that violate copyright and related rights, inventive and patent rights, as well as those related to the illegal use of means of individualization of goods (works, services), and the interpretation of these signs in law enforcement. The author examines the current criminal legislation, theoretical positions regarding the content of the objective side of the relevant crimes and modern judicial practice in this area, formulates and substantiates conclusions and proposals on improving the effectiveness of criminal law counteraction to socially dangerous acts encroaching on intellectual property.

The publication focuses on highlighting the most significant features that distinguish this type of crime from others, as well as the interpretation of legal norms that regulate law enforcement.

The composition of crimes reflecting the features of encroachment on intellectual property determines the specifics of the mechanisms of their commission, the specifics of the investigation, and the identification of the motivation of criminals. That is why we choose the study of the components of crimes in this category as our main goal. At the same time, the object of the work These are crimes that violate intellectual property rights, and the objective side of these crimes is the subject.

Keywords: violations of intellectual property rights, objective aspect of the corpus delicti, criminal law, criminal counteraction, socially dangerous act, intellectual property, individualization.

УДК 343-533

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАРУШАЮЩИХ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Алексеев Юрий Александрович

Научный сотрудник,

Научно-исследовательского института образования и науки

В статье исследуется актуальный вопрос, связанный с раскрытием особенностей объекта преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, определяющие характер общественной опасности данных противоправных деяний. Автор анализирует положения уголовного законодательства об ответственности за преступления, нарушающие указанные права, доктринальные позиции относительно их объекта и современную практику применения соответствующих уголовно-правовых норм. По результатам исследования приведены полученные выводы и вытекающие из них предложения, касающиеся совершенствования уголовно-правовой охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с учётом специфики связанных с ними общественных отношений.

Публикация отражает ключевые моменты, отражающие специфику объектов преступлений, касающихся интеллектуальной собственности, а также изучающих опасность подобных противозаконных действий. Дифференциация в работе объектов интеллектуальной собственности, а также средства индивидуализации позволяет определить степень вреда для личности и общества, а также возможности профилактики подобных преступлений.

Исходя из вышесказанного, целью нашей работы определено выявление особенностей объекта преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Объект конкретизирован в преступлениях против

интеллектуальной собственности, предмет – специфика объекта интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, объект преступления, потерпевший от преступления, предмет преступления, противозаконные действия, состав преступления, Уголовный кодекс РФ.

Объект преступления, будучи одним из необходимых элементов его состава, включает совокупность признаков, характеризующих общественные отношения, нарушаемые в результате совершения уголовно наказуемого деяния. Именно нарушаемый объект, его ценность и значимость для личности, общества и государства, определяют характер общественной опасности определённого преступления. Кроме того, общность объекта тех или иных видов и групп преступлений положена в основу деления Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на разделы и главы, наименования которых указывают на сферы (области) общественных отношений, нарушаемых преступлениями, предусмотренными нормами соответствующих разделов и глав УК РФ [1, с. 60-61].

Так, рассматриваемые деяния, состоящие в нарушении авторских или смежных прав (ст. 146 УК РФ), либо в нарушении изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ) формально отнесены к подгруппе преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК РФ), в свою очередь являющихся частью более широкой группы преступлений против личности (раздел VII УК РФ). Незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ или услуг (ст. 180 УК РФ) отнесено законодателем к подгруппе преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) как составной части преступлений в сфере экономики (раздел VIII УК РФ).

С учетом места закрепления указанных норм в Особенной части УК РФ родовым объектом первых двух преступлений, наказуемых по статьям 146, 147 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие различные правоохраняемые интересы личности, а родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, – общественные отношения, обеспечивающие нормальное (надлежащее) функционирование экономики.

Именно поэтому достаточно важна дифференциация данных объектов с отличием их от иных предметов посягательств преступной деятельности. И в данном случае мы считаем необходимым в первую очередь концептуальное исследование подобной проблематики и поиск отражения принципиально значимых вопросов в законодательстве.

Учитывая вышесказанное, целью нашей работы определено выявление особенностей объекта преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Объектом являются преступления против

интеллектуальной собственности, предметом – специфика объекта интеллектуальной собственности.

На начальном этапе исследования нами был определен ряд научно-практических задач, таких как:

Изучить специфику объектов интеллектуальной собственности и индивидуализации в современном российском праве;

Выявить содержание преступлений, посягающих на объекты интеллектуальной собственности;

Конкретизировать структуру объектов интеллектуальной собственности и индивидуализации

Методы и методология

Основной метод нашего исследования – это сравнительный анализ различных точек зрения исследователей юридической науки, представленных в современных публикациях. Мы изучили такие работы как статьи П. М. Мансурова и Г. И. Мансуровой о проблемах конкретизации интеллектуальной собственности, дифференциации данных объектов Ф. З. Джикаевой, А. С. Лолаевой. Не менее важными являются публикации С.Н. Титова, П. С. Яни о защите интеллектуальной собственности в тесной взаимосвязи со спецификой состава преступления.

Специфика объектов интеллектуальной собственности и индивидуализации в современном российском праве

Как отмечают различные авторы [5], [7] объекты интеллектуальной собственности являются специфической частью юридической науки и практики. Это обусловлено тем, что интеллектуальная собственность на настоящий момент является одним из наиболее востребованных видов собственности, который подлежит защите. Проблемы, связанные с плагиатом, инновационными интеллектуальными продуктами, копированием и незаконным использованием, в том числе, и коммерческим, актуализируют специфику определения данного объекта посягательства.

Н.Э. Мартыненко отмечает, что в основе формирования и дальнейшего развития действующего уголовного законодательства лежит концепция приоритетной охраны прав и свобод личности, что, в частности, проявляется в выдвигании соответствующего объекта уголовно-правовой охраны на первый план, как на уровне поставленных перед УК РФ задач (ст. 2), так и при построении структуры его Особенной части, которую открывает именно раздел о преступлениях против личности (разд. VII) [7, с. 34-35]. Эта концептуальная идея берёт своё начало в положениях международного права и конституционного права, признающего человека, его права и свободы высшей ценностью, нуждающейся во всемерной охране со стороны государства.

Соглашаясь в целом с данной позицией, вместе с тем полагаем возможным обратить внимание на декларативный характер соответствующих положений международного и конституционного права, равно как и на формальный характер отражения этого приоритета в уголовном законе, поскольку объективно более высокой общественной опасностью, обуславливающей необходимость

формирования адекватных по строгости мер уголовной ответственности, обладают преступления, посягающие на общественные и государственные интересы, одновременно включающие и интересы всех людей, являющихся частью соответствующих общества и государства. По нашему мнению, более обоснованным является тезис о необходимости обеспечения надлежащей, эффективной уголовно-правовой охраны всех сфер общественных отношений, включая те, что связаны с личностью, ее правами и свободами, что не предполагает каких-либо приоритетов в этой охране, поскольку наличие таковых одновременно указывает на меньшую значимость тех общественных отношений, которым не придается приоритетное значение.

Как следует из содержания п. 41 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, усиление роли государства как гаранта безопасности личности, а также повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите прав и свобод человека и гражданина являются одними из необходимых условий обеспечения государственной и общественной безопасности [11]. Считаем, что одной из предпосылок эффективности данной деятельности является последовательное развитие уголовного законодательства, в том числе с учётом актуального состояния, структуры и тенденций различных сфер общественных отношений, например, связанных с закреплением и реализацией авторских, смежных, изобретательских и патентных прав.

Содержание преступлений, посягающих на объекты интеллектуальной собственности

Как подчеркивалось ранее, особенности преступлений против интеллектуальной собственности не всегда носят материальный характер, они включают в себя получение, использование и в ряде случаев обогащение за счет объектов интеллектуальной собственности.

Отметим, что на охрану определённых прав и свобод (интересов) личности (жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, физическая свобода, честь и достоинство, половая свобода, половая неприкосновенность, интересы семьи и несовершеннолетних) направлены все нормы раздела VII УК РФ, вместе с тем при этом статьи главы 19 УК РФ, входящей в этот раздел, стоят особняком, поскольку ими охраняются общественные отношения, обеспечивающие специфический набор гарантированных Основным законом прав и свобод, образующих конституционно-правовой статус личности. Именно последние общественные отношения являются видовым объектом преступлений, предусмотренных статьями 146, 147 УК РФ, тогда как их основные непосредственные объекты определяются исходя из тех прав, на охрану которых в первую очередь направлены данные уголовно-правовые нормы [11]. В случае ст. 146 УК РФ – это общественные отношения, обеспечивающие защищённость авторского права и (или) смежных прав, а применительно к ст. 147 УК РФ – общественные отношения, связанные с защитой изобретательских и патентных прав. Совокупность этих прав гарантируется ч. 1 ст. 44

Конституции РФ, где указано на свободу литературного, художественного, научного, технического и иных видов творчества, преподавания, а также на охрану законом интеллектуальной собственности.

Родовым объектом незаконного использования средств индивидуализации товаров, работ или услуг, наказуемого по ст. 180 УК РФ, являются общественные отношения, составляющие сферу экономики и обеспечивающие ее нормальное функционирование. При этом уровень преступности в сфере экономики согласно п. 27 Стратегии экономической безопасности в Российской Федерации до 2030 года [11] относится числу основных показателей экономической безопасности России, под которой в подп. 1 п. 7 этой Стратегии понимается состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при наличии которого обеспечиваются экономический суверенитет государства, единство его экономического пространства, а также условия для реализации стратегических национальных приоритетов.

Видовой объект преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, является неотъемлемой частью сферы экономики и состоит в общественных отношениях, обеспечивающих нормальное осуществление экономической деятельности, основу которой составляет деятельность предпринимательская. Именно в рамках законного либо нелегального осуществления последней и совершаются преступные действия, запрещённые ст. 180 УК РФ, заключающиеся в незаконном использовании чужих товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, а равно сходных с ними обозначений для однородных товаров. Перечисленные средства индивидуализации товаров, работ или услуг одновременно указывают на основной непосредственный объект этого преступления, заключающийся в общественных отношениях в сфере экономической деятельности, обеспечивающие надлежащее (законное) использование таких средств.

В современной практике встречается множество противоречий, связанных с использованием товарных знаков, маркировок и брендов и поэтому вопросы охраны объектов собственности подобного порядка являются одними из приоритетных в современной практике. Первичное выделение признаков данных преступлений является наиболее актуальным и определяет перспективы дальнейшего теоретико-методологического анализа и понимания направлений разработки рекомендаций для правоприменительной практики.

Структура объектов интеллектуальной собственности и индивидуализации

Принимая во внимание общность основных непосредственных объектов преступлений, предусмотренных статьями 146, 147, 180 УК РФ, данные деяния принято объединять в группу преступлений против интеллектуальной собственности [7, с. 34]. Эта позиция согласуется с положениями п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), содержащими исчерпывающий перечень результатов

интеллектуальной деятельности, образующих интеллектуальную собственность, к которым приравниваются и средства индивидуализации товаров, работ и услуг [13]. Вместе с тем следует учитывать, что в рассматриваемых уголовно-правовых нормах указаны отдельные, но не все результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране: объекты авторского или смежных прав (ст. 146 УК РФ); изобретение, полезная модель или промышленный образец (ст. 147 УК РФ); товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара или сходные с ними обозначения (ст. 180 УК РФ).

Между положениями статей 146, 147, 180 УК РФ и ст. 1225 УК РФ имеются и другие расхождения, состоящие, в частности, в терминологическом несовпадении при описании охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (объектов интеллектуальной собственности). Так, в ст. 1225 ГК РФ, в отличие от ст. 146 УК РФ, не используются понятия «авторское право» или «объекты авторского права»: вместо таковых здесь говорится о подлежащих охране результатах интеллектуальной деятельности, одновременно рассматриваемых в качестве объектов интеллектуальной собственности, при этом полностью раскрывается объем соответствующих понятий посредством перечисления охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (объектов интеллектуальной собственности). В настоящее время в этот перечень входит 16 объектов интеллектуальной собственности, причём при его анализе могут возникать затруднения в части разрешения вопросов о распространении уголовно-правовой охраны, обеспечиваемой статьями 146, 147, 180 УК РФ, на отдельные результаты интеллектуальной деятельности, например, на базы данных, топологии интегральных микросхем, географические указания.

С учетом изложенного представляется целесообразным согласовать содержание статей 146, 147, 180 УК РФ с положениями п. 1 ст. 1225 УК РФ, в том числе конкретизировать, какие результаты интеллектуальной деятельности охраняет каждая из данных уголовно-правовых норм.

Далее отметим, что основные непосредственные объекты преступлений, предусмотренных статьями 146, 147, 180 УК РФ, одновременно являются и объектами правонарушений, наказуемых по статьям 7.12 и 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Свою специфику объекты рассматриваемых преступлений приобретают за счет более интенсивного воздействия на них со стороны виновных лиц за счет нарушения не только основного, но и дополнительного непосредственных объектов, а равно неоднократности совершения соответствующих противоправных действий. При этом дополнительный непосредственный объект, заключающийся в отношении собственности, в указанных преступлениях также подвергается более интенсивному воздействию, приводящему к причинению крупного ущерба.

Так, в ч. 1 ст. 146, ст. 147 УК РФ указывается на причинение крупного ущерба, а в ч. 2 ст. 146 УК РФ – на совершение деяния в крупном размере, в ст. 180 УК РФ – на совершение деяния неоднократно либо с причинением в его результате крупного ущерба. Включение отношений собственности в структуру непосредственных объектов этих преступлений обуславливает необходимость отграничения последних от хищений чужого имущества и от причинения имущественного ущерба, не связанного с хищением [13, с. 44].

Кроме того, данные уголовно-правовые нормы не называют и другой вред, фактически причиняемый рассматриваемыми преступлениями, – это моральный вред (при плагиате) и вред деловой репутации (при незаконном использовании средств индивидуализации товаров, работ, услуг). Полагаем, что причинение такого вреда свидетельствует о нарушении соответствующих дополнительных объектов, что отражается не только на характере, но и на степени общественной опасности данных преступлений [5].

Проблемы общественного вреда и опасности незаконного использования интеллектуальной собственности обусловлены не только особенностями того объекта, который конкретизируется в нашем исследовании, но также и тем, что использование различных брендов, торговых марок, наименований и иных продуктов нематериального характера имеет долгосрочный финансовый результат и это необходимо учитывать в ряде случаев расследования преступлений, связанных с интеллектуальной собственностью в контексте использования норм о сроках исковой давности.

Заключение

Проведя исследование, мы определили, что объекты интеллектуальной собственности и интеллектуализации обладая определенной спецификой, определяют актуальность дифференцированной классификации в законодательстве и конкретизируют перспективы нашего дальнейшего исследования.

Кроме того, объекты преступлений, предусмотренных статьями 146, 147 180 УК РФ, имеют сложную структуру, поскольку включают в себя не только основные, но и дополнительные объекты, при этом раскрытие их содержания требует обращения к гражданскому законодательству, согласование с которым является одним из перспективных направлений развития данных уголовно-правовых запретов [8].

Проанализировав проведенные ранее исследования относительно актуальной проблематики оценки интеллектуальной собственности, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время существуют определенные трудности отечественных субъектов социально-экономической сферы в выборе подходов возможной оценки результата интеллектуальной деятельности. Не вызывает сомнений тот факт, что интеллектуальная собственность формирует довольно специфический сегмент рынка, который в России уже существует. Главным в решении данной проблемы должно стать эффективное нормативно-правовое регулирование вопросов, связанных с необходимостью проведения

оценки стоимости объектов интеллектуальной собственности, что предопределяет необходимость разработки нормативных актов, определяющих порядок оценки таких объектов в рамках теории информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013 – 576 с.
2. Джикаева Ф. З., Лолаева А. С. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности // Аграрное и земельное право. 2020. №9 (189). С. 14-18.
3. Дрынкин М. Н. Актуальные проблемы оценки объектов интеллектуальной собственности // Скиф. 2020. №4 (44). С. 14-19.
4. Коптева А. С. Защита объектов интеллектуальной собственности в современной России // Символ науки. 2022. №4-1. С. 43-44.
5. Крылова К. Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности как объект преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №3. С. 98-106.
6. Мансуров П. М., Мансурова Г. И. Правовая защита объектов интеллектуальной собственности // Вестник УлГТУ. 2020. №1 (89). С. 42-45.
7. Мартыненко Н.Э. Современная концепция уголовно-правовой охраны личности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 34-37.
8. Насибова Э. Н-к Проблемы классификации объектов интеллектуальной собственности // Актуальные вопросы современной науки. 2014. №33. С. 150-159.
9. Пекарева В. В. Концептуальный подход к содержанию феномена правосознания для понимания его приоритетности посредством анализа правовой доктрины // Юридическая гносеология. – 2024. – № 6. – С. 92-101.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
11. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20
12. Титов С.Н. Момент окончания преступлений против интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2024. № 7. С. 24-40.
13. Шидловский Н. А. Защита цифровой информации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 3. – С. 43-46.

14. Яни П.С. Незаконное завладение результатами интеллектуальной деятельности – преступление против собственности? // Законность. 2024. № 8. С. 26-304

**FEATURES OF THE OBJECT OF CRIMES THAT VIOLATE
THE RIGHTS TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY
AND MEANS OF INDIVIDUALIZATION**

Alekseev Yu.A.

The article examines an urgent issue related to the disclosure of the features of the object of crimes that violate the rights to intellectual property and the means of individualization that determine the nature of the public danger of these illegal acts. The author analyzes the provisions of criminal legislation on liability for crimes that violate these rights, doctrinal positions regarding their object, and the current practice of applying relevant criminal law norms. Based on the results of the study, the conclusions and proposals resulting from them are presented regarding the improvement of criminal law protection of intellectual property rights and means of individualization, taking into account the specifics of related public relations.

The publication reflects the key points reflecting the specifics of the objects of crimes related to intellectual property, as well as studying the danger of such illegal actions. Differentiation in the work of intellectual property objects, as well as means of individualization, makes it possible to determine the degree of harm to individuals and society, as well as the possibilities of preventing such crimes.

Based on the above, the purpose of our work is to identify the features of the object of crimes that violate the rights to intellectual property and means of individualization. The object is specified in crimes against intellectual property, the subject is the specificity of the intellectual property object.

Keywords: violations of intellectual property rights, means of individualization, object of crime, victim of crime, subject of crime, illegal actions, corpus delicti, Criminal Code of the Russian Federation.

УДК 343.828

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ

Зеленская Ольга Олеговна

Старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета,
ФГБОУ ВО «Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний»,
г. Вологда, Россия
SPIN-код: 8755-9225

В данной статье рассматриваются аспекты законного освобождения от уголовных наказаний для осужденных, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы России по причине болезненного состояния, в том числе и в исправительных учреждениях особого режима для лиц, приговоренных пожизненному лишению свободы. В процессе исследования были выделены три типа освобождения от наказания, зафиксированные в законодательстве и связанные с ухудшением здоровья осужденного: психическое расстройство, возникшее после преступления; тяжелая болезнь; и заболевание, делающее военнослужащих негодными к военной службе. Также представлен анализ проблем, возникающих в процессе рассмотрения ходатайств об освобождении осужденных по состоянию здоровья, с предложениями по их решению. Подход к данной проблематике позволяет глубже понять законодательные механизмы, связанные с медицинскими аспектами наказания, а также предлагает пути улучшения существующих нормативных актов и практик в этой области.

Ключевые слова: исправительные учреждения, осужденные, освобождение от наказания, состояние здоровья, перечень заболеваний,

социально-значимые заболевания, ходатайства, медицинское освидетельствование.

На протяжении всей истории уголовных наказаний лица, осужденные за правонарушения, постоянно искали способы избежать уголовной ответственности, назначенной им судом, прибегая как к законным, так и к незаконным методам. Если незаконные методы, как правило, у всех на слуху (например, фальсификация доказательств на стадии следствия (дознания), подкуп или запугивание свидетелей, потерпевших, уничтожение улик ну и, в конце концов, совершение побега), то законные – зачастую менее известны и не так ярко освещаются в прессе и научной специальной литературе.

В настоящее время на законодательном уровне закреплены три самостоятельных вида освобождения от наказания, связанных с расстройством здоровья лица, совершившего преступление: в связи с психическим расстройством, возникшим у лица после совершения преступления; в связи с иной тяжелой болезнью; в случае заболевания, делающего военнослужащих негодными к военной службе [1].

Согласно нормам международных правовых актов, заключенных у которых диагностировали серьезные психические заболевания и/или тяжелое состояние здоровья, для которых дальнейшее пребывание в тюремных условиях будет означать ухудшение их состояния, не следует содержать в тюремных учреждениях [2].

Стоит заметить, что не любое психическое расстройство может служить основанием освобождения от наказания, а то, которое: возникло после совершения преступления; лишило лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), не позволяет ему воспринимать принудительный характер и карательно-воспитательный смысл применяемых мер государственного принуждения и затрудняет достижение целей наказания.

Возникновение иной тяжелой болезни, возникшей у лица после совершения преступления, является факультативным видом освобождения от наказания. Под иной тяжелой болезнью, которая возникла у лица после совершения преступления; а также препятствует отбыванию наказания, следует понимать такое серьезное заболевание, которое существенно затрудняет процесс исполнения наказания [3].

При решении вопроса об освобождении лица от наказания определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания в связи с болезнью [4].

Трудности в освобождении из мест лишения свободы осужденных, страдающих тяжелой болезнью, и получения ими адекватной медицинской помощи являются повсеместными и системными. Зачастую, к ухудшению здоровья людей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, приводит низкое качество медицинского обеспечения в колониях, неудовлетворительные

санитарные и бытовые условия заключения и работы, плохое качество питания и т.д. [5].

Стоит отметить, что Правила направления на медицинское освидетельствование осужденных, ходатайствующих об освобождении (предъявляемых к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью, Правила медицинского освидетельствования осужденных, ходатайствующих об освобождении (предъявляемых к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью, а также Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» (далее – Постановление Правительства № 54).

В списке заболеваний, которые могут препятствовать исполнению наказания, перечислены различные виды социально-значимых заболеваний, при наличии которых у осужденных появляется возможность на законных основаниях освободиться от дальнейшего их нахождения в местах лишения свободы, такие как, туберкулез, новообразования, некоторые заболевания эндокринной системы, нервной системы и органов чувств, болезни сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной, мочевыделительной систем, заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани, а также анатомические дефекты (например, ампутация конечностей) и другие.

Важно отметить, что перечисленные в вышеупомянутом списке заболевания могут быть применимы только на определенной стадии (что исключает возможность в дальнейшем совершения преступлений).

Для того чтобы применить к определенному осужденному вышеуказанные законодательные акты Российской Федерации и рассмотреть возможность освобождения его от отбывания наказания, в связи с наличием у него заболевания, необходимо соблюдать определенный порядок направления на медицинское освидетельствование и рассмотрения ходатайств об освобождении от наказания в связи с психическим расстройством или тяжелой болезнью, а также установленные правила проведения медицинского освидетельствования осужденных.

Основаниями для направления, рассматриваемой категории лиц на медицинское освидетельствование, являются:

- обращение осужденного, у которого наступило психическое расстройство, препятствующее отбыванию наказания, либо его законного представителя, а также обращение осужденного, заболевшего иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего наказания;
- подготовка начальником учреждения или органа, исполняющего наказание, представления об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания в связи с наступлением психического расстройства или иной тяжелой болезни.

Медицинское освидетельствование осужденного проводится врачебной комиссией медицинской организации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ). Для проведения консультаций, по вопросам медицинского освидетельствования осужденного могут привлекаться врачи-специалисты из медицинских организаций государственной или муниципальной систем здравоохранения в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан [6].

Освобождение от уголовного наказания по состоянию здоровья – это сложная правовая процедура, требующая тщательного анализа медицинских показаний и норм уголовного законодательства. Единственным основанием для такого освобождения является наличие у осужденного тяжелого заболевания, которое объективно препятствует отбыванию наказания. Важно подчеркнуть, что «препятствует» – это не просто дискомфорт или временное ухудшение самочувствия. Речь идет о серьезных заболеваниях, которые, по заключению компетентных медицинских специалистов, делают невозможным нахождение осужденного в условиях пенитенциарных учреждений. Это заключение должно быть получено в результате медицинского освидетельствования, проведенного в строгом соответствии с установленными законом процедурами. Эти процедуры варьируются в зависимости от вида учреждения, где содержится осужденный, и могут включать в себя обследование у специалистов узкого профиля, проведение дополнительных анализов, консультаций в специализированных медицинских учреждениях (государственной и муниципальной систем здравоохранения). Результаты освидетельствования должны быть оформлены надлежащим образом, с указанием точного диагноза, прогноза заболевания и обоснованием невозможности отбывания наказания лицом, в отношении которого проводилось обследование.

Следует отметить, что несоответствие формальным требованиям к документации может стать причиной отказа в освобождении. Однако даже при наличии всех необходимых медицинских документов освобождение от наказания не гарантировано. Как следует из части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), суд «вправе», но не «обязан» освободить осужденного от наказания, даже если медицинское заключение однозначно указывает на невозможность отбывания наказания. В данной ситуации суд оценивает все обстоятельства дела в совокупности, включая тяжесть преступления, поведение осужденного во время отбывания наказания и т.д. То есть, процесс освобождения от уголовного наказания по состоянию здоровья, является многоступенчатой процедурой, требующей не только наличия подтвержденного тяжелого заболевания, но и комплексной оценки судом личности осужденного, обстоятельств дела, соблюдения установленного порядка отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях.

Решение суда является индивидуальным и зависит от многих факторов, и медицинское заключение не является достаточным основанием для автоматического освобождения. Окончательный результат зависит от конкретных обстоятельств каждого отдельного дела, судебная практика в этой сфере неоднородна. Кроме того, необходимо отметить, что если болезнь осужденного наступила в результате его умышленных действий (например, членовредительства) с целью последующего освобождения, то он не подлежит освобождению от отбывания наказания по основаниям, предусмотренным статьей 81 УК РФ.

Напомню, что согласно ч. 4 ст. 81 уголовного закона, существует возможность продолжения отбывания наказания лицом, если наступило выздоровление и при этом не истекли сроки давности обвинительного приговора. Из этого следует, что возможность продолжения отбывания наказания выздоровевших лиц нарушает основополагающую установку справедливости уголовного права, в соответствии с которым субъект не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступное деяние [7, С. 18-20].

Далее обсудим некоторые проблемы, возникающие при рассмотрении вопросов, связанных с освобождением осужденных по болезни:

во-первых, многие осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы и имеющие ряд различных заболеваний, минуя медицинское освидетельствование, проводимое врачами-специалистами медицинской организации УИС, обращаются в суд с ходатайством об их освобождении по болезни. При этом они не учитывают тот факт, что их заболевания может не входить в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, тем самым они пытаются ввести судебные органы в заблуждение. В большинстве случаев осужденные при подаче названных ходатайств, нарушают действующее законодательство РФ, а именно требования части 6 статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, заключающееся в одновременном предоставлении с ходатайством заключения медицинской комиссии [8]. Судебные органы, согласно действующему законодательству, не имеют права отказать в принятии ходатайств, даже если имеются определенные нарушения процесса. Это связано с тем, что право каждого гражданина на защиту и справедливое судебное разбирательство является основополагающим принципом правовой системы. Учитывая существующую судебную практику, с целью получения материалов и документов, необходимых для правильного вынесения определения (решения), суды направляют соответствующие запросы в медицинские подразделения УИС, в которых устанавливают конкретные сроки предоставления недостающих документов. Это требование обусловлено тем, что наличие медицинских заключений может существенно повлиять на исход рассматриваемого ходатайства осужденного, особенно если речь идет о состоянии его здоровья. Важно отметить, что несвоевременное

предоставление со стороны медицинской организации УИС документов приводит к отложению судебного заседания, что в свою очередь негативно сказывается на праве всех сторон на своевременное и справедливое разбирательство. Поэтому мы считаем, что необходимо взаимодействие между судебными органами и медицинскими подразделениями УИС при рассмотрении вышеназванных ходатайств, которое играет ключевую роль для надлежащего функционирования правосудия.

Во-вторых, процедура медицинского освидетельствования осужденных, обратившихся в суд с ходатайством об освобождении по состоянию здоровья, сопряжена с рядом сложностей, зачастую приводящих к задержкам судебного процесса. Ключевая проблема возникает на этапе самого освидетельствования. После поступления ходатайства в суд, медицинская организация УИС должна провести соответствующее освидетельствование осужденного в срок, установленный судом, как правило до даты судебного заседания, что создает значительные временные ограничения для врачебной комиссии. Регламент проведения освидетельствования устанавливает, что комиссия обязана принять решение о дате, времени, месте (стационар или амбулатория) и условиях проведения обследования не позднее 10 рабочих дней с момента получения направления. Однако практика показывает, что указанного времени зачастую недостаточно для полного и всестороннего обследования. Важно учитывать, что для установления точного диагноза может потребоваться осуществление дополнительных обследований, таких как компьютерная томография, магнитно-резонансная томография, анализы в лаборатории и консультации с узкими специалистами, такими как кардиологи, неврологи, онкологи и другие. В связи с этим, времени на выполнение всех вышеперечисленных процедур может потребоваться достаточно много, особенно в условиях высокой нагрузки на медицинские учреждения УИС, что является довольно частым явлением. С учетом этого, хоть и предусмотрен механизм продления срока освидетельствования до одного месяца, но он может оказаться недостаточным. В сложных случаях, требующих комплексного обследования и консилиума специалистов из различных медицинских учреждений (не только в УИС), процесс может затянуться на значительно большее время. Это существенно затрудняет работу судов, которые вынуждены переносить судебные заседания. Перенос которых, в свою очередь, влечет за собой нарушение установленных сроков рассмотрения дел, что негативно сказывается на соблюдении прав осужденного. Суды, имея собственные регламенты и графики работы, не всегда обладают достаточной гибкостью для постоянных переносов, что приводит к возникновению коллизий.

Еще один важный аспект, который зачастую упускается из виду, это анализ истории болезни осужденного. Даже если заболевание входит в утвержденный Перечень заболеваний, дающих основания для освобождения от наказания, врачебная комиссия обязана учитывать, освобожден ли ранее осужденный по этому заболеванию. Повторное

обследование по тем же основаниям может быть признано необоснованным, и комиссия должна предоставить всестороннее обоснование своего решения, включая динамику заболевания, результаты обследований и дальнейший прогноз развития заболевания. Это требует, в том числе тщательного изучения медицинской документации и может значительно увеличить время, необходимое для вынесения медицинского заключения. Отсутствие четкой регламентации процедуры анализа истории болезни, и возможных исключений создает дополнительные сложности и риск судебных ошибок.

Кроме того, следует отметить, что в таких случаях отсутствуют единые стандарты и методические рекомендации для медицинских комиссий исправительных учреждений по проведению медицинских осмотров. Поэтому необходимы более подробные нормативные акты, четко определяющие сроки, объем необходимых обследований, критерии оценки состояния здоровья и механизмы обжалования решений. Повышение прозрачности и унификация процедур позволили бы значительно сократить временные затраты и повысить качество медицинских осмотров осужденных. Отсутствие такой унификации является серьезной проблемой и требует срочного решения на законодательном уровне.

В-третьих, в случае если осужденному необходимо проведение обследования в условиях стационара, то его необходимо в ближайшее время или же незамедлительно этапировать в медицинское подразделение УИС, где предусмотрена такая возможность обследования (как правило, это одно медицинское учреждение УИС территориального органа). В этой ситуации возникает следующая проблема, заключающаяся в том, что в исправительных учреждениях УИС заранее составляется плановый этап осужденных, нуждающихся в стационарном лечении, если их заболевания не требуют срочной неотложной медицинской помощи. В данной ситуации получается, что в план этапирования необходимо вносить корректировки и осужденного, обратившегося в суд с ходатайством об освобождении по болезни и не имеющих медицинского заключения, необходимо включить в названный план, как правило, путем исключения кого-то из других осужденных. Так как их всех в медицинском учреждении стационарного профиля УИС одновременно принять нет возможности, с учетом установленного лимита нахождения указанных лиц на лечение (обследование). С учетом этого появляются многочисленные жалобы от тех осужденных, которых так, скажем, пришлось исключить из ближайшего плана этапирования, так как каждый осужденный считает, что его заболевание является критическим и создающим угрозу его жизни и здоровью.

Кроме того, сейчас мы рассматриваем один такой случай, однако на практике зачастую в суды одновременно поступает по десятку и более ходатайств об освобождении по болезни от осужденных из исправительных учреждений УИС, дислоцирующихся в разных местах региона. В этой ситуации сотрудникам данных учреждений необходимо

создать такие условия для осужденных, чтобы их права ни в коем случае не были нарушены, а суд не вынес частное определение в отношении исправительного учреждения за невыполнение требования суда о своевременном предоставлении медицинских документов.

К тому же, представляется заслуживающим внимания и поддержки предложение В. И. Селиверстова, о необходимости «принимать во внимание опасения судей, сотрудников правоохранительных органов, потерпевших от преступлений о том, что освобождение от отбывания наказания может быть своеобразным, льготным механизмом необоснованного освобождения от наказания опасных преступников, которое может спровоцировать совершение ими повторных преступлений (рецидив). В целях нейтрализации данных опасений должны быть усовершенствованы правовые процедуры рассмотрения ходатайств осужденных об освобождении по болезни, прокурорского, судебного, правозащитного и общественного контроля за законностью и обоснованностью принятых решений. Следует восстановить существовавший в СССР статистический учет постпенитенциарного рецидива, в рамках которого следует отдельно получать данные о постпенитенциарном рецидиве лиц, освобожденных от отбывания наказания по причине заболевания тяжелой болезнью» [9, С. 42-49].

Правовая природа освобождения по болезни, объясняет потребность при решении вопроса о таком освобождении изучить отличные от условно-досрочного освобождения условия, к примеру, объективность установленного диагноза, вероятность излечения существующего заболевания в обстоятельствах исправительного учреждения, наличие и стремление родных членов семьи проявлять осужденному требуемую поддержку в случае освобождения [10, С. 50-61].

Кроме того, следует обратить внимание на отбытый срок наказания к моменту разрешения вопроса об освобождении по болезни, стоит сказать, что закон не ставит в зависимость его разрешения от фактически отбытого срока. Так, А. С. Михлин считает, что «срок отбытия не играет главную роль в освобождении по болезни, здесь должно превалировать гуманное отношение к осужденному. В то же время, автор отмечает, что большинство осужденных освобождаются по отбытии непродолжительного срока (около трех лет) и считает, что такая практика ненормальна» [11, С. 142].

В России, согласно действующему законодательству, все осужденные, независимо от тяжести преступления и срока наказания, включая лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, имеют право ходатайствовать о досрочном освобождении по состоянию здоровья.

Однако существующая правовая база недостаточно четко регламентирует порядок рассмотрения ходатайств осужденных к пожизненному заключению. Это порождает множество проблем и неоднозначных ситуаций на практике, требующих безотлагательного решения. Предлагаемые изменения в законодательство должны

охватывать несколько ключевых аспектов. Во-первых, необходимо четко определить критерии, по которым будет оцениваться состояние здоровья осужденного. Необходим единый, общероссийский стандарт оценки состояния здоровья, учитывающий не только наличие конкретного заболевания, но и его стадию, прогноз развития, возможность лечения и степень влияния на способность осужденного к дальнейшему отбыванию наказания. Этот стандарт должен быть разработан при участии ведущих специалистов в области медицины и криминологии, возможно с учетом международного опыта. Во-вторых, необходимо регламентировать четкий порядок проведения медицинского освидетельствования осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, так как эта группа лиц, безусловно, относится к наиболее опасным категориям преступников. В связи с этим процесс их возможного освобождения должен быть прозрачным и основываться на серьезных основаниях. Таким образом, предлагаемые изменения направлены на улучшение правовой регуляции процедуры досрочного освобождения по состоянию здоровья, обеспечение равного доступа к медицинской помощи для всех категорий осужденных и минимизацию рисков, связанных с незаконным освобождением особо опасных преступников. Реализация этих мер позволит сделать систему более справедливой и эффективной.

Также важно отметить, что для снижения числа неправомерных обращений осужденных в судебные инстанции, которые полагают, что у них имеются недуги, мешающие отбыванию наказания, необходимо медицинским работникам (сотрудникам) учреждений УИС регулярно, например, раз в три месяца, знакомить осужденных с Перечнем заболеваний, который утвержден Постановлением Правительства № 54 и его изменениями, под роспись. Об этом следует сделать соответствующую запись в медицинской карте (истории болезни) осужденного. Данная практика должна быть зафиксирована в должностных инструкциях медицинского персонала учреждений УИС. При этом следует подчеркнуть, что это не создаст никакой дополнительной нагрузки для медицинских работников, поскольку они ежедневно осуществляют множество медицинских процедур с данной категорией лиц. Мы считаем, что реализация данного мероприятия, напротив, поможет снизить количество необоснованных обращений осужденных в суды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17.12.2015. – Текст электронный: URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1733320325&tld=ru&lang=ru&name=Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf&text (дата обращения: 25.07.2024).

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2021. – 816 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.10.2009 № 8 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». – Текст электронный: URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8106/?ysclid=m49vrns857439516406> (дата обращения: 25.07.2024).

5. Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью. Правовой анализ, алгоритм действий, образцы документов и судебная практика / Серия «Знай свои права!». – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2022. – 52 с.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» (с изменениями на 3 февраля 2020 года). – Текст электронный: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901887458?ysclid=m46ууор1ns606152828> (дата обращения: 25.07.2024).

7. Медведев Е.В. Применение принудительных мер медицинского характера к лицам, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления // Российская юстиция. – 2009. – № 9. – С. 18-20.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

9. Селиверстов В.И. Правовые проблемы освобождения осужденных от отбывания осужденных от уголовного наказания по болезни // Вестник Университета имен О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7 (35). – С. 42-49.

10. Курченко В.Н. Освобождение от наказания в связи с болезнью: проблемы правоприменения // Уголовный процесс. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа». – 2014. – № 5. – С. 50-61.

11. Михлин А.С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. Учебное пособие / Михлин А.С. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 142.

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE RELEASE OF CONVICTS FROM PUNISHMENT DUE TO ILLNESS

Zelenskaya O.O.

This article examines the aspects of legal exemption from criminal penalties for convicts who are in institutions of the Russian penal enforcement system due to a painful condition, including in correctional institutions of a special regime for persons sentenced to life imprisonment.

In the course of the study, three types of exemption from punishment were identified, fixed in legislation and associated with the deterioration of the convict's health: a mental disorder that arose after a crime; a serious illness; and a disease that makes military personnel unfit for military service. An analysis of the problems arising in the process of considering applications for the release of convicts for health reasons, with proposals for their solution, is also presented. The approach to this issue allows for a deeper understanding of the legislative mechanisms related to the medical aspects of punishment, and also suggests ways to improve existing regulations and practices in this area.

Keywords: correctional institutions, convicts, release from punishment, state of health, list of diseases, socially significant diseases, petitions, medical examination.

УДК 343-59

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «СКУЛШУТИНГ» И «КИБЕРБУЛЛИНГ»

Иликбаева Евгения Сергеевна

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Симферополь, Россия

В статье рассматривается вопрос об особенностях привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших вооруженные нападения на образовательные организации. До настоящего момента в судебно-следственной практике нет единого мнения по привлечению к уголовной ответственности за такое опасное социальное явление как «скулшутинг». В геометрической прогрессии наблюдается тенденция к росту «скулшутинга» и на территории России. Так, начиная с 2014 года произошло более 11 случаев вооружённых нападений на учебные заведения. Рассматривая судебную практику, стоит отметить, что относительно квалификации единой позиции со стороны органов предварительного следствия и судов нет. «Скулшутеры» несли ответственность по следующим статьям УК РФ: ч. 2 ст. 105 УК РФ; ч. 2 ст. 115; ч. 2 ст. 116 УК РФ; ст. 205 УК РФ; ч. 4 ст. 206 УК РФ; ст. 213 УК РФ; ч. 1 ст. 223¹ УК РФ; ст. 282 УК РФ.

Ключевые слова: вооруженные нападения на образовательные организации, «скулшутинг», «кибербуллинг», хейтинг, буллинг, уголовная ответственности, «Колумбайн», национальная безопасность, квалификация «скулшутинга», квалификация «кибербуллинга».

Для понимания особенностей уголовной ответственности необходимо рассмотреть историю случаев «скулшутинга» и «кибербуллинга» на территории Российской Федерации.

«Колумбайн» – это слово, нагоняющее тревогу внутри человека, вызывающее панику в обществе. Действительно, проблема борьбы со «скулшутингом» приобрела глобальный характер, так как за последние пять лет тенденция к росту нападений в учебных заведениях наблюдается во многих странах.

В 1999 году двое старшеклассников Эрик Харисс и Дилан Клиборд напали на одну из школ штата Колорада. По масштабам последствий,

вооружённое нападение заняло третье место среди массовых убийств в учебных заведениях США[1].

В геометрической прогрессии наблюдается тенденция к росту «скулшутинга» и на территории России. Так, начиная с 2014 года произошло более 11 случаев вооружённых нападений. Новостные ленты были переполнены фото и видеофрагментами с мест происшествий. А сегодня каждому доступны материалы, в которых поэтапно отражены действия преступников, указано количество погибших и раненых [2].

Рассматривая судебную практику, стоит отметить, что относительно квалификации единой позиции со стороны органов предварительного следствия и судов нет. «Скулшутеры» несли ответственность по следующим статьям УК РФ: ч. 2 ст. 105 УК РФ; ч. 2 ст. 115; ч. 2 ст. 116 УК РФ; ст. 205 УК РФ; ч. 4 ст. 206 УК РФ; ст. 213 УК РФ; ч. 1 ст. 223¹ УК РФ; ст. 282 УК РФ (Карпова, Максимова, 2021) [2].

В связи с этим 2 февраля 2022 года Верховный суд РФ в полной мере удовлетворил иск Генеральной прокуратуры о признании движения «Колумбайн» террористической организацией. По мнению высшей судебной инстанции ее участники отрицают общепринятые моральные принципы и нравственные ценности, пропагандируют девиантное поведение, суицид и насилие как норму жизни и способ достижения своих целей» [3].

Положения Пленума Верховного суда от 9 февраля 2012 года №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» в некоторых аспектах полностью соответствуют уголовно-правовой характеристике «скулшутинга». Так, под устрашающими населения могут быть признаны действия, которые вызывают у людей чувство страха за жизнь либо здоровье себя, своих близких, сохранность имущества. При этом поведение делинквента должно создавать реальную угрозу наступления общественно-опасных последствий. В каждом конкретном случае сотрудникам предварительного следствия необходимо определять состояние опасности с учётом места, времени, средств и способа совершения указанных преступлений.

Однако, на наш взгляд, отнесение «скулшутинга» в разряд террористических организаций весьма неоправданно. Так, определение ст.205 УК РФ содержит один из обязательных для данного вида преступления элемент субъективной стороны. Цель террориста – дестабилизировать либо воздействовать на деятельность и принятие решений органов власти или международных организаций. Следовательно, наличие именно таких целей характеризуют субъективную сторону состава преступлений.

Точно определить цель «скулшутеров» не представляется возможным, так практика свидетельствует о различном представлении вооружённых подростков об идеальном результате.

Ещё одним отличием выступает место совершения преступления. Несмотря на то, что законодатель не указывает в диспозиции ст.205 УК РФ место в качестве необходимого элемента объективной стороны преступления, однако «скулшутинг» имеет локальный характер: стены

учебных заведений (школы, техникум, институт, университет и т.д.). В свою очередь террористы выбирают различные дислокации, исходя из преследуемых целей: площади, объекты государственного значения и т.д.

Таким образом, состав ст.205 УК РФ не в полной мере характеризует действия «скулшутеров». Поэтому, для единого правопонимания и устранения пробелов целесообразно пересмотреть формулировку определения «террористического акта», в данном случае отсутствие единого определения, затрудняет работу правоохранительных органов.

С развитием цифровизации общества получило распространение такое антисоциальное явление – «кибербуллинг». История возникновения деструктивного течения начинается с последних десятилетий XX века.

Флейминг, хейтинг, харасмент, киберсталкинг, диссинг, грифинг – современные виды кибербуллинга[4]. Такой обширный перечень связан с развитием информационно-коммуникационных сетей и новых способов получения и распространения недостоверных, аморальных материалов в отношении конкретного лица либо группы лиц. Несмотря на различное содержание каждое из представленных направлений может преследовать единую причину, вызывающую противоправное поведение. К их числу можно отнести конфликт на почве национальных, социальных, культурных и иных различий; личную неприязнь к объекту; чувство зависти; месть; корыстную выгоду и т.д.

По данным Росстата доля несовершеннолетних пользователей к началу 2024 года составила около 97,1%. В сравнении с другими категориями населения несовершеннолетние наиболее активно пользуются интернет-ресурсами [5]. Этот факт свидетельствует о повышенной виктимности несовершеннолетних в информационной среде.

Общественная опасность «кибербуллинга», на наш взгляд, заключается не только в нанесении морального вреда в виде унижения чести и человеческого достоинства, но и в возможном причинении физических страданий.

Кроме этого, в отличие от обычного буллинга, «интернет – травля» не имеет временных ограничений. Возможность высказать пренебрежение появляется у делинквентов с момента доступа к информационно-телекоммуникационной сети. То есть злоумышленники не привязываются к обстановке, они более свободны в выборе места и времени реализации своего умысла. Это в значительной степени нарушает личную неприкосновенность несовершеннолетних.

Несмотря на большое количество несовершеннолетних, подвергшихся кибербуллингу, латентность подобных деяний имеет достаточно высокий уровень. На наш взгляд, это связано с общественными установками. Так как агрессия в интернете не является поводом для обращения в целях защиты своих прав в

правоохранительные органы, люди предпочитают разрешать проблему самостоятельно. Такое ошибочное представление влечёт за собой рост киберпреступников, а, следовательно, и пропорциональное увеличение жертв.

Несмотря на отсутствие специальной статьи, устанавливающей ответственность за «кибербуллинг», судебной практикой выработана общая позиция относительно квалификации рассматриваемого деяния.

В большинстве случаев лицо привлекали к административной ответственности ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП). Дефинитивная норма, на наш взгляд, в полной мере характеризует деяние киберпреступников, что выражается в противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме в целях унижения чести и достоинства другого лица.

Уголовная ответственность может наступить по ст. 128¹ УК РФ. В отличие от оскорбления, клевета предусматривает заведомо ложное распространение сведений, в результате чего также страдает репутация жертвы. Стоит отметить, что уголовно – наказуемым кибербуллинг будет только в случае, когда злоумышленник достоверно знает о распространении искажённой информации.

Законодатель предусмотрел в обоих случаях квалифицированные составы противоправных деяний, закрепив их в части 2 КоАП и УК РФ. В нашем случае это оскорбление/клевета совершённая публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Следует отметить, что Верховный Суд РФ разъясняет некоторые особенности квалификации административного правонарушения. Разъяснено, по какой части ст. 5.61 наступает ответственность за оскорбление в информационно-телекоммуникационной сети. Если унижающие честь и достоинство человека материалы направлены ему в личном сообщении, то есть отсутствует публичная демонстрация, значит административное наказание назначается в рамках ч.1 ст. 5.61 КоАП РФ. В случае распространения подобных материалов на странице пользователя в социальных сетях, доступ к которой открыт для неопределённого круга лиц – ч.2. ст.5.61 КоАП РФ[6].

В зависимости от наступивших общественно-опасных последствий наказание может быть предусмотрено ст. 119 УК РФ. В данном случае органам предварительного следствие в обязательном порядке нужно будет доказать, что в отношении потерпевшего имелась реальная угроза, которая всерьёз заставила опасаться его за жизни либо здоровье. По ст. 110 – 110¹ УК РФ будут квалифицированы действия, склонившие жертву во время «интернет-травли» к совершению самоубийства или доведению до самоубийства.

Помимо административной и уголовной ответственностей, предусмотрены гражданско-правовые рычаги воздействия, которые могут применяться как обособленно, так и совместно с иными государственными мерами. Так. Ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) обеспечивает материальную

защиту чести, достоинства и деловой репутации. Реализация права предусматривается в виде требований об опровержении порочащих сведений или компенсации морального вреда.

В рамках профилактики кибербуллингу и иным противоправным деяниям, нарушающим цифровые права несовершеннолетних, предлагаем в обязательном порядке во всех образовательных организациях ввести должность педагога-психолога, осуществляющего наблюдение за социальной адаптацией учащихся, корректирующего отклоняющееся поведение ребёнка. Такой внепроцессуальный способ позволит своевременно выявлять проблемы, возникшие у несовершеннолетнего; обеспечит благоприятные условия для его развития.

В рамках процессуальной регламентации, в целях единой следственной и судебной практики, предлагаем ввести специальную статью, закрепляющую ответственность за проявление кибербуллинга – 128² УК РФ (причинение лицу психических страданий путем запугивания, шантажа, угроз, публичных оскорблений и публичного распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть «Интернет», унижающих честь и достоинство потерпевшего). В квалифицирующих составах отдельно выделить потерпевшего: в отношении несовершеннолетнего, а также дополнительный объект: жизнь и здоровье.

Введение новой нормы, на наш взгляд, обусловлено рядом причин. Во-первых, как показывает судебная практика, за 2021 год по ч.2 ст.128¹ было осуждено 25 человек [7]. По мнению Росстата это связана с отсутствием доказательственной базы для установления факта «заведомости» распространения ложных сведений, в результате чего нарушителям удаётся избежать наказания. Во-вторых, малый показатель обвинительных приговоров связан с нежеланием потерпевших обращаться в правоохранительные органы с заявлением, которое, согласно ч.2 ст.20 УПК РФ, служит основанием для возбуждения уголовного дела. Поэтому, в связи с наличием особого потерпевшего – несовершеннолетнего, а также повышенной общественно опасностью «кибербуллинга», предлагаем его отнести к делам публичного обвинения.

Таким образом, отсутствие единой правоприменительной практики квалификации «скулшутинга» и «кибербуллинга» значительно затрудняет работа органов предварительного расследования. Выбор соответствующей статьи УК РФ зависит не от объекта посягательства, а от наступивших общественно-опасных последствий: убийство, самоубийство, причинение вреда здоровью различной степени тяжести и т.д., что, на наш взгляд, недопустимо. В связи с этим, необходимо дополнить ст. 205 УК РФ квалифицирующим признаком «скулшутинг», ст. 128.2 («кибербуллинг») позволит в полной мере обеспечить защиту прав и законных интересов граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Колумбайн»-эффект: что заставляет школьников расстреливать одноклассников? // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.5-tv.ru/news/178557/> (дата обращения 16.11.2024 г.).
2. Иликбаева Е.С., Жук А.П. "Колумбайн" как террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Юридический журнал. 2022. № 3(166). С. 244 – 245.
3. Карпова, А.Ю., Максимова, Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31583-2021. С. 95 – 96.
4. Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией // [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html> (дата обращения 16.11.2024 г.).
5. Сашенков С.А., Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 12. С. 55 – 59.
6. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100% // [Электронный ресурс] – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения 16.11.2024 г.).
7. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // СПС Гарант.
8. Судебная статистика РФ // [Электронный ресурс] – URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 16.11.2024 г.).

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR "SCHOOL SHOOTING" AND "CYBER BULLYING"**Ilikbaeva E.S.**

The article considers the issue of the peculiarities of bringing to criminal responsibility persons who committed armed attacks on educational organizations. Until now, there is no consensus in the judicial and investigative practice on bringing to criminal responsibility for such a dangerous social phenomenon as "skulshuting". In the geometric progression, there will be a tendency to the growth of "skulshuting" on the territory of Russia. Since 2014, there have been more than 11 armed attacks on schools. It is worth noting that there is no uniform position on the part of the pre-trial investigation bodies and courts regarding the qualification of judicial practice. The "Sculptors" were liable under the following articles of the Criminal Code of the Russian Federation: part 2 of art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation; part 2 of Art. 115; part 2 of Art. 116 of the Criminal Code; 205 of the Criminal Code of the Russian Federation; part 4

206 of the Criminal Code; 213 of the Criminal Code of the Russian Federation; 223¹ of the Criminal Code; 282 of the Russian Criminal Code.

Keywords: armed attacks on educational organizations, «squishshaging», «cyberbullying», heyting, bullying, criminal liability, «columbine», national security, qualification «squishshaging», qualification «cyberbullying».

УДК 343.2/.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Искалиев Равиль Гарифуллаевич

Доцент кафедры ОРД, кандидат юридических наук
полковник полиции,
Академия управления МВД России,
г. Москва

Кокорин Антон Викторович

Слушатель, майор полиции
Академия управления МВД России,
г. Москва

В публикации авторы подчеркивают значимость интеграции информационных технологий в деятельность по предотвращению, пресечению и расследованию экономических преступлений. Актуальность данной работы обусловлена тем, что большая часть современных экономических преступлений совершается в информационном пространстве и связано с незаконным получением, хранением и использованием различных данных. В результате подобных действий наступает негативный экономический эффект для отдельного физического или юридического лица, группы либо общества в целом.

В работе изучается специфика различных способов и методов, включающих информационные и цифровые компоненты и анализируется их эффективность в сфере противодействия экономическим преступлениям.

В публикации подчеркивается актуальность повышения информационной компетентности специалистов, осуществляющих профилактику и расследование преступлений в экономической сфере, важность подключения всех имеющихся и дополнительных ресурсов. Это необходимо для того, чтобы полноценно пользоваться различными технологиями цифрового и информационного характера.

Исходя из вышесказанного, целью данной работы является исследование возможностей информационных технологий в контексте противодействия экономическим преступлениям. Объектом работы определяется сфера экономических преступлений, предметом – использование информационных технологий в профилактике, пресечении и расследовании данного вида преступлений.

Ключевые слова: экономические преступления, информационные технологии, криминалистика, расследование преступлений, информационная компетентность, противодействие преступлениям, уголовное право, цифровизация, поиск преступника.

Тенденции развития современного общества, в том числе, цифровизация, развитие компьютерных технологий, затрагивают практически все сферы жизнедеятельности, в том числе, правоохранительную, оперативно- розыскную деятельность. Жизнь преступного мира также не стоит на месте и те, кто совершает противоправные деяния, используют новейшие технологии для нарушения закона. Особым риском отличается современное экономическое пространство, в котором главной является информация, сведения, связанные с финансами. Преступники используют всевозможные средства и методы для незаконного получения, хранения и использования информации, добычи денег и иных финансовых активов незаконным путем. Незаконная деятельность, связанная с информацией в экономической сфере становится все более организованной, предполагает интеграцию самых современных технических средств, программ, которые облегчают незаконное завладение финансовыми средствами и затрудняют раскрытие преступлений. Особенности совершения нынешних экономических преступлений обуславливают необходимость трансформации и совершенствования информационных технологий, которые используются в борьбе с подобной противоправной деятельностью.

Именно поэтому необходимо актуализировать применение в профилактической и оперативно- следственной деятельности информационных технологий, которые позволят своевременно предупреждать, пресекать и расследовать подобные преступления. При этом большое внимание необходимо уделять уровню информационной компетентности сотрудников правоохранительных органов, сотрудничеству с различными учреждениями и ведомствами, которые помогут сделать работу эффективней. Межведомственное взаимодействие позволяет сотрудникам правоохранительных органов использовать не только собственные ресурсы, но и те новейшие достижения науки и техники в области информационных технологий, которые повышают эффективность борьбы с данным видом преступлений.

Учитывая актуальность данной темы, целью данной работы мы конкретизировали исследование возможностей информационных

технологий в контексте противодействия экономическим преступлениям. Объектом работы определяется сфера экономических преступлений, предметом – использование информационных технологий в профилактике, пресечении и расследовании данного вида преступлений.

Цель работы будет достигнута, если в ее ходе решится ряд научно-исследовательских задач:

1. Определить специфику совершения информационных преступлений в экономической сфере;
2. Выявить содержание информационных технологий в противодействии экономической преступности;
3. Конкретизировать важность использования различного вида ресурсов в информационном противодействии экономическим преступлениям.

Методы и методология

Основной метод, который выбран нами для раскрытия темы – теоретический анализ публикаций современных авторов, которые позволяют освещать различные аспекты тематики. Работы Е.Л. Глушкова и Д.Е. Емельянова направлены на общее исследование профилактики и раскрытия компьютерных преступлений. Методы и технологии борьбы с подобными преступлениями конкретизированы в публикациях И. П. Поповой, Д. А. Панина и пр.

Результаты и их обсуждение

Особенности совершения информационных преступлений в экономической сфере

Как уже отмечалось ранее, современная преступность в экономическом пространстве носит качественно и содержательно иной характер, нежели несколько лет назад. Преступления становятся более сложными, организованными, с использованием цифровых и компьютерных технологий.

Как отмечает С. В. Пырчев [11], совершение информационных преступлений в экономической сфере на настоящий момент представляет серьезную угрозу национальной безопасности государства и нарушение прав граждан. Это связано с тем, что большинство финансовых операций проводятся в цифровом виде, электронный документооборот, содержащий конфиденциальную информацию, подвергается взломам и кибератакам. При этом важнейшей особенностью совершаемых преступлений является то, что они совершаются без физического контакта, не требуя непосредственного присутствия преступников там, где совершаются. Это, безусловно усложняет процесс поиска организаторов, исполнителей, отслеживание каналов утечки информации, а также уменьшает возможности профилактики, минимизации негативных последствий и наступления ответственности у преступников.

Как мы уже отмечали ранее в своих работах, [4], наиболее важная информация (сведения о личных документах, банковских картах, переписка) отражается в цифровом виде и подвергается серьезным угрозам со стороны преступного мира, в силу того, что зачастую

технологии совершения преступлений опережают по уровню средства и методы их расследования.

Кроме того, современная преступность в экономической сфере отражает тот факт, что отдельные преступники и организованные группы адаптируются к новым условиям цифровизации и проникают в информационное пространство даже самых защищенных банковских систем. При этом подобная деятельность не всегда носит открытый противоправный характер, зачастую заключаясь в том, что общий преступный замысел реализуется путем осуществления комплекса легальных действий (к примеру, законное получение персональных данных сотрудниками банка от граждан и дальнейшее их использование в корыстных целях).

Кроме того, как отмечает М. А. Маслиенко [8], появляются новые компоненты в составах преступлений, возникают характеристики, обуславливающие дальнейших анализ смежных составов с более сложной квалификацией. Повышается опасность совершенных преступлений, а негативные результаты вредны не только для отдельных личностей, но и для государства в целом.

Как возможно понять из вышесказанного, динамика преступлений с использованием информационно- цифровых средств в экономической сфере обуславливает необходимость совершенствования интеграции информационных методов и технологий в деятельность по борьбе с экономической преступностью.

Содержание информационных технологий в противодействии экономической преступности

Учитывая характер современных экономических преступлений, важно понимать, что деятельность сотрудников правоохранительных органов, средства и методы предотвращения и раскрытия подобных противоправных деяний также должны трансформироваться, совершенствоваться.

Необходимо выстраивать различные модели, позволяющие работать с дифференцированными группами преступников, учитывать виды преступлений, типы преступников. Важно уметь выстраивать стратегии профилактической и оперативно- розыскной деятельности в виртуальном пространстве, обеспечивать информационную безопасность, а также выявлять «закономерности совершения подобных преступлений, их алгоритмы и комбинации» [4], что поможет осуществлять профилактическую работу.

Современная цифровая модель экономического преступления предполагает использование различных цифровых и технических средств, аккумуляцию информационных и иных ресурсов, в том числе:

- специального программного обеспечения, позволяющего осуществлять поиск необходимой информации и использовать важные сведения;
- разработать алгоритмы информационного обеспечения борьбы с экономическими преступлениями;

- обеспечить передачу информации между различными субъектами профилактической, оперативно-розыскной и следственной деятельности;

- создать систему межведомственного взаимодействия специалистов информационном пространстве.

Основным фактором, который способствует успешной борьбе с экономическими преступлениями, является поиск информации о том, как осуществляется изъятие конфиденциальных сведений, связанных с использованием финансов (каналы утечки данных, выявление должностных лиц, злоупотребляющих полномочиями). Это позволяет предотвращать и пресекать совершение подобных преступлений на начальной стадии. При этом могут использоваться различные информационные технологии: от контроля и изучения содержания различных мессенджеров, электронной почты до программ, обеспечивающих сквозное отслеживание информационных потоков.

Говоря о профилактике экономических преступлений в сфере экономики, акцент необходимо делать на том, что современные возможности позволяют раскрывать преступления и пресекать их на любой стадии совершения. Именно поэтому наиболее эффективным является информирование населения о негативном эффекте экономических преступлений, возможных способах их совершения и о том, как возможно себя обезопасить. Для этого подключаются как СМИ, так и цифровые порталы, виртуальная коммуникационная среда.

Информация является основой совершения современных экономических преступлений – взлом банковских систем, получение данных о финансовых картах, незаконное изъятие денежных средств путем мошеннических действий и многое другое говорят о том, что информационные технологии сотрудников должны «на шаг опережать» преступную деятельность. Речь идет не только о специальных программах и антивирусном обеспечении, но и тех навыках специалистов, которые позволяют данные технологии использовать в полной мере.

К. В. Калашников [6] исследуя систему оперативно-розыскных мероприятий в экономической деятельности, подчеркивает, что в контексте использования информационных технологий важно говорить о субъектах, которые совершают данные преступления. Это необходимо для того, чтобы понимать, какие технологии возможно использовать. В данном контексте дифференцируются следующие виды субъектов, и, собственно, технологий:

- специалисты, имеющие доступ к информации финансового плана и тем сведениям, которые связаны с экономикой. В их отношении технологии необходимо использовать те, которые максимально позволяют контролировать деятельность и собрать сведения о совершенном преступлении. Ведь данные лица предусматривают возможность раскрытия и поэтому простое применение поисковых систем не будет эффективным. Необходимо анализировать данные фиксирующих систем, программ, позволяющих обработать большие

объемы статистической информации, чтобы выявить организаторов и исполнителей;

- преступления, совершаемые кредитно-банковскими организациями и иными субъектами экономической деятельности (фирмы- «однодневки», подставные компании). Как правило, такие субъекты обладают сильными программами защиты данных и технического обеспечения своей деятельности. Поэтому для получения доступа к данным и изучения возможности совершения преступной деятельности необходимо привлечение мощных информационных ресурсов. И здесь важно включение информационных технологий, предполагающих анализ стратегий возможного поведения преступников, изучение механизмов распределения функций в организованной группе и содержание деятельности;

- граждане, не имеющие прямого отношения к финансово-экономической деятельности (к примеру, кибермошенники), по отношению к которым эффективно применение информационных технологий, отслеживающих сигналы, обеспечивающих работу систем безопасности данных на банковских сайтах, в электронных системах (1С-бухгалтерия) и на порталах, содержащих персональные данные (Госуслуги, Налог.ру и пр.).

Таким образом, говоря о важности применения информационных услуг в противодействии экономическим преступлениям, важно подчеркнуть актуальность их дифференциации в контексте возможности реализации данных технологий сотрудниками следственных либо правоохранительных органов.

Важность использования различных ресурсов в информационном противодействии экономическим преступлениям

Информационное пространство в экономической сфере это сложный, динамичный, многокомпонентный феномен, который предполагает комплексную деятельность для обеспечения его безопасности. В борьбе с современными экономическими преступлениями недостаточно работы одного специалиста либо одного ведомства. Необходимо говорить о взаимодействии различных структур, которые позволят сделать использование информационных технологий более эффективным.

В первую очередь, как подчеркивает К. В. Калашников [6], необходимо повысить информированность и умение пользоваться информационными технологиями у самих сотрудников правоохранительных органов. Повышение уровня знаний позволяет проанализировать тот потенциал, который позволяет предотвращать и расследовать экономические преступления. Н. В. Павличенко, упоминаемый в работе данного автора, утверждает, что для полной интеграции информационных технологий в следственную деятельность необходимо проводить мероприятия, повышающие уровень информационной грамотности у сотрудников ОВД, различных специалистов правоохранительных органов. Важно не только вооружать знаниями, но и обучать использованию не очень сложных информационных технологий (программ, иных ресурсов). Это возможно

осуществлять также путем анализа опыта использования различных средств и методов информационного плана и их эффективности.

В случае, когда требуется интеграция более сложных информационных технологий, необходимо говорить об организации межведомственного взаимодействия и привлечения квалифицированных специалистов в области IT и цифрового оборудования. В процессе подобного взаимодействия необходимо вырабатывать организационно- тактические рекомендации по использованию имеющейся информации в ходе расследования и возможной разработке новых технологий. Это позволяет учитывать сложный состав современных экономических преступлений, а также возможности их раскрытия.

Взаимодействие между правоохранительными органами, субъектами экономической деятельности, учреждениями и ведомствами, где работают специалисты в информационной сфере, позволит, как считает П. И. Иванов [3] обобщить научно-теоретические и прикладные знания в сфере использования информационных технологий в следующих направлениях:

- профилактика в целом и предотвращение конкретных экономических преступлений там, где возможна утечка информации, незаконное получение финансовых и иных, связанных с ними, данных;

- пресечение преступлений на различных стадиях их совершения. Это касается случаев, когда поступает информация о готовящихся преступлениях либо начальном этапе совершения (незаконное получение сведений о гражданах, финансовых операциях) для дальнейших преступных деяний;

- расследование преступлений, включающее поиск преступных субъектов, установление их месторасположения, действия, направленные на минимизацию вреда от совершенных преступлений. В этом случае информационные технологии могут стать приоритетными в поиске доказательств, обеспечении физического присутствия субъекта преступления, а также наступления ответственности за противоправную деятельность.

Информационные технологии требуют знаний, умений и навыков работников правоохранительных органов по их использованию. Однако, не менее важной является законодательная классификация преступлений, совершаемых в информационной сфере экономики в целях обеспечения единого толкования новых, до недавнего времени понятий (к примеру, «киберугроза», «кибермошенничество»), закрепление алгоритмов взаимодействия правоохранительных органов с субъектами информационной сферы на предмет борьбы с экономическими преступлениями на любом этапе совершения. Это повысит потенциал использования имеющейся информации и получения новой при помощи специализированных технических средств квалифицированными специалистами.

Кроме того, практически во все оперативно-розыскные и следственные тактики необходимо, как считает Д. В. Катков [7] включать информационные технологи различного плана, что позволит

сотрудникам повысить мотивацию к обучению работать с новым оборудованием и технологиями и позволит увеличить количество раскрываемых экономических преступлений.

Основным выводом по нашей работе может послужить высказывание о том, что современная экономическая преступность изменяется качественно и содержательно. Мы говорим об организованной деятельности, включающей использование сложных информационных и компьютерных технологий, создание криминального пространства, в котором сложно вычислить, найти преступника и расследовать совершенное преступление.

Именно поэтому подчеркнутая нами актуальность исследования обуславливает поиск самых совершенных и эффективных способов и технологий информационной деятельности в сфере предотвращения и раскрытия экономических преступлений. При этом, в качестве наиболее важных факторов, способствующих снижению уровня информационной преступности, мы определили:

- повышение уровня информационной компетентности сотрудников следственных и правоохранительных органов;
- организацию межведомственного взаимодействия специалистов различных учреждений и организаций в сфере информационной борьбы с экономическими преступлениями.

Подобные меры позволят не только активизировать ресурсы, имеющиеся у следователей и работников правоохранительных органов, но и подключить дополнительные информационные, административные, финансовые, т.к. борьба с подобного уровня преступлениями требует объединения усилий многих специалистов и значительных ресурсных затрат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова И. Е. Проблемы цифровых доказательств в арбитражном судопроизводстве // Юридическая гносеология. 2024. № 2. С. 30-35.
2. Глушков Е.Л., Емельянов Д.Е. Оперативно-розыскная деятельность при расследовании и раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник БелЮИ МВД России. 2019. №2. С. 45-49.
3. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. 2022. №4 (64). С. 83-92.
4. Искалиев Р. Г. Оперативно-розыскная характеристика преступлений экономической и коррупционной направленности, и ее цифровая модель // Труды Академии управления МВД России. 2023. №2 (66). С. 117-126.
5. Искалиев Р. Г., Телков А. В. К вопросу о противодействии преступлениям экономической и коррупционной направленности, совершаемым с использованием it-технологий // Закон и право. 2021. №11. С. 118-123.

6. Калашников К. В. Оперативно-розыскное противодействие экономическим преступлениям на объектах кредитно-банковской системы: проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2019. №4 (52). С. 149-156.

7. Катков Д. В., Саркисян Г. Г. Противодействие преступлениям экономической направленности, совершаемым с использованием информационных телекоммуникационных технологий // Академическая мысль. 2021. №1 (14). С. 63-67.

8. Маслиенко М.А. Особенности квалификации краж и мошенничеств, совершаемых в информационно телекоммуникационных сетях // ППД. 2023. №4 (54). С. 46-52.

9. Панин Д. А., Милютин Д. В. О Некоторых проблемах противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // Научный портал МВД России. 2020. №4 (52). С.

10. Попова И. П. Уголовно-процессуальные средства противодействия преступлениям, совершенным с использованием it-технологий // Право и государство: теория и практика. 2023. №11 (227). С. 472-474.

11. Пырчев С. В. Тенденции организованной преступности в развивающемся цифровом мире // Труды Академии управления МВД России. 2020. №2 (54). С. 142-153.

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN COUNTERING ECONOMIC CRIMES

Iskaliyev R.G., Kokorin A.V.

In the publication, the authors emphasize the importance of integrating information technology into the prevention, suppression and investigation of economic crimes. The relevance of this work is due to the fact that most of the modern economic crimes are committed in the information space and are associated with the illegal receipt, storage and use of various data. As a result of such actions, there is a negative economic effect for an individual or legal entity, groups or societies as a whole.

The paper examines the specifics of various methods and techniques involving information and digital components and analyzes their effectiveness in countering economic crimes.

The publication emphasizes the relevance of improving the information competence of specialists involved in the prevention and investigation of crimes in the economic sphere, the importance of connecting all available and additional resources. This is necessary in order to fully use various digital and information technologies.

Based on the above, the purpose of this work is to explore the possibilities of information technology in the context of countering economic crimes. The object of the work is the sphere of economic crimes, the subject is the use of information technology in the prevention, suppression and investigation of this type of crime

Keywords: economic crimes, information technology, criminalistics, crime investigation, information competence, crime prevention, criminal law, digitalization, criminal search

УДК 5.1.4

ПУТИ РАЗВИТИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ В КОНТЕКСТЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Курносова Галина Сергеевна

Преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, ВИПЭ ФСИН России, майор внутренней службы

В статье рассмотрены направления развития воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях в контексте пенитенциарной пробаии. Пенитенциарная пробаии является важным этапом процесса ресоциализации лиц, нарушивших закон и оказавшихся в местах лишения свободы, предшествующим их полному освобождению и возвращению в общество. Акцентируется внимание на понимании и критериях определения исправления осужденных. На этом этапе особое внимание уделяется комплексу мер по исправлению осужденных, формированию у них установок на законопослушное поведение и позитивную социальную адаптацию. В статье проанализированы наиболее эффективные методики воспитательной работы, применяемые в рамках пенитенциарной пробаии, их сильные и слабые стороны. Особое внимание уделено инновационным подходам, интегрирующим передовой отечественный опыт в данной сфере. Будут рассмотрены конкретные программы и практики, демонстрирующие положительную динамику ресоциализации осужденных на этапе пенитенциарной пробаии. Уделено внимание уровню подготовки, компетентности и профессионализму сотрудников, взаимодействующих с осужденными при проведении воспитательной работы.

Ключевые слова: осужденные, пенитенциарная пробаии, исправление, подготовка к освобождению, воспитательная работа, субъекты воспитательной работы, начальник отряда.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года заостряет внимание на причинах, которые может повлечь за собой отбывание уголовного наказания в

условиях изоляции от общества: разрыв социальных связей, потеря навыков жизни в обществе и вследствие чего, формирование дезадаптивной направленности в поведении и совершение повторных преступлений [1].

Создание в Российской Федерации института пробации одним из реализуемых, для решения данных проблем, направлений отмечает проведение мероприятий по социальной и воспитательной работе с осужденными к лишению свободы на различных этапах нахождения в исправительном учреждении (ИУ). В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» пенитенциарная пробация направлена на исправление осужденных, а также подготовку осужденных к освобождению из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы [2].

Как отмечает Фортова Л.К.: «Ключевыми принципами пробации являются: индивидуальный подход, социальное сопровождение, сотрудничество с институтами воспитания, государственными и общественными структурами, направленными на минимизацию рецидива и повышение возможностей и способностей бывших осужденных на успешную ресоциализацию и реадaptацию в общество» [3]. При успешности проводимой работы с осужденными к лишению свободы сотрудниками ИУ совместно с иными субъектами пробации, руководствуясь принципами, целями и задачами пробации, результатом может стать формирование личности законопослушного гражданина.

Особый научно-практический интерес сегодня вызывают также исследования, направленные на изучение различных детерминант преступного поведения: общество, семья, экономика, правосознание, либерализация уголовного законодательства и т.д. Совокупность событий и явлений, порождающих преступность имеет важное значение для разработки действенных мер по предупреждению и профилактике повторных преступлений. Наряду с этим, не менее актуальными являются вопросы оценки рисков рецидива, выявления потребностей осужденных.

Порядок подготовки и оказание содействия осужденным, освобождающимся из исправительных учреждений детально раскрыт в Приказе Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (Приказ № 350) и включает в себя как проводимые мероприятия в отношении освобождающихся, так и перечень участников, взаимодействующих с ними в различных направлениях подготовки к освобождению: органы местного самоуправления, религиозные организации, общественные объединения и т.д.

И если относительно вопроса подготовки осужденных к освобождению все понятно, то вопрос исправления осужденных остается открытым.

Законодатель в различных источниках одним из основных факторов выделяет исправление осужденных: ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ – как одну из целей наказания; ч. 1 ст. 109 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации – как «формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» [4, 5]. Важным является эффективность исправления осужденных и оценка проводимых мероприятий. Пиюкова С.С. считает, что «степень исправления осужденного будет свидетельствовать об эффективности педагогической системы исправительного учреждения и воспитательной работы как одного из ее компонентов» [6].

В концепции воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы дается определение воспитательной работы как системы педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению личностных деформаций осужденных, развитию их в интеллектуальном, духовном и физическом направлении, становлении правопослушного поведения и оказании помощи в социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы [7].

Воспитательная работа с осужденными в исправительных учреждениях реализуется в нескольких направлениях: правовое, трудовое, нравственное, физическое, патриотическое и духовное, позволяющим реализовывать себя как в пределах исправительной колонии, так и после освобождения. Дифференцированный подход к осужденным, с учетом пола, возраста, срока наказания и других факторов, позволяют повысить эффективность проводимой работы. В рамках пенитенциарной пробации актуальным является разработка и внедрение индивидуальных программ реабилитации. Важным является комплексный подход к изучению личности каждого осужденного, в целях исключения шаблонности воспитательного подхода. Данные программы должны учитывать личные характеристики, потребности и обстоятельства каждого осужденного, для эффективного воздействия на него. Рассматриваемые программы могут включать в себя психологическую поддержку для проработки травм и негативных паттернов поведения, профессиональную подготовку в соответствии с интересами и способностями осужденных, а также образовательные курсы, которые способствуют общему развитию и повышению уровня интеллектуальных знаний. Делая акцент на индивидуальности, хотелось бы вспомнить слова Макаренко А.С. о «создании метода, который будучи общим и единым для многих осужденных, в тоже время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность» [8].

Вторым направлением выступают развитие сотрудничества с различными социальными службами и организациями, которые должны оказать содействие осужденным в вопросах трудоустройства, обеспечения жильем и социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы. Так, «в целях коррекции эмоционального

интеллекта осужденных, отработки моделей законопослушного поведения, профилактики рецидивной преступности, развития и понимания механизмов личностной ответственности», в УФСИН России по Вологодской области заключено соглашение с АНО «Палинар» [9]. Работа будет проводиться в отношении лиц, страдающих зависимостью от наркотических и психотропных веществ в рамках реабилитационной программы «Шаг к свободе». Вышеуказанное сотрудничество поможет создать прочную опору для социальной ресоциализации осужденных.

Следующим актуальным направлением является поддержка семейных связей осужденных, так как сильные родственные узы могут стать важной опорой в их реабилитации и снижении рецидивной преступности. В рамках этого направления реализуются программы семейной терапии и организуется взаимодействие с родственниками, к примеру, организуются свидания в учреждении. Параллельно с этим разрабатываются и внедряются определенные программы, направленные на снижение уровня риска повторных правонарушений, как в учреждении, так и за его территорией, такие как обучение навыкам конструктивного разрешения конфликтов и управления своими эмоциями. Так, в 2024 году исправительная колония № 1 УФСИН России по Вологодской области заключила соглашение с региональным отделением Российского Красного Креста для совместной деятельности по реализации положений Федерального закона о пробации. В рамках применения пенитенциарной и постпенитенциарной пробации проводится работа по подготовке осужденных к освобождению (восстановление и укрепление социально полезных связей, психологическая помощь, трудовое и бытовое устройство).

В тоже время все больше внимания уделяется психологическим аспектам воспитательной работы, в которую входят программы по управлению стрессом, агрессией и другими эмоциональными проблемами осужденных. Увеличение количества мест для доступа к образовательным программам, включая профессиональное обучение и курсы повышения квалификации, повысит шансы на успешную реинтеграцию осужденных в общество. В настоящее время все большее внимание берет на себя распространение цифровых технологий, которые должны использоваться для мониторинга и поддержки осужденных, к примеру, онлайн-курсы и дистанционные консультации с психологами и социальными работниками, а также с другими специалистами. Данные меры способствуют повышению эффективности оказания помощи осужденным и сделают ее более доступной и персонализированной [10].

Одним из важных направлений являются уровень подготовки, компетентность и профессионализм сотрудников, взаимодействующих с осужденными при проведении воспитательной работы. Чаше других в воспитательном процессе в ИУ участвует начальник отряда. На наш взгляд очень точно ценность данного сотрудника определили Чириков А.Г. и Ивашко Н.Н. – «ближайший для осужденных представитель администрации учреждения, являющийся центральной фигурой среди личного состава ИУ, организующий и проводящий всю

воспитательную работу в отряде» [11]. Взаимодействие начальника отряда и осужденного начинается с первых дней его пребывания в карантинном отделении ИУ и охватывает как весь период отбывания наказания до момента освобождения, так и решение большей части возникающих вопросов. Начальник отряда должен быть не только юристом, но и педагогом, психологом, социальным работником и т.д. Многозадачность, которая охватывает профессиональную деятельность сотрудника, требует повышения квалификации, получения им новых, актуальных знаний, обучение перспективным направлениям, как в педагогическом направлении, так и психологическом.

Рассмотрев вышеуказанные направления развития воспитательной работы с осужденными на этапе пенитенциарной probation, можно отметить тенденции роста понимания необходимости комплексного и индивидуализированного подхода к воспитательной работе с осужденными, способствующей повышению ее эффективности [12].

Подводя итог, следует сделать вывод, что основными направлениями совершенствования воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе являются:

- повышение уровня мастерства сотрудников, взаимодействующих с осужденными, посредством подготовки как в процессе обучения в профильных вузах, так и на курсах повышения квалификации по направлениям, формирующим актуальные психолого-педагогические навыки и умения для проведения воспитательной работы;

- подключение иных субъектов в реализацию мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation;

- разработка и внедрение актуальных программ, направленных на исправление осужденных и подготовку к жизни после освобождения, позволяющих адаптироваться и реализовывать себя в условиях современного общества;

- закрепление механизмов контроля и оценки эффективности реализуемых воспитательных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сердюк Е.Н. Профилактическая работа с пенитенциарными личностями, отбывающими наказание в исправительном учреждении // Альманах современной науки и образования, 2009. С. 108-112.

2. О probation в Российской Федерации: федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // Российская газета. 2023. 9 февр.

3. Фортова Л.К. Институт probation как инструмент реализации пенитенциарной probation в исправительных учреждениях // Сборник тезисов выступлений и докладов Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 2024. С. 372-376.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63_ФЗ (ред. от 13.12.2024) //СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 05.11.2024) // СЗ РФ. – 1997. – N 2. – Ст. 198.
6. Пиюкова С.С. Оценка эффективности воспитательной работы с осужденными// Вестник Самарского юридического института, 2017. С. 97-104.
7. Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста РФ от 20.04.2000 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2000. – N 3.
8. Казакова Т.А. А.С. Макаренко о воспитании // Человек: преступление и наказание, 2013. С. 222-224.
9. Глебова Н. В. Современное законодательство о формах проведения воспитательной работы с осужденными в условиях отбывания наказания// Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2022. С. 104-107.
10. Петраков С.Н. О двадцатилетнем опыте работы АНО «Палинар» и реализации проекта «Моя ответственность»// Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы пробации в Российской Федерации», Вологда, 2024. С. 141-145.
11. Чириков А.Г., Ивашко Н.Н. Эффективность педагогической деятельности начальников отрядов исправительных учреждений// Вестник Кузбасского института, 2016. С. 184-189.
12. Савинова Е. А. Воспитательная работа как средство исправления осужденных// Правовые, организационные и психологические направления государственной политики в правоохранительной сфере. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 183-187.

WAYS TO DEVELOP EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTS IN THE CONTEXT OF PENITENTIARY PROBATION

Kurnosova G.S.

The article examines the directions of the development of educational work with convicts in correctional institutions in the context of penitentiary probation. Penitentiary probation is an important stage in the process of re-socialization of persons who have violated the law and ended up in places of deprivation of liberty, preceding their full release and return to society. Attention is focused on the understanding and criteria for determining the

correction of convicts. At this stage, special attention is paid to a set of measures for the correction of convicts, the formation of their attitudes towards law-abiding behavior and positive social adaptation. The article analyzes the most effective methods of educational work used in the framework of penitentiary probation, their strengths and weaknesses. Special attention is paid to innovative approaches integrating advanced domestic experience in this field. Specific programs and practices will be considered that demonstrate the positive dynamics of the rehabilitation of convicts at the stage of penitentiary probation. Attention is paid to the level of training, competence and professionalism of the staff interacting with convicts during educational work.

Keywords: convicts, penitentiary probation, correction, preparation for release, educational work, subjects of educational work, the head of the detachment.

УДК 343.985

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОНТРАБАНДОЙ НАРКОТИКОВ

Логинов Евгений Александрович

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права международно-правового факультета МГИМО МИД России

Садовников Олег Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета, МГИМО МИД России

Высокий уровень контрабанды наркотиков, их высокая общественная опасность, латентность и отсутствие эффективного противодействия со стороны правоохранительных органов, делают актуальной разработку научно обоснованной стратегии и тактики борьбы в сфере контрабанды наркотиков.

В статье на основе анализа действующего уголовного, таможенного законодательства и судебной практики рассмотрены особенности криминалистической характеристики контрабанды наркотиков и определена их информационная база для использования в раскрытии, расследовании и предупреждении данных таможенных преступлений.

Ключевые слова: таможенные органы, таможенные отношения, уголовно-правовая политика, взаимодействие, внешнеэкономические преступления, Евразийский экономический союз

Вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных условиях занимают одно из центральных направлений во внутри- и внешнеполитической деятельности России. Контрабанда наркотиков занимает особое место в структуре преступности и является одним из факторов, значительно осложняющих современную криминогенную ситуацию. Составляя лишь

2,5% всей преступности в стране, преступления, связанные с незаконным оборотом и контрабандой наркотиков, способствуют росту организованной преступности и создают реальную угрозу общественной безопасности [1].

В целях обеспечения свободного перемещения товаров во взаимной торговле и благоприятных условий торговли с третьими сторонами, а также развития экономической интеграции сторон 29 мая 2014 года был подписан договор о создании единого экономического пространства и формировании Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) [2]. В связи с этим возникли новые источники поступления наркотиков из-за рубежа.

В структуре методики расследования отдельных видов преступлений особое место занимает криминалистическая характеристика преступлений. Она содержит в себе постоянно пополняемые за счет обобщения следственной, экспертной и судебной практики сведения о криминалистически значимых признаках преступлений различных видов (групп), является базой для совершенствования имеющихся и создания новых методических рекомендаций по их расследованию [3].

Ученые-юристы по-разному рассматривают криминалистическую характеристику преступлений. Так, например, А.В. Соловьев к числу базовых элементов криминалистической характеристики относит: характеристику объекта (предмета) преступного посягательства; обстановку совершения преступления; характеристику личности преступника; характеристику личности потерпевшего; типичные способы совершения преступления; типичные следы совершения преступления; последствия совершения преступления [4].

Стоит отметить, что не все основные (или базовые) элементы криминалистической характеристики имеют одинаковое значение применительно к конкретным видам преступлений. Так, например, для методики расследования контрабанды наркотиков малую роль (по большей части в виду фактического отсутствия потерпевшего) играет характеристика личности потерпевшего.

В тоже время, в криминалистической науке давно сложилось мнение о том, что криминалистическая характеристика является вероятностной моделью, абстрактным научным понятием, практическое значение которой заключается в ее использовании следователем лишь в качестве ориентирующей информации [5].

Среди ключевых элементов криминалистической характеристики контрабанды наркотиков А.Г. Харатишвили выделяет следующие: личность преступника; способ совершения преступления; типичные следы преступления; мотивацию действий виновного; обстановку совершения деяния [6].

Вместе с тем, предмет преступления является существенным элементом криминалистической характеристики контрабанды наркотиков. Сведения о нем могут являться криминалистически значимыми для определения места изготовления наркотика, маршрута его поставки на территорию Российской Федерации, установления

возможных преступных связей между перевозчиком и иными участниками организованных преступных групп в сфере незаконного оборота наркотиков и т.д. Соответственно, используя данные о предмете контрабанды наркотиков можно выдвинуть версии касательно прочих элементов совершения преступления и наметить план первоначальных следственных действий. Стоит отметить, что наиболее опасным с точки зрения влияния на безопасность Российской Федерации является героин, поступающий транзитным потоком на территорию России из Афганистана. Управление ООН по наркотикам и преступности определяет данный маршрут поставок наркотиков как «северный» и оценивает создаваемый им рынок в 13 млрд. долларов ежегодно [7].

В.К. Гавло отмечал, что личность преступника является важнейшим элементом криминалистической характеристики преступлений и что изучать ее следует как слеодообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия [8]. По сути, изучение личности подозреваемого, обвиняемого – это целенаправленная деятельность следователя по установлению определенной совокупности данных, характеризующих подозреваемого, обвиняемого и имеющих значение для правильного применения уголовного закона и точного соблюдения предписаний уголовно-процессуального законодательства.

Если говорить о личности преступника, то по данным судебной практики в 70% случаев незаконное хранение и перевозку наркотиков осуществляют мужчины. Наиболее криминогенны лица в возрасте от 30 до 40 лет. Около 55% лиц имеют среднее или среднее специальное образование, 45% – высшее образование.

Лица, осуществляющие контрабанду наркотиков, в 75% случаев являются безработными. В 63% случаев перевозка наркотиков осуществлялись одним лицом, в 37% – группой лиц. Группы формируются, как правило, по национальному признаку, реже – по региональному.

Среди лиц, совершивших перевозку наркотиков, – 65% граждане иностранных государств либо лица без гражданства.

Только 7% осужденных за данное преступление ранее привлекались к уголовной ответственности (за аналогичное преступление либо за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков по ст. 228 – 234 УК РФ). Встречаются лица (3% случаев), состоящие на учете в наркологических диспансерах (с диагнозом наркомания) [9].

Как показывает анализ статистических данных, контрабанду наркотиков совершают как граждане Российской Федерации, так и иностранные граждане и лица без гражданства. Перевозка наркотиков через Государственную границу Российской Федерации или таможенную границу ЕАЭС может осуществляться как единолично, так группой лиц, при этом чрезвычайно высок удельный вес молодежи.

Общепринятая классификация лиц, совершающих контрабанду наркотиков, сегодня отсутствует. С нашей точки зрения наиболее

полной выглядит следующая система классификации личности контрабандиста наркотических средств и психотропных веществ [10]:

Лица, перемещающие через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу Российской Федерации наркотики в небольших количествах.

Лица, в связи со своим служебным положением и выполняемыми обязанностями регулярно пересекают таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу Российской Федерации.

Лица, профессионально занимающиеся контрабандой наркотиков.

Для первой категории лиц, как правило, характерно немедицинское употребление наркотиков. Они страдают специфической для них болезнью – наркоманией, т.е. заболеванием, обусловленной зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества. Кроме того, такие лица могут иметь родственников или знакомых в стране – производителе наркотиков, к которым они могут периодически выезжать. Соответственно, первая группа лиц, в основном, занимается незаконным хранением и перевозкой наркотиков для личного потребления. Для преступлений, совершаемых данной категорией лиц, не характерно соучастие.

Вторую категорию лиц составляют служащие железнодорожного, морского, воздушного и автомобильного транспорта, сотрудники дипломатических и консульских служб иностранных государств, международных организаций и целый ряд других лиц. Такие лица могут совершать преступление как в одиночку, так и в соучастии (по предварительному сговору или в составе организованной преступной группы). В состав таких преступных групп, помимо контрабандистов также могут входить поставщики наркотических средств и психотропных веществ, а также постоянные покупатели–оптовики.

С точки зрения общественной опасности, наибольшую опасность представляет третья группа лиц, т.е. тех, кто систематически занимается контрабандой наркотиков как профессиональной преступной деятельностью. Эти лица могут объединяться в организованные группы, а также сложные по своей структуре, разветвленные и устойчивые преступные сообщества. Такие организованные группы и преступные сообщества могут иметь высококвалифицированный состав организаторов и руководителей, а также юристов, в т.ч. бывших сотрудников правоохранительных органов.

Организованные преступные группы и преступные сообщества являются наиболее опасными участниками не только контрабанды наркотиков, но и всего незаконного оборота наркотиков в целом. Соответственно, их преступная деятельность не ограничивается лишь контрабандой, она включает в себя и культивирование наркосодержащих растений, изготовление наркотиков, хранение и сбыт наркотиков. Кроме того, деятельность таких организованных преступных групп и преступных сообществ может быть сопряжена с контрабандой оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

устройств, сильнодействующих, ядовитых и отравляющих веществ. Она носит регулярный и сверхприбыльный характер. Доходы, полученные преступным путем, нередко легализуются. Такие денежные средства могут быть направлены, в том числе, и на финансирование терроризма.

Одним из центральных элементов криминалистической характеристики преступления является способ совершения преступления. По нашему мнению, способ преступления является определенным образом детерминированным, что позволяет выявить взаимосвязи элементов криминалистической характеристики. Кроме того, признаки способа крайне важны для отыскания как самого преступника, так и следов преступления.

Содержание способа контрабанды наркотиков укладывается в классическую трехчленную структуру. Так, в способ входит взаимообусловленный комплекс подготовительных, исполнительских и маскировочных действий с использованием соответствующих средств. При этом некоторые ученые выделяют предварительные действия по подготовке, изучению обстановки, а также созданию ряда условий, которые способствуют успешному достижению преступной цели – контрабанды наркотиков [11].

Как показывает судебная практика, подготовка к совершению контрабанды наркотиков осуществляется преступниками во всех случаях. Единственным исключением из этого является использование перевозчика наркотика за вознаграждение «вслепую». В большинстве случаев (59%), подготовительные действия злоумышленников сводятся к изучению: порядка проведения таможенного контроля перемещаемых через границу товаров, тщательность его проведения, а также применяемые при этом технические средства (67%); режима несения службы пограничным нарядом (34%); режима работы таможенного поста с целью определения времени наибольшего скопления лиц и транспортных средств (29%); территории, прилегающей к таможенному посту, с целью пресечения границы вне зоны таможенного контроля (27%) [12].

Мы считаем, что к непосредственным способам контрабанды наркотиков следует отнести: перемещение вне таможенного контроля; путем сокрытия предметов контрабанды от таможенного контроля; путем использования подложных документов; не декларированием товаров или иных предметов; путем недостоверного декларирования товаров или иных предметов.

Кроме того, в теории криминалистики выделяют способы контрабанды в зависимости от степени участия перевозчика: при личном участии контрабандиста; без непосредственного участия контрабандиста [13].

Некоторые ученые считают, что доминирующим способом контрабанды наркотиков является их сокрытие от таможенного контроля, сопряженное с недекларированием [14].

Мировой правоохранительной деятельности встречаются крайне необычные и эксцентричные способы контрабанды наркотиков. Перевозчики наркотиков демонстрируют не только изощренность, но и

показывают насколько большие финансовые средства вращаются в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, 3 марта 2016 года Береговая охрана США обнаружила и задержала переправлявших в Соединенные Штаты на подводной лодке более 5,2 тонн кокаина. Ориентировочная рыночная стоимость изъятого наркотика оценивается в 203 млн. долларов США [15]. Польские правоохранители изъяли рекордные для себя 178 килограммов кокаина, спрятанные в партии бананов, прибывшие транзитом через Германию с территории Бельгии; попытку 46-летней женщины ввезти на территорию Австралии 500 гр. метамфетамина, упакованного в обертки от конфет «Ферреро Роше» пресекли австралийские пограничники; в испанском порту шестеро британцев задержаны полицейскими при попытке контрабандой ввезти с территории Колумбии 40 фальшивых «деревянных» ящиков, сделанных из 1,5 тонн спрессованного кокаина, ориентировочной стоимостью 350 млн. долларов США [16].

Значение следов при расследовании контрабанды наркотиков определяет возможность установления по следам обстоятельств, способствующих изобличению виновных в совершении преступления.

В криминалистической науке все следы, в т.ч. и следы контрабанды наркотиков, делятся на материальные и идеальные.

Так, материальные следы контрабанды наркотиков можно условно разделить на три группы:

- следы на предметах преступления (отпечатки пальцев на предметах контрабанды, упаковочных материалах и т.д.);
- следы средств перемещения наркотиков (следы транспортных средств и т.д.);
- следы упаковки и хранения наркотиков (упаковочные материалы перемещаемых предметов и упаковочные материалы, обнаруженные у подозреваемых, и т.д.).

При осмотре места происшествия по контрабанде наркотиков особое внимание следует уделить следам, свидетельствующим о связи соответствующих лиц к вышеперечисленным объектами осмотра [17].

Типичными материальными следами, оставляемыми контрабандистами, являются: следы рук; волосы; микрочастицы.

Микрочастицы могут быть обнаружены при осмотре личных вещей подозреваемого, его одежды, а также вещей, предметов и документов, изъятых при производстве осмотра или обыска по месту его жительства или работы. Микрочастицы наркотических средств могут быть получены путем смывов с рук, изъятия под ногтевого содержимого пальцев рук подозреваемых и т.д. Микрообъекты имеют повышенное значение по делам о контрабанде наркотиков, что связано, главным образом, с тем, что на месте преступления часто отсутствуют обычные следы, т.е. следы рук, обуви, инструментов, транспорта, либо они являются не пригодными для идентификации [18].

Кроме того, доказательственное значение по делам о контрабанде наркотиков могут иметь запаховые следы. Экспертное исследование компонентов в потожировом веществе следов у лиц, находящихся в контакте с наркотическими средствами, может «с высокой степенью

вероятности решать задачи диагностического и идентификационного характера», которые необходимы органам, расследующим преступления, связанные не только с незаконным оборотом наркотиков, но и их контрабандой [19].

Учение об обстановке совершения преступления является важным элементом криминалистической характеристики преступления. В науке криминалистики под ней понимают отражающую систему, включающую систему объектов, природные условия, объект посягательства, сферу деятельности или быта, а также те или иные их комплексы [20].

Применительно к контрабанде наркотиков Л.Е. Чистова утверждает, что под обстановкой контрабанды наркотиков следует понимать не что иное, как сложившуюся ситуацию в мире в целом и непосредственно внутри страны [21].

Мы считаем, что в последние годы обстановку совершения контрабанды наркотиков характеризуют следующие существенные составляющие:

- географическое положение Российской Федерации удобно для контрабандистов, т.к. с помощью разветвленной сети наземного, речного, морского и воздушного транспорта связана практически со всеми странами мира, и, следовательно, имеет доступ на три крупнейших, помимо российского, рынка сбыта наркотических средств и психотропных веществ – Соединенных Штатов Америки, Китая и Евросоюза;

- географически близкое расположение Афганистана к границе Российской Федерации, а также его доминирующее положение в мире по производству героина и гашиша;

- пассивная позиция мирового сообщества по поводу борьбы с транснациональной наркопреступностью;

- слабый таможенный и пограничный контроль на таджикско-афганской границе;

- близость приграничных территорий Евразийского союза и Государственной границы Российской Федерации к территориям стран, где наркосодержащие растения культивируются в больших объемах или являются дикорастущими;

- незаконное перемещение крупных партий героина, опия и марихуаны с территории государств Закавказья;

- существование на территории России межнациональных организованных преступных групп, контролирующих незаконный оборот наркотиков (включая контрабанду);

- увеличение числа наркозависимых лиц и иные факторы.

Таким образом, практическое значение криминалистической характеристики особенно ярко проявляется на первоначальном этапе расследования в условиях дефицита информации о событии, способе преступления и виновном лице. Без знания особенностей криминалистической характеристики, присущих данному виду преступлений, невозможно вести эффективную борьбу с таможенными преступлениями в целом и контрабандой наркотиков, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2021 год [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.customs.ru>.

2. См.: Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана, 29 мая 2014 года.

3. Криминалистика: учебник / Е.А. Логинов, О.Н. Садовников; под ред. Е.А. Логинова. – Москва: МГИМО МИД России, 2019. – С. 326.

4. Криминалистика: учебник / О.В. Волохова, Н.Н. Егоров, М.В. Жижина [и др.]; под ред. Е.П. Ищенко. – Москва: Проспект, 2015. – С. 342.

5. См.: Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Академия МВД СССР, 1977. Т. 3. С. 183-193; Колесниченко А.И., Коновалова В.Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Учеб. пособие. Харьков, 1985; Андреев И.С., Грамович Г.И., Порубов И.И. Криминалистика. Учеб. пособие / Под ред. Н.И. Порубова. – Минск: Высшая школа, 1997. С. 180-181; Рубцов И.М. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: Автореф. дис. ... к.ю.н. СПб., 2001 и др.

6. Харатишвили А.Г. Особенности расследования контрабанды наркотиков на первоначальном этапе: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2008. С. 10.

7. Всемирный доклад о наркотиках за 2016 год [Электронный ресурс] // Управление организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/WDR_Russian.pdf (дата обращения: 30.10.2017).

8. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 37.

9. Панферов Р.Г. Криминалистическая характеристика личности преступника при расследовании контрабанды наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / Проблемы права. №1 (44). 2014. – С. 115.

10. Логинов Е.А., Черевко В.В. Теория и практика правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации: Монография. – М.: – МГЭУ, 2017. С. 74.

11. Демчук С.Д. Способы совершения контрабанды наркотических средств и психотропных веществ как элемент криминалистической характеристики этого вида преступлений / С.Д. Демчук, А.Г. Харатишвили // Вестник криминалистики, 2005, № 3. – С.93-99.

12. Степанова О.Г. К вопросу о способах совершения контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений

либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества // Вестник ЧелГУ. 2011. №35 С.69-72.

13. Криминалистика: Учебник. / Под ред. Р. С. Белкина. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – С. 774.

14. Григорян Н.В. Особенности правового регулирования борьбы оперативных подразделений таможенных органов с контрабандой наркотиков // Российский следователь. 2011. № 13. – С. 37.

15. US Coast Guard seizes £142m cocaine haul from ‘cartel-built drug smuggling submarine’ [Электронный ресурс] // Mirror Online. URL: <http://www.mirror.co.uk/news/world-news/coast-guard-seizes-142m-cocaine-7648752> (дата обращения: 30.08.2022).

16. Bizarre smuggling attempts that went wrong, in pictures [Электронный ресурс] // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/03/16/bizarre-smuggling-attempts-that-went-wrong-in-pictures/> (дата обращения: 30.08.2022).

17. См.: Михайлов А.В. Тактика следственного осмотра по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов РФ: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2002. С.11.

18. Харатишвили А.Г. Особенности расследования контрабанды наркотиков на первоначальном этапе: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2008. – С. 12.

19. См.: Гордеев С.Б. Запаховые следы как источник доказательственной информации при расследовании контрабанды наркотических средств // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. №4 (65) – С.34 – 41.

20. Алехин Д.В. Обстановка совершения убийств, связанных с безвестным исчезновением потерпевшего // Российский следователь. 2014. №22. – С. 3.

21. Чистова Л.Е. Обстановка совершения контрабанды наркотиков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №3-3 – С.114-117.

PROBLEMS OF INTERACTION OF CUSTOMS BODIES IN THE SPHERE OF CRIMINAL-LEGAL POLICY IN CONDITIONS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Loginov E.A., Sadovnikov O.N.

The high level of crime in the sphere of customs relations, their high social danger of the latency and lack of effective opposition from law enforcement, make the actual development of scientifically based strategy and tactics of the struggle against foreign economic crimes.

In article on the basis of the analysis of the current criminal and customs legislation the main problems of interaction of customs bodies according to the disclosure, investigation and prevention of foreign economic crimes and defined the main directions of improvement of activity of customs authorities in combating criminal offences in terms of the Eurasian economic Union.

Keywords: customs authorities, customs relations, criminal policy, cooperation, international crime, the Eurasian economic Union.

УДК 343.4

ГЕНЕЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Морозова Дарья Александровна

Старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
майор полиции,
Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия

Балуев Артём Сергеевич

Старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
подполковник полиции,
Уральский юридический институт МВД России,
г. Екатеринбург, Россия

Жога Елена Юрьевна

доцент кафедры специальных дисциплин, к.ю.н.,
Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар, Россия

В современных реалиях оперативно-розыскной деятельности возникает острая необходимость в модернизации законодательства, которая не только решает современные проблемы, такие как трансформация преступности, но и усиливает защиту прав человека. Предложения по улучшению требуют комплексного анализа существующих правовых пробелов и неясностей, которые могут непреднамеренно привести к нарушениям.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность в расследовании преступлений, обеспечение прав человека, проведение оперативно-розыскных мероприятий, судебный контроль оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскная деятельность¹ в России представляет собой важный инструмент обеспечения безопасности, однако в её функционировании возникают серьезные проблемы, касающиеся защиты прав человека. Основные проблемы обеспечения прав личности затрагивают как законодательно установленный порядок, так и практическое применение норм, что приводит к нарушению конституционных прав граждан.

Первым аспектом, которому следует уделить внимание, является необходимость соразмерности вмешательства в личную жизнь граждан, что обусловлено правоприменительной практикой правоохранительных органов. По мнению специалистов, вмешательство в личные дела и тайну переписки должно осуществляться строго в рамках закона и только при наличии достаточных оснований [1]. Беспокойство вызывает то, что иногда происходит чрезмерно широкое толкование нормативных актов, что способствует произвольным действиям со стороны оперативников и не всегда гарантирует соблюдение права на неприкосновенность личной жизни [2].

Кроме того, существует проблема недостатка прозрачности в процессах, связанных с осуществлением ОРД. Это затрудняет контроль за действиями правоохранительных органов и создает пространство для злоупотреблений. Во многих случаях граждане не осведомлены о своих правах, и их возможность обжаловать неправомерные действия существенно ограничена. В данном контексте прокурор играет ключевую роль в восстановлении нарушенных прав, однако необходимых механизмов эффективного контроля недостаточно [3].

Сложности возникают также из-за несовершенства законодательных норм, регулирующих оперативно-розыскные мероприятия. Законы в этой области часто являются нечеткими и противоречивыми, что затрудняет выполнение требований, обеспечивающих защиту прав человека. Например, в случаях, когда применяется электронное наблюдение, необходимо четкое разграничение между законными интересами государства и правом граждан на защиту своей приватности [4].

Специфика ОРД требует применить жесткие критерии для оправдания мер вмешательства, связанных с проявлением особой необходимости, а также обеспечить четкое разграничение между легитимным интересом следствия и правом граждан на свободу и безопасность. Многое зависит от соответствующего правоприменения: важно не только создать защитные механизмы, но и обеспечить их соблюдение на практике.

Существуют и другие предметные аспекты, касающиеся прав человека в контексте ОРД. Например, недоступность данных о произведенных операциях (в том числе по запросу прокуратуры) создает дополнительный риск злоупотребления своими полномочиями сотрудниками силовых структур, что подтверждает необходимость переработки действующих норм. Выработанные подходы к праву на

¹ Далее- «ОРД»

информацию должны гармонично сочетаться с интересами уголовного преследования, а также правами личности [5].

Являясь важным инструментом борьбы с преступностью, оперативно-розыскная деятельность не должна игнорировать права граждан. Напротив, должна учитываться принципиальная главенствующая роль прав человека в процессе выяснения и обоснования действий органов, осуществляющих ОРД. Это необходимо для формирования у граждан доверия к правоохранительной системе, что в итоге положительно скажется на ее эффективности и законности в долгосрочной перспективе.

Вопрос обеспечения прав человека в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) становится особенно актуальным в контексте глобализации и обмена опытом между различными странами. Сравнительный анализ практики в разных регионах показывает, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий требуется учитывать как внутренние, так и международные правовые нормы. Это важно для обеспечения не только законности действий правоохранительных органов, но и защиты прав граждан.

Принцип законности, лежащий в основе ОРД, требует соблюдения Конституции РФ и других федеральных актов, таких как Закон «Об ОРД» [6]. Однако ситуации, когда оперативно-розыскная деятельность затрагивает личную жизнь граждан, вызывают немалые споры. В частности, возможность применения электронного наблюдения и контроля за перепиской должна быть строго регламентирована, чтобы избежать нарушений прав на личную неприкосновенность.

Международные нормы, такие как статья 8 Европейской конвенции о правах человека, устанавливают обязательные стандарты для защиты прав личности при осуществлении оперативной работы. Российское законодательство в значительной степени основывается на практиках, внедренных в других странах, таких как Армения и Узбекистан, однако важно помнить об их адаптации к уникальным реалиям [6]. Наблюдается, что зарубежный опыт регулирования ОРД часто включает элементы, способствующие более высокому уровню защиты прав человека. Например, в некоторых странах существуют четкие ограничения на применение мер, затрагивающих частную жизнь граждан, которые предписывают необходимость судебного контроля или выдачи разрешений на такие действия.

Проблема прав человека в контексте ОРД напрямую связана с необходимостью соблюдения процедурных норм и обеспечения прозрачности операций. Исследования подчеркивают, что законность действий правоохранительных органов резко возрастает в условиях, когда соблюдаются все требования законодательства [7]. Важно отметить, что любые иницилируемые правоохранительными органами операции должны действовать в рамках ясных и четких правил. Это позволит не только снизить риски злоупотреблений, но и повысить уровень правосознания как граждан, так и сотрудников правоохранительных органов.

В то же время увеличение правосознания стало важным аспектом для обеспечения прав человека в ОРД. Правоохранительные органы должны быть нацеленными на уважение прав и свобод граждан, что в свою очередь способствует повышению доверия к ним со стороны общества. В этом контексте оказываются востребованными дополнительные механизмы контроля над действиями оперативников, в том числе меры, направленные на усиление ответственности за нарушения [8].

Анализ законодательных актов, регулирующих ОРД в других странах, показывает, что там принцип законности и уважения прав человека занимает центральное место. Например, законодательство ряда государств устанавливает четкие процедуры обращения к судебным инстанциям, обеспечивающим законность применяемых мер. Это является важным шагом к обеспечению прав личности в рамках оперативно-розыскной деятельности, который следует активно внедрять и в российскую практику [9].

В целом, сравнительный анализ практики ОРД в разных странах демонстрирует необходимость активного диалога между государственными институтами и гражданским обществом для поиска оптимальных путей защиты прав человека. Такой подход может быть реализован через регулярные тренинги для сотрудников полиции, обсуждения на уровне местных сообществ и инициативы по привлечению общественности к контролю за деятельностью правоохранительных органов.

В контексте оперативно-розыскной деятельности (ОРД) особое внимание необходимо обратить на баланс между обеспечением общественной безопасности и защитой прав граждан. Оперативные мероприятия, как правило, нацелены на предотвращение и пресечение преступлений, однако их реализация может приводить к нарушениям конституционных прав и свобод, что создает серьезные вызовы для правозащитной практики [10].

Законодательство, регулирующее ОРД, декларирует обеспечение прав человека как одну из своих приоритетных целей. Однако на практике часто возникают коллизии между выполнением оперативных задач и соблюдением прав граждан. Это может касаться как нарушения тайны личной переписки, так и вторжения в частную жизнь лиц, которых не подозревают в преступлениях. Важно отметить, что обоснованные ограничения прав должны быть четко прописаны и регламентированы, чтобы предотвратить злоупотребления со стороны правоохранительных органов [11].

Конституция Российской Федерации и международные документы о правах человека устанавливают ряд фундаментальных прав и свобод, которые необходимо защищать даже в условиях ОРД. Законодательство должно обеспечивать гарантии соблюдения этих прав за счет четкого определения условий, при которых правоохранительные органы могут осуществлять оперативные мероприятия. Необходимо также создавать эффективные механизмы контроля над действиями

оперативных работников, что поможет минимизировать возможность злоупотреблений и защитить права граждан [3].

В последние годы в России наблюдается рост значимости прав человека в контексте оперативно-розыскной деятельности. Это вызвано как изменениями в законодательстве, так и увеличением общественного внимания к вопросам правозащитной деятельности. Граждане становятся более осведомленными о своих правах и акцентируют внимание на их соблюдении в процессе взаимодействия с правоохранительными органами. Проблема соблюдения прав человека в ОРД требует от правоохранительных структур не только знания действующего законодательства, но и соблюдения внутренних этических норм, что в свою очередь способствует формированию доверия к ним со стороны общества [4].

Недостатки в правовой регламентации ОРД часто вытекают из нечетких формулировок, что приводит к трудностям в интерпретации норм. Важно, чтобы законодательство четко устанавливало требования к проведению оперативных мероприятий и их документированию. Это позволит не только защитить права граждан, но и создать правовую определенность для самих оперативных работников. В рамках этой работы также требуется совершенствование системы обжалования действий оперативных структур, что позволит гражданам защищать свои права в случаях нарушений [12].

Существующие методы контроля со стороны судебных органов также требуют улучшения. Эффективный контроль за соблюдением прав человека в ОРД должен включать детальные проверки законности применения оперативных мероприятий. Это позволит минимизировать случаи неправомерного вмешательства в жизнь граждан и повысит уровень правовой защищенности. В случае нарушений необходимо делать акцент на привлечении к ответственности виновных лиц, что будет способствовать формированию правовой культуры в правоохранительных органах.

По мере развития технологии и изменения природы преступности правоохранительные органы сталкиваются с новыми вызовами, что обостряет вопрос о соблюдении прав человека. Поддержание баланса между необходимостью обеспечения безопасности общества и защитой индивидуальных прав требует постоянного пересмотра и улучшения нормативной базы и практики, а также активного вовлечения общества в процессы контроля за работой силовых структур. Это открывает пути для диалога между государством, правозащитными организациями и гражданами, который важен для создания эффективной системы защиты прав человека в рамках оперативно-розыскной деятельности [12].

В заключение следует подчеркнуть, что обеспечение прав человека в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую комплексного подхода и внимательного анализа. В ходе исследования были выявлены ключевые проблемы, которые препятствуют эффективному соблюдению прав граждан в процессе оперативной работы. Эти проблемы включают

в себя недостаток соблюдения норм законодательства, злоупотребление служебными полномочиями, а также нарушения права на личную неприкосновенность.

Анализ существующих проблем показал, что на сегодняшний день существует значительное количество коллизий между оперативной работой и правами граждан. Эти коллизии часто возникают из-за недостаточной четкости правовых норм, регулирующих деятельность правоохранительных органов, а также из-за отсутствия должного контроля за действиями сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия. Важно отметить, что такие коллизии могут не только подрывать доверие граждан к правоохранительным органам, но и негативно сказываться на правосознании общества в целом.

Таким образом, защита прав человека в оперативно-розыскной деятельности требует комплексного подхода, который сочетает наблюдение за законностью действий оперативных служб и активное привлечение граждан к этому процессу. Сравнительный анализ показывает, что такие усилия могут существенно повысить уровень доверия граждан к правоохранительным органам и значительно снизить риски нарушений прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. №1 (49). Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-obespecheniya-prav-lichnosti-v-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-ugolovno-rozyska> (17.12.2024).

2. Чечетин А.Е., Шатохин И. Д. Права личности и оперативно-розыскная деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. №1 (81). Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-lichnosti-i-operativno-rozysknaya-deyatelnost> (17.12.2024).

3. Хованова Д.М. Гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Наука, образование и культура. 2017. №4 (19). Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-soblyudeniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoy-federatsii-pri-osuschestvlenii-operativno-rozysknoy> (17.12.2024).

4. Хованова Д.М. Обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: сущность, содержание, правовая основа // Наука, образование и культура. 2017. №4 (19). Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-soblyudeniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoy-federatsii-pri-osuschestvlenii-operativno-rozysknoy> (17.12.2024).

5. Субботина Е.С. Проблемные вопросы правового регулирования проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих

конституционные права человека // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2008. №1-2. Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-provedeniya-operativno-rozysknyh-meropriyatiy-ogranichivayuschih-konstitutsionnye> (17.12.2024).

6. Петровичев С.Д. Обеспечение прав человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий: отечественный опыт и практика европейского суда по правам человека // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. №3. Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-prav-cheloveka-pri-provedenii-operativno-rozysknyh-meropriyatiy-otechestvennyu-opyt-i-praktika-evropeyskogo-suda-po> (17.12.2024).

7. Журавков А.А. К вопросу о соотношении норм международного права и Конституции Российской Федерации, регулирующих ограничение прав человека в ходе оперативно-розыскной деятельности // ipolytech journal. 2011. №8 (55). Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-norm-mezhdunarodnogo-prava-i-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii-reguliruyuschih-ogranichenie-prav-cheloveka-v> (17.12.2024).

8. Владимиров С.И., Иванов П.И. Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел (сравнительный анализ законодательных актов) // Труды Академии управления МВД России. 2013. №4 (28). Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/sodeystvie-grazhdan-operativnym-podrazdeleniyam-organov-vnutrennih-del-sravnitelnyu-analiz-zakonodatelnyh-aktov> (17.12.2024).

9. Ховавко С.М. Сравнительный анализ оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности» и следственного действия «предъявление для опознания» и его правовое значение // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. №1. Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyu-analiz-operativno-rozysknogo-meropriyatiya-otozhdestvlenie-lichnosti-i-sledstvennogo-deystviya-predyavlenie-dlya> (17.12.2024).

10. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Роль и значение обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №6. Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-obespecheniya-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-organov> (17.12.2024).

11. Дехканова К.А. Значение гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2012. №2. Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-garantiy-soblyudeniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-pri-osuschestvlenii-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-1> (17.12.2024).

12. Галахов С.С., Козлов В.И., Ельсаев Л.А. Права человека и оперативно-розыскная деятельность (к 60-летию принятия всеобщей

декларации прав человека) // Научный портал МВД России. 2008. №4.
Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-operativno-rozysknaya-deyatelnost-k-60-letiyu-prinyatiya-vseobschey-deklaratsii-prav-cheloveka> (17.12.2024).

**THE GENESIS OF THE FORMATION OF HUMAN RIGHTS
AND FREEDOMS AND ENSURING THEIR IMPLEMENTATION
IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

Morozova D.A., Baluyev A.S., Zhoga E.Yu.

In the modern realities of operational investigative activities (ARDS), there is an urgent need to modernize legislation, which not only solves modern problems such as the transformation of crime, but also strengthens the protection of human rights. Improvement proposals require a comprehensive analysis of existing legal gaps and ambiguities that may inadvertently lead to violations.

Keywords: operational investigative activities in the investigation of crimes, ensuring human rights, conducting operational investigative activities, judicial control of operational investigative activities.

УДК 343.13

ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Нечаев Владимир Викторович

Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент,
Московский областной филиал Московского Университета МВД
России имени В.Я. Кикотя, г. Руза, Россия
SPIN-code: 9345-9678

Теренков Игорь Евгеньевич

Преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук,
Московский областной филиал Московского Университета МВД
России имени В.Я. Кикотя,
г. Руза, Россия
SPIN-code: 9700-8248

Радченко Марине Эдуардовна

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
и организации исполнения наказаний, не связанных с
изоляциями осужденных от общества
Псковский филиал Университета ФСИН России,
г. Псков, Россия
SPIN-code: 9749-4078

Проблемы борьбы с преступностью можно рассматривать как в целом, так и части отдельных форм ее проявления. В настоящей статье

мы попытаемся рассмотреть вопросы профилактики правонарушений экстремисткой направленности. Противодействие идеологии экстремизма в молодежной среде в многонациональном, межконфессиональном и светском государстве должно проводиться с соблюдением особых мер. Эффективность профилактических мер и мер противодействия экстремисткой идеологии во многом заключается в изучении ее особенностей, структуры и связей с другими социальными феноменами, в многостороннем подходе к изучаемым вопросам, в том числе к видам и формам взаимодействия субъектов профилактики.

Ключевые слова: взаимодействие, сотрудничество, экстремистские взгляды, профилактика, идеология, экстремизм, молодежный экстремизм молодежная среда, субъекты профилактики, противодействие, системный подход угрозы национальной безопасности.

Проявления экстремистских взглядов в разнообразных – сферах жизнедеятельности общества по-прежнему представляют угрозу государственной безопасности России. Экстремистские проявления причиняют вред не только жизни и здоровью граждан, но и разрушают материальные и духовные ценности [1, С. 23-29]. Угроза экстремистских действий постоянно держит общество в напряжении. Поэтому вопросы предупреждения экстремизма в настоящее время имеют особую актуальность. При этом масштабность и многосторонность указанной деятельности с необходимостью предполагает ее систематизированное осмысление и осуществление.

Недостаточная профилактическая работа компетентных органов и должностных лиц приводит к тому, что подрастающее поколение оказывается под серьезной идеологической обработкой, которая впоследствии может причинить значительный ущерб.

Изучая проблемы молодежного экстремизма, мы приходим к выводу, что одним из методов вовлечения подрастающего поколения в экстремистские организации выступает религия. Малообразованность молодежи в вопросах, связанных с религией, позволяет преступникам манипулировать над жертвами, используя духовную основу [2]. Очень острая проблема состоит в том, что экстремисты свои преступные радикальные идеи и мысли отождествляют с содержанием священных писаний. Важно отметить, что ничего общего с требованиями того или иного религиозного учения у них нет, прикрываясь верой, они совершают самые страшные преступления. С помощью положений священных книг, экстремисты пытаются оправдать свои преступные, антигуманные цели и деяния. Мы считаем, что в данном случае духовное просвещение молодежи позволит избежать навязывания псевдорелигиозной идеологии, порождающей ненависть и вражду, и поможет сформировать истинное миролюбивое понимание религиозных догматов. Воспитание в духе правильной религиозной идеологии, единой в области достижения всеобщего мира и

добродетели, привитие межнациональной и культурной толерантности позволит достичь позитивных целей для всех верующих и избежать радикализма.

Анализ молодежного экстремизма позволил нам выделить ряд его специфических черт. Во-первых, у молодежного экстремизма высокий уровень организованности и сплоченность преступных групп. Во-вторых, происходит жесткое соблюдение мер конспирации и широкое распространение межрегиональных связей. В-третьих, значительную работу экстремистской направленности сторонники радикальных взглядов совершают через мессенджеры и социальные сети, что существенным образом затрудняет их выявление, позволяет остаться незамеченными.

Одной из форм проявления радикальных взглядов является политический экстремизм, под которым следует понимать деятельность, направленную на подрыв конституционных основ государственного строя, нарушения территориальной целостности государства. Для данной вида экстремистской деятельности, как правило, фундаментом служит религиозный или националистический экстремизм, сторонники которого желают изменить политическую обстановку в стране насильственным способом.

В настоящее время среди наиболее острых проблем современной молодежи выделяют следующие противоправные явления, общественная опасность и безнравственность не поддается преувеличению: буллинг, кибербуллинг, колумбайн, движение «АУЕ», дискредитация ВС РФ. В последние годы серьезно растет количество преступлений экстремистской направленности, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде, среди которых выделяют публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В данном случае органы государственной власти, предупреждая особую общественную опасность данного деяния, установили, что данное преступление будет окончено с момента хотя бы одного обращения с призывами к осуществлению такой деятельности, в независимости от того, удалось склонить лицо к совершению противоправных действий или нет.

Как отмечалось ранее, на сегодняшний день любой несовершеннолетний, у которого есть доступ в интернет, становится пользователем «глобальной паутины». Доступность технических средств с одной стороны оказывает положительное развитие на личность подрастающего поколения, а с другой предоставляет возможность получения ими информации экстремистского характера, способной оказать существенное влияние на ценностно-ориентационные установки молодых соотечественников.

Считаем необходимым уделить внимание такой преступной организации под названием «Арестантский уклад един». Группы данной организации в социальных сетях насчитывают несколько сотен тысяч участников, большинство из которых составляют подростки в возрасте от 12 до 17 лет. Сторонники данной субкультуры ведут антиобщественный и противоправный образ жизни, который

раскрывается через употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ, пренебрежение к честному труду, хулиганские действия, вымогательство денежных средств с особой целью – передачей их в «воровской общак» находящимся в местах лишения свободы преступникам. Основная суть данной идеологии сводится к формированию устойчивой антиобщественной позиции у несовершеннолетних, романтизации тюремной жизни осужденных лиц и противопоставление себя социуму. К тому же, проблема заключается в том, что в таких АУЕ-группах формируется фундамент деструктивных установок ненависти и нетерпимости к другим социальным группам, что в последствии может привести к радикальным действиям и идеям [3].

В связи с проведением специальной военной операции на Украине молодежный экстремизм стал приобретать новые формы. На территории нашей страны участились случаи политических протестных акций, направленных на умаление авторитета российской армии и дискредитацию ее действий, распространении фейков. В законодательство были введены соответствующие изменения, которые фактически расширили такое понятие как экстремизм, который стал проявляться на фоне ведения СВО. Крайней формой такого общественно опасного поведения стали поджоги военных комиссариатов, поджоги автомобилей с символикой «Z» и «V» в поддержку наших вооруженных сил, которые отстаивают национальные интересы России и ведут борьбу с националистическими, нацистскими подразделениями на Донбассе [4, С. 51-58]. Со слов задержанных лиц за данную работу им обещали заплатить денежные средства. По данным специалистов, активную вербовку наших молодых соотечественников, с целью подрыва государственного суверенитета и общественной безопасности, осуществляют Служба безопасности Украины и спецслужбы стран военно-политического блока НАТО [5]. Важно отметить, что с началом ведения специальной военной операции на Украине, усилилась работа националистических сепаратистов по вербовке российской молодежи и вовлечении ее в преступную антироссийскую деятельность, что является недопустимым и требует немедленного реагирования со стороны наших соотечественников и органов государственной власти [6].

В заключение, необходимо сказать, что в последние годы экстремизм стал одной из глобальных проблем человечества. В Российской Федерации осуществляется активная борьба с проявлениями экстремистской деятельности, которые ставят под угрозу национальную безопасность страны. Мы выяснили, что социальной базой для возвращения радикальных идей служит чаще всего российская молодежь, которая, к сожалению, становится наиболее подверженной влиянию со стороны как внутренних, так и внешних агентов, вовлекающих представителей данной категории населения в преступную деятельность. Мы установили, что особая опасность экстремизма заключается в том, что подобные радикальные идеи зачастую перерастают в террористическую деятельность,

представляющую крайнюю форму экстремизма. Важно отметить, что для современной России характерны проявления как политического, социального так и религиозного экстремизма. В связи с проведением СВО на Украине возродились националистические сепаратистские настроения и проявления, усилилась работа зарубежных спецслужб по возвращению на территории нашей страны «анти-России». Только активные и беспрецедентные меры противодействия идеологии экстремизма и его проявлениям способствуют нормальному развитию молодежи России.

В этом комплексе к числу направлений, заслуживающих тщательной проработки с научных и практических позиций, следует отнести вопросы, связанные с взаимодействием разнообразных государственных и негосударственных образований в механизме противодействия экстремизму. Подобный вывод следует в первую очередь из анализа современной ситуации: при наличии достаточных возможностей и потенциала в антиэкстремистской деятельности имеются существенные недостатки отмеченного взаимодействия, наряду с нехваткой системности, целенаправленности, а также координированности. Именно поэтому, на наш взгляд, взаимодействие между соответствующими субъектами должно быть реализовано по следующим направлениям:

1. Взаимодействие между правоохранительными органами и органами местного самоуправления:

- выявление общественных мест, где собираются неформальные молодежные объединения;

- постоянный обмен информацией, прогнозирование и мониторинг показателей правонарушений экстремистской направленности

- полномасштабное содействие в проведении комплексных профилактических мероприятий;

- на законодательном уровне необходимо решить вопрос о введении в структурные подразделения органов местного самоуправления комиссий по межэтническим вопросам и др.

2. Взаимодействие между правоохранительными органами и средствами массовой информации:

- проведение брифингов, круглых столов, пресс-конференций по вопросам профилактики преступлений экстремистской направленности;

- должное освещение и анализ положительного опыта взаимодействия институтов гражданского общества;

- объединение усилий и средств в механизме совместной деятельности по разобличению неформальных молодежных объединений криминальной направленности;

- производство и распространение материалов профилактической направленности (циклов постоянных информационно-тематических программ, публикаций в печати);

3. Взаимодействие между правоохранительными органами и общественными объединениями:

- выявление и анализ деятельности тех общественных объединений, деятельность которых может носить провокационный характер;

- сотрудничество и взаимодействие с культурно-просветительскими и патриотическими общественными объединениями, в том числе по вопросам проведения акций гуманитарного характера;

- анализ, выявление и использование возможностей совместных усилий заинтересованных объединений в предупреждении социально порицаемой ненависти в обществе;

- обращения к этническим сообществам за консультациями по вопросам, требующим специальные познания (например, обычаев, традиций и т. д.);

4. Взаимодействие между правоохранительными органами и образовательными учреждениями:

- проведение разъяснительной работы в образовательных заведениях всех уровней о повышенной степени опасности экстремистских проявлений, недопущении вовлечения и участия в экстремистских

- взаимодействие с активом образовательной общественности по обозначенному направлению работы;

- своевременное выявление криминогенных факторов, влияющих на проявления ненависти, а также конкретных учащихся и иных лиц, поддерживающих проявления крайних взглядов.

Например, 14 сентября 2024 года Администрацией Рузского городского округа по инициативе кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и Молодежного центра Рузского городского округа организован и проведен межведомственный научно-практический семинар «Организационно-правовые, социальные психолого-педагогические основы профилактики правонарушений экстремистской направленности среди несовершеннолетних». Стоит отметить, что доклады выступающих не оставили равнодушными участников семинара. Они сопровождались оживленными дискуссиями и конструктивными вопросами присутствующих педагогических работников, которые обратились к представителям ведомственного ВУЗа с просьбой представить необходимую информацию и презентации для проведения просветительских мероприятия со школьниками и их родителями. Актуализация и анализ существующих проблем позволяют понять виды и объем негативных процессов, происходящих с детьми и молодежью, выработать конкретные механизмы и способы их преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. В. К вопросу о современных тенденциях молодежного экстремизма в России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 23–29.

2. Дзедисов А. Т. К проблеме распространения экстремизма в молодежной среде // Теория и практика общественного развития. 2019. № 10 (140).

3. Распространение молодежного экстремизма в регионах России. URL: <https://мвд.рф/folder/101757> (дата обращения: 13.09.2024).

4. Ситникова М. П. «Экстремистское движение ауге: сущность и меры противодействия // Theoria. 2021. №2 (3). С. 51-58.

5. Токмаков М. Новые тенденции проукраинского «партизанства» в России. URL: https://topcor.ru/27741-novye-tendencii-proukrainskogopartizanstva-v-rossii.html?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 15.09.2024).

6. В Москве прошло заседание Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/v-moskve-proshlozasedanie-nacionalnogo-29.html>. (дата обращения: 16.09.2024).

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASIS
FOR INTERACTION BETWEEN SOCIAL SUBJECTS
AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE MECHANISM
OF PREVENTING YOUTH EXTREMISM**

Nechaev V.V., Terenkov I.E., Radchenko M.E.

The problems of combating crime can be considered both as a whole and as parts of individual forms of its manifestation. In this article, we will try to consider the issues of preventing extremist offenses. Counteraction to the ideology of extremism in the youth environment in a multinational, interfaith and secular state should be carried out in compliance with special measures. The effectiveness of preventive measures and measures to counter extremist ideology largely lies in the study of its features, structure and connections with other social phenomena, in a multilateral approach to the issues under study, including the types and forms of interaction between the subjects of prevention.

Keywords: interaction, cooperation, extremist views, prevention, ideology, extremism, youth extremism, youth environment, subjects of prevention, counteraction, systemic approach threats to national security.

УДК 343.8

ОЦЕНКА ИСПРАВЛЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХСЯ ОСУЖДЕННЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ (КРИТЕРИИ И СТЕПЕНИ)

Смирнов Иван Андреевич

Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета, кандидат юридических наук,

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,

г. Вологда, Российская Федерация

SPIN-код: 5160-9043

В статье рассмотрены элементы прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы по законодательству некоторых стран постсоветского пространства (Республика Казахстан, Республика Молдова, Республика Беларусь, Туркменистан, Республика Армения, Республика Таджикистан, Азербайджанская Республика, Республика Узбекистан, Кыргызская Республика). Автором дан краткий анализ критериев (признаков) положительно характеризующихся осужденных, совокупность которых является основанием для реализации следующих элементов прогрессивной системы лишения свободы: 1) изменение условий лишения свободы внутри исправительного учреждения; 2) передвижение без конвоя или сопровождения; 3) выезды; 4) изменение вида исправительного учреждения; 5) замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; 6) условно-досрочное освобождение. Автором также затронут вопрос о степенях исправления положительно характеризующихся осужденных по законодательству стран СНГ, которые могут послужить основой для правового моделирования оценки исправления положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве.

Ключевые слова: положительно характеризующиеся осужденные, критерии и степени исправления, элементы прогрессивной системы лишения свободы, страны постсоветского пространства.

Рассмотрим критерии (признаки) положительно характеризующихся осужденных, совокупность которых является основанием для реализации следующих элементов прогрессивной системы лишения свободы:

- 1) изменение условий лишения свободы внутри исправительного учреждения (далее – ИУ);
- 2) передвижение без конвоя или сопровождения;
- 3) выезды;
- 4) изменение вида ИУ;
- 5) замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- 6) условно-досрочное освобождение (далее – УДО).

1. Материальными основаниями изменения условий отбывания наказания по законодательству стран СНГ, как правило, являются добросовестное отношение к труду и отсутствие взысканий. Вместе с тем дополнительно предъявляются следующие требования: наличие поощрений (Республики Казахстан и Молдова) [1, 2, 3, 4, 5, 6]; участие в образовательных и социально-воспитательных программах (Республика Молдова) [1, 2]; принятие письменного обязательства о правопослушном поведении, выполнение общественных работ, проявление полезной инициативы, возмещение ущерба (Республика Беларусь, Туркменистан) [7, 8, 9, 10].

2. Материальное основание в реализации осужденными права на передвижение без конвоя или сопровождения, как правило, выражено в формулировке «положительно характеризующийся осужденный». Наряду с этим имеются и другие словосочетания: проявившие правопослушное поведение (Республика Армения) [11], вставшие на путь исправления (Республика Беларусь) [7], твердо вставшие на путь исправления (Туркменистан, Республика Таджикистан) [10, 12]. Отметим, что, за исключением степени «вставшие на путь исправления» (Республика Беларусь), подробной расшифровки отмеченным правовым категориям не дается.

3. Выезды предоставляются осужденным с учетом их личности и поведения. Например, в Республике Молдова отмечается, что осужденный должен положительно характеризоваться и иметь рекомендацию психолога.

4. При изменении вида ИУ осужденные, как правило, должны быть положительно характеризующимися (Республика Таджикистан, Азербайджанская Республика) [13] или им должна быть присвоена определенная степень исправления: «вставшие на путь исправления» (республики Беларусь и Узбекистан) [14]; «осужденные, имеющие

вторую или третью положительную степень поведения» (Республика Казахстан).

В некоторых случаях при изменении вида ИУ акцентируется внимание на определенных дополнительных критериях, подлежащих учету администрацией ИУ: участие в образовательных и социально-воспитательных программах (Республика Молдова); участие в реабилитационных программах (Кыргызская Республика) [15]; отсутствие дисциплинарных взысканий (Республика Узбекистан). Или же, например, согласно уголовно-исполнительному законодательству Республики Армении поведение осужденного должно быть хорошим, однако не раскрывается его значение.

5. При замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания основными признаками материального основания являются: поведение осужденного, отношение к труду, учебе и совершенному деянию. Вместе с тем в отдельных соответствующих кодексах стран СНГ вводится обязательный критерий в виде заглаживания причиненного вреда в зависимости от объема: частичное возмещение (Республика Армения), не менее половины (Кыргызская Республика), полное возмещение или невозможность такого восстановления с учетом доказательств (республики Казахстан и Молдова). Наряду с этим учитываются: выполнение индивидуальной программы исполнения наказаний (Республика Молдова), отсутствие взысканий (Республика Армения), отсутствие непогашенных взысканий (Кыргызская Республика), отсутствие злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания (Республика Казахстан), участие в самодеятельных организациях, принятие письменного обязательства (Республика Беларусь).

6. Совокупность признаков материального основания условно-досрочного освобождения идентична тем же признакам института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

В целом можно утверждать что комплекс указанных выше признаков положительного поведения осужденных, дающих основания для реализации того или иного элемента поощрительного института уголовного или уголовно-исполнительного права, составляют положительную характеристику осужденного. Вместе с тем в Российской Федерации критерии признания осужденного положительно характеризующимся не однозначны как в научной литературе, так и в соответствующем законодательстве [16. 17].

Обратим внимание на правовое закрепление степеней исправления положительно характеризующихся осужденных в некоторых странах СНГ. Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь [7. 8. 9] положительно характеризующихся осужденных определяет через присвоение степеней их исправления с учетом определенных критериев и признаков:

1. *Ставший на путь исправления.*

Критериями исправления являются поведение осужденных (принятие письменного обязательства о правопослушном поведении, отсутствие взысканий); отношение к труду и учебе (добросовестность,

выполнение общественных работ в ИУ, проявление полезной инициативы); возмещение ущерба или совершение всех возможных действий, направленных на принятие таких мер. Соблюдение приведенных критериев является основанием улучшения условий содержания, изменения вида ИУ, передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ, в том числе принятие письменного обязательства – необходимо для вступления в самодеятельные организации;

2. Твердо ставший на путь исправления.

Осужденный должен соответствовать критериям, предусмотренным для осужденных, вставших на путь исправления, а его действия должны свидетельствовать об устойчивом стремлении к правопослушному поведению. Правовые последствия указанной степени исправления выражаются в виде замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

3. Доказавший свое исправление.

Осужденный должен соответствовать критериям, предусмотренным для осужденных, ставших на путь исправления, но основным отличием выступает то, что поведение осужденного должно свидетельствовать о сформированной готовности вести правопослушный образ жизни. Юридически значимое последствие данной степени – условно-досрочное освобождение.

Критерии и признаки, учитываемые при УДО и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, идентичны: поведение осужденного; отношение к труду и обучению; отношение к совершенному деянию; сведения, подтверждающие минимизацию последствий преступления; признание вины; гарантии правомерного поведения после освобождения; участие в работе самодеятельных организаций; выполнение намерений, которые были изложены в письменном обязательстве и другие обстоятельства. Тем самым наличие оценочной категории степеней исправления «твердо ставших» и «доказавших исправление» не вносит конкретики в отграничение применения законных интересов, вытекающих из каждой степени исправления.

Похожие положения уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь имеет Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана (далее – УИК Туркменистана) [10], который выделяет три степени исправления:

1) Ставший на путь исправления.

Принятие письменного обязательства о законопослушном поведении, стремление к исправлению, отсутствие взысканий, добросовестное отношение к труду, выполнение общественных работ. Согласно УИК Туркменистана для представления к УДО осужденный должен встать на путь исправления (ч. 2 ст. 94 УИК Туркменистана);

2) Твердо ставший на путь исправления.

Соответствие поведения осужденным, ставшим на путь исправления и проявление полезной инициативы. Осужденному может

быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ИУ;

3) *Доказавший исправление.*

Соответствие поведения осужденным, твердо ставшим на путь исправления. В отношении осужденных, которые доказали исправление, УИК Туркменистана не предусматривает каких-либо правовых последствий.

Законодательство Республики Узбекистан, предусматривающее совершенствование системы социально-бытового обеспечения и трудоустройства лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с целью индивидуализации воспитательной работы предусматривает деление осужденных на определенные категории без обозначения критериев [18]: 1) сложно воспитуемые; 2) вставшие на путь исправления; 3) полностью исправившиеся.

В отношении каждой выделяемой группы осужденных предусмотрен ряд определенных мероприятий, однако не обозначены какие-либо правовые последствия.

Новшеством уголовно-исполнительного законодательства Республики Узбекистан является ст. 97.1 Уголовно-исполнительного кодекса «Критерии определения становления осужденных на путь исправления» [19]. Согласно данной норме становление осужденных, отбывающих наказание в учреждениях по исполнению наказания, на путь исправления определяется комиссией по итогам каждого квартала с учетом определенных критериев. К таким критериям уголовно-исполнительное законодательство Республики Узбекистан относит: 1) добросовестное отношение осужденного к труду, заинтересованность в обучении и приобретении профессии; 2) участие в культурно-просветительских мероприятиях, а также его инициативность, стремление быть примером для других осужденных; 3) соблюдение осужденным правил внутреннего распорядка ИУ, применение мер поощрения и дисциплинарных взысканий.

Юридическими последствиями присвоения такой степени выступают перевод в колонию-поселение (ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса Узбекистана), перевод на улучшенные условия содержания (ст. 116, 118, 120, 124, 104 Уголовно-исполнительного кодекса Узбекистана), возможность проживания осужденных женщин за пределами учреждения (ст. 131 Уголовно-исполнительного кодекса Узбекистана). Между тем упоминается степень твердо вставших на путь исправления без обозначения ее признаков, но с возможностью подачи ходатайства о помиловании на пять лет раньше (ст. 140 Уголовно-исполнительного кодекса Узбекистана) [14].

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством стран СНГ в некоторых случаях степени исправления положительно характеризующихся осужденных не имеют определенную систему. Например, «осужденные, достигшие положительных результатов в исправлении и ресоциализации», в отношении которых может быть представлено ходатайство об УДО (ч. 4 ст. 116 Уголовно-

исполнительного кодекса Киргизии) [15]; «осужденные, доказавшие исправление», которые могут быть представлены к УДО или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания; «твердо вставшие на путь исправления», которым может быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (Республика Таджикистан) [12].

Таким образом, анализ пенитенциарного законодательства стран постсоветского пространства позволяет сделать следующие выводы:

1. Уголовно-исполнительное законодательство каждой страны СНГ имеет определенные элементы, присущие прогрессивной системе лишения свободы, с четко обозначенной, за некоторыми исключениями, структурой позитивных степеней исправления осужденных к лишению свободы (Туркменистан, республики Казахстан и Беларусь) или же фрагментарное выделение степеней и критериев, логически не взаимосвязанных между собой и их правовыми последствиями (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Молдова, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан).

2. Выделены основные (общие) критерии, которые характерны для определенного элемента прогрессивной системы лишения свободы: а) изменение условий лишения свободы внутри ИУ (добросовестное отношение к труду и отсутствие взысканий); б) передвижение без конвоя (как правило, данная категория осужденных отмечена формулировкой, характеризующей положительное (правопослушное) поведение); в) выезды (как правило, указывается о необходимости учета личности и поведения без расшифровки конкретных критериев); г) изменение вида ИУ (присвоение определенной степени исправления или отмечаются формулировкой, характеризующей положительное (хорошее) поведение); д) замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания и условно-досрочное освобождение (как правило, основные критерии следующие: поведение осужденного, отношение к труду, учебе и совершенному деянию, а также полное или частичное возмещение вреда).

3. Правовой опыт стран ближнего зарубежья относительно построения системы, связанной с оценкой исправления осужденных к лишению свободы и установления определенных критериев, может послужить основой для правового моделирования оценки исправления положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Правил о количестве, периодичности, и продолжительности телефонных разговоров, которые могут осуществляться или приниматься осужденными: приказ Министерства Юстиции Республики Молдова от 8 сентября 2017 г. № 730 // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. URL:

https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=104018&lang=ru (дата обращения: 22.11.2024)

2. Об утверждении Устава отбывания наказания заключенными: постановление Правительства Республики Молдова от 26 мая 2006 г. № 583 // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110142&lang=ru (дата обращения: 22.11.2024).

3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 21.11.2024).

4. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z300> (дата обращения: 21.11.2024);

5. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания: постановление Верховного суда Республики Казахстан от 2 октября 2015 г. № 6 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000006S> (дата обращения: 21.11.2024).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 31-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231#z3406> (дата обращения: 20.11.2024).

7. Об аттестации осужденных к лишению свободы, деятельности самодетельных организаций: постановление МВД Республики Беларусь от 10 ноября 2010 г. № 353 // Информационно-поисковая система (ИПС) «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: https://etalonline.by/document/?regnum=w21123515&q_id=6583017 (дата обращения: 22.11.2024).

8. Уголовный Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Информационно-поисковая система (ИПС) «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275&q_id=3433858 (дата обращения: 18.11.2024)

9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-3 // Информационно-поисковая система (ИПС) «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0000365&q_id=3433846 (дата обращения: 18.11.2024)

10. Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана от 25 марта 2011 г. № 164-IV (в ред. закона Туркменистана от 20 ноября 2022 г.) // Информационная система «Параграф». URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344356 (дата обращения: 18.11.2024).

11. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18 января 2005 г. №ЗР-60 // Официальный сайт Национального Собрания РА. URL:

<http://www.parliament.am/legislation.php?ID=2256&sel=show&lang=rus> (дата обращения: 18.11.2024).

12. Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г. (в ред. Закона РТ от 18 марта 2022 г. № 1854) // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. URL:

http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=1205 (дата обращения: 18.11.2024).

13. Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 908-IQ). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420206&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 18.11.2024).

14. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом РУз от 25 апреля 1997 г. № 409-1 1 // Информационно-поисковая система «Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан». URL: <https://lex.uz/ru/docs/163627> (дата обращения: 21.11.2024).

15. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17 // Официальный сайт Централизованной базы данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111528> (дата обращения: 17.11.2024).

16. Савушкин, С. М. Положительно характеризующийся осужденный и (или) законопослушный гражданин / С. М. Савушкин // *Ius Publicum et Privatum*. – 2023. – № 3(23). – С. 184-188.

17. Савушкин, С. М. Критерии признания осужденного положительно характеризующимся / С. М. Савушкин // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2023. – № 3(17). – С. 69-75.

18. О практических мерах по дальнейшему совершенствованию системы социально-бытового обеспечения и трудоустройства лиц, освободившихся из мест лишения свободы: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 17 июля 2018 г. № 543 // Информационно-поисковая система «Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан». URL: <https://lex.uz/ru/docs/3827084> (дата обращения: 18.11.2024).

19. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан, направленных на надежную защиту прав и законных интересов осужденных: закон Республики Узбекистан от 15 февраля 2023 г. № ЗРУ-817 // Информационно-поисковая система «Национальная база данных

законодательства Республики Узбекистан». URL:
<https://lex.uz/docs/6384475> (дата обращения: 18.11.2024).

**ASSESSMENT OF CORRECTION OF POSITIVELY
CHARACTERIZED CONVICTS ACCORDING TO THE LEGISLATION
OF THE CIS COUNTRIES (CRITERIA AND DEGREES)**

Smirnov I.A.

The article considers the elements of a progressive system of serving sentences in the form of imprisonment according to the legislation of some post-Soviet countries (Republic of Kazakhstan, Republic of Moldova, Republic of Belarus, Turkmenistan, Republic of Armenia, Republic of Tajikistan, Republic of Azerbaijan, Republic of Uzbekistan, Kyrgyz Republic). The author gives a brief analysis of the criteria (signs) of positively characterized convicts, the totality of which is the basis for the implementation of the following elements of a progressive system of deprivation of liberty: 1) changing the conditions of imprisonment within the prison; 2) movement without escort or escort; 3) departures; 4) changing the type of detention; 5) replacing the unserved part of the punishment with a milder type of punishment; 6) parole. The author also raised the issue of the degrees of correction of positively characterized convicts under the legislation of the CIS countries, which can serve as a basis for legal modeling of the assessment of correction of positively characterized convicts to imprisonment in domestic penal enforcement legislation.

Keywords: positively characterized convicts, criteria and degrees of correction, elements of a progressive system of imprisonment, post-Soviet countries.

УДК 314.7

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Усейнов Мирас Исмаилович

Старший преподаватель, PhD,

кафедра конституционного и муниципального права,

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Российская Федерация, Волгоград

SPIN-код: 1341-3205

В данной научной работе автором проведен анализ нормативно правовых актов, регулирующие порядок пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации с учетом новых изменений в миграционном законодательстве. Работа начинается с общего понятия миграции. Исследованы ряд нормативно-правовых актов в области миграционной политики. Проводится анализ режима пребывания и нового правового режима – режима высылки, а также выделены основные изменения законодательства в этой сфере. Автор отмечает, что в настоящее время, при возросшей миграции населения стран, и прежде всего рабочей силы, в каждой стране постоянно или временно находятся, а часто и оседает много людей. И принятые изменения своевременны. И только таким образом можно обеспечить безопасность и стабильность на территории Российской Федерации и защитить интересы общества и государства от незаконной миграции.

Ключевые слова: конституция, миграция, иностранный гражданин, лицо без гражданства, права, обязанности, свободы, режим пребывания, режим высылки.

Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы человека и гражданина. Им посвящена целая глава Конституции, где эти права и свободы признаются и гарантируются государством в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и принадлежат каждому от рождения [1].

Общеизвестно, что основополагающие начала, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и иных нормативно-

правовых актах, определяют основное место человека в обществе и государстве, а также его социальную адаптацию, что составляет в целом правовой статус личности.

Как известно, правовое положение человека и гражданина составляет совокупность прав, обязанностей и законных интересов, которые фиксируются государством и обществом в форме нормативно-правовых актов. Основные вопросы закрепления этих отношений являются правовые отношения, которые непосредственно возникают между государством и лицами, временно или постоянно пребывающими на территории Российской Федерации.

Для начала, на наш взгляд, следует рассмотреть теоретическое определение миграции. У данного термина есть множество научно-выработанных значений. Как и многие другие термины, термин миграция происходит от латинского слова *migratio* – переход, переезд, *migrāre* – переселение, передвижение. Российский энциклопедический словарь дает в двух формах определения миграции: во-первых, перемещение, переселение и второе – миграция населения перемещение людей, связанное, как правило, со сменой места жительства [2]. А толковый словарь С.И. Ожегова под миграцией понимает массовое «переселение, перемещение» людей [3]. Так или иначе, эти два значения миграции подразумевают под собой любое перемещение, переселение, смену места жительства населения и т.п.

Следует отметить, что для любого государства правовое регулирование режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства крайне важно для охраны прав, свобод граждан, безопасности общества и государства, поддержания основ конституционного строя и т.п. что требует определенного четкого правового регулирования и совершенствования нормативно-правовых актов в этом направлении.

Необходимо указать, что основу правового регулирования миграционной политики составляют Конституция Российской Федерации от 12.12.1993, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ (редакция от 08.08.2024), «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (редакция от 09.11.2024), «О беженцах» от 19.02.1993 № 4528-1 (редакция от 13.06.2023), «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ (редакция от 08.08.2024 (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.11.2024), «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ (редакция от 08.08.2024), иные федеральные законы, Указы Президента, постановления Правительства РФ и другие нормативно правовые акты. Данный перечень нормативно правовых актов в значительной степени обеспечили реализации цели и задач, миграционных правоотношений.

Здесь необходимо подчеркнуть, что миграционная политика – это комплекс мер, который направлен на контроль миграционных потоков и регулирование данного процесса с правовой точки зрения. Государственная граница и режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации являются важными аспектами национальной безопасности. В связи с этим законодательство РФ устанавливает определенные правила и требования для защиты границы и контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны.

Важно отметить, что с 23.06.2024 года вступил в силу нормы Федерального закона от 25.12.2023 N 648-ФЗ о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, в статьи 8, 16, 17 и 22 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»[4]. Данные изменения дают основания через подведомственное предприятие или уполномоченную организации, находящихся в ведении МВД России и уполномоченных организации регионов к оказанию содействия в предоставлении государственных услуг в сфере миграции. В частности, в приеме заявлений о регистрации иностранных граждан по месту жительства, уведомлений о прибытии иностранных граждан в место пребывания, а также в части приема документов, необходимых для регистрации иностранных граждан по месту жительства или для их постановки на учет по месту пребывания; также в приеме заявлений о выдаче паспорта и документов, необходимых для его оформления; в приеме заявлений об оформлении о выдаче продление срока действия и восстановлении виз; в проведении обязательной дактилоскопической регистрации иностранных граждан и их фотографировании, в оформлении и переоформлении патентов выдача разрешений на работу и др. Данные нововведения, несомненно, позволяют улучшить качество предоставления государственных услуг.

Кроме этого, 09.11.2024 года вступили в силу ряд Федеральных законов, которые вносят изменения в миграционную политику. Так, внесено изменение в пункт «а» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации Конфискация имущества, т.е. конфискации денег, ценностей и имущества, полученных при организации незаконной миграции статья 322.1 УК РФ. Организации незаконной миграции, совершенной организованной группой лиц или в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, отнесено к категории особо тяжких преступлений. В статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации также внесены изменения[5]. Статья 63 УК РФ Обстоятельства, отягчающие наказание внесено дополнительный пункт «совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации», т.е. признанием отягчающим обстоятельством совершение преступление лицом, которое на незаконных основаниях находился на территории Российской Федерации [6].

В часть 1 статьи 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» внесено

изменения пунктом 6.1 информация, содержащая предложения о предоставлении незаконных услуг в сфере миграции, а также о способах организации незаконной миграции [7]. В таком случае Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, будет принимать меры по ограничению доступа к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети "Интернет", на котором размещена распространяемая с нарушением закона информация.

Следует отметить, что также внесены изменения в статьи 15.1 и 15.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [8]. В соответствии с данными изменениями, правом проведения комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляют только государственные учреждения, включенные в перечень, утвержденным Правительством РФ. Необходимо заметить, что с 2025 года вводится новый правовой режим – режим высылки для иностранных граждан, не имеющих права законно находиться на территории РФ. Также вводится понятие контролируемого лица. В данном случае создается реестр контролируемых лиц и определяются меры государственного контроля (надзора) в сфере миграции в пределах правового режима высылки.

Правовой режим высылки подразумевает определенные ограничения и контроля со стороны государственных органов. А именно ограничения в реализации прав на приобретения движимого и недвижимого имущества, а также регистрация данного имущества в органах государства, учреждение и регистрация юридического лица, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, заключение брака, правом управления транспортными средствами и получение водительских прав, изменение места жительства и места пребывания без разрешения уполномоченных органов, выезд за пределы территории субъекта РФ, муниципального образования в котором проживает либо пребывает. Полагается, что цель данного правового режима состоит в том, что обеспечить их выезд из РФ или приобретения ими законных оснований нахождения на территории РФ. Следовательно, направить иностранного гражданина в устранение правонарушения в сфере миграционного законодательства в Российской Федерации.

Наряду с этим, принимать решение о выдворении и помещение в специальное учреждение иностранных граждан и лиц без гражданства будет осуществляться органом или должностным лицом, а также закрепили правила рассмотрений ходатайства о продлении срока содержания в специальных учреждениях. Важно отметить, что изменения коснулись не только иностранных граждан, но и натурализованных лиц, т. е. лица, которые добровольно приняты в гражданство Российской Федерации. Так, 08.08.2024 года была принята поправка в N 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [9] в

неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет, согласно которой прекращается приобретенное гражданство.

Стоит отметить, что несомненная важность этих изменений, в первую очередь, направлена на реализацию национальных интересов страны, то есть решения определённых проблем. Безусловно, необходимо совершенствовать миграционные механизмы, осуществлять строгий учет и контроль за перемещенными лицами с целью предотвращения нелегальной миграции.

Таким образом, анализируя изменения в миграционном законодательстве, стоит сделать вывод, что миграционная политика должна быть, прежде всего, сбалансировано с учетом геополитических интересов Российской Федерации.

В заключение следует сказать, что в Российской Федерации по данным МВД России на 01.09.2024 года численность иностранных граждан составила почти 6, 2 миллиона, которые состоят на миграционном учете. Иностранцы проживают на территории нашей страны по разным причинам. Ввиду экономической привлекательности для заработка денежных средств, состояние общественных отношений и уровень культуры в социальных взаимоотношениях. В силу различных конфликтов в их местах постоянного жительства, из-за различного рода экономического, экологического кризиса, низкого уровня жизни и др. Следовательно, система мер и механизмов, направленных на управление миграционными процессами, включая въезд, пребывание и выезд иностранных граждан являются важным аспектом в миграционной политике. Качественное миграционное регулирование позволяет государственным органам эффективно управлять миграционными потоками и соответственно обеспечивать безопасность общества и государства.

Таким образом, миграционная политика – это совокупность правил и норм, регулирующих порядок перемещения людей. Каждая страна разрабатывает свою миграционную политику с учетом социально-экономических, политических и иных факторов. Принимаемые государством комплексные меры направлены на контроль миграционных потоков и регулирование данного процесса с правовой точки зрения. Соответственно совершенствования миграционных механизмов в первую очередь осуществляются в интересах общества и государства. Следовательно, только так можно обеспечить безопасность и стабильность и защитить интересы государства и его граждан от незаконной миграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
2. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А.М.Прохоров. – М., 2001. – Кн. 1. – С.944.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., 1998. – С. 355.

4. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 N 109-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СПС «Консультант Плюс».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024). // СПС «Консультант Плюс».

7. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798.

8. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868.

9. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 N 138-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998.

10. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 N 114-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376.

CURRENT ASPECTS OF MIGRATION LEGISLATION IN RUSSIA

Useinov M.I.

In this scientific work, the author analyzed the legal acts regulating the stay of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation, taking into account new changes in migration legislation. The work begins with the general concept of migration. A number of legal acts in the field of migration policy have been studied. The analysis of the regime of stay and the new legal regime – the regime of expulsion is carried out, and the main changes in legislation in this area are highlighted. The author notes that at present, with the increased migration of the population of countries, and above all the labor force, many people are permanently or temporarily located in each country, and often settle. And the changes adopted are timely. And only in this way can security and stability be ensured on the territory of the Russian Federation and the interests of society and the state protected from illegal migration.

Keywords: constitution, migration, foreign citizen, stateless person, rights, obligations, freedoms, regime of stay, regime of expulsion.

УДК 343.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ С ИНЫМИ МЕРАМИ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Цапанова Светлана Сергеевна

Старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Владимир, РФ
SPIN-код 5443-9408

В статье рассматривается вопрос взаимодействия системы уголовных наказаний с иными мерами правового воздействия на стадии вынесения приговора суда, как в мирное, так и в военное время. Среди таких мер исследованы: условное осуждение, отсрочка от отбывания наказания, а также условно-досрочное освобождение и специфика их применения в условиях военного времени. В работе проанализирована статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в части касающейся практики применения судами иных мер правового воздействия и федеральное законодательство, предусматривающее особенности введения на территории Российской Федерации режима военного положения. На основании указанных данных проведена корреляция уголовных наказаний с иными уголовно-правовыми мерами в условиях военного времени. В заключении статьи сделаны выводы о эффективности внешнего взаимодействия системы уголовных наказаний в условиях военного времени с иными мерами уголовно-правового воздействия, а также о необходимости в рамках данного вопроса законодательной доработки уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: система, уголовное наказание, мера правового воздействия, взаимодействие, война, военное время, осужденные, условное осуждение, отсрочка, условно-досрочное освобождение.

Вопрос взаимодействия системы наказаний при вынесении приговора суда вызывает особый интерес, так как на данной стадии система уголовных наказаний коррелирует с иными мерами, применяемыми взамен их.

Так, при вынесении приговора суд вправе фактически заменить назначенное наказание путем применения условного осуждения или одного из видов отсрочки отбывания наказания. Данные меры являются наиболее распространенными, в связи с чем, заслуживают внимания как потенциально представляющие интерес в рамках нашего исследования.

Среди указанных мер наибольшим потенциалом обладает условное осуждение, о чем ярко свидетельствует его признание со стороны правоприменителя, законодателя и ученых. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации условное осуждение является одой из самых часто применяемых уголовно-правовых мер и по количественным показателям соперничает с лишением свободы на определенный срок значительно опережая другие виды наказаний и иные уголовно-правовые меры.

Так, за 2022 год условное осуждение было назначено в отношении 172797 лиц, от общего числа осужденных, лишение свободы на определенный срок – 182348, другие уголовные наказания вместе взятые составили 224639. Такие показатели наблюдаются на протяжении последних лет[1]. Отметим, что в 2003 году условное осуждение имело еще большую долю среди осужденных – 55,1 %, что составило 426 048 человек из 773 920 осужденных[2].

Данная мера уголовно-правового характера обладает значительным потенциалом, а некоторые ученые отмечают превосходящую карательную сущность данной уголовно-правовой меры над многими наказаниями, не связанными с изоляцией от общества. Такие утверждения не лишены оснований. Назначение условного осуждения должно отвечать целям исправления осужденного, в этих целях ч. 5 ст. 73 УК РФ предусматривает обязанности, которые суд может возложить на осужденного, при этом не сам список важен, а предусмотренное законодателем условие – суду предоставлена возможность возложения любых обязанностей, с единственным требованием, чтобы они способствовали исправлению условно осужденных.

Установив только одно требование, предъявляемое к обязанностям, законодатель предоставил суду фактически неограниченную свободу выбора при соблюдении единственно указанной цели. В результате суды вправе сами формулировать обязанность. Следует отметить, что сама формулировка обязанности, изложенная в приговоре или постановлении суда, и понимание ее по всем правилам русского языка имеют одно из первостепенных значений при определении порядка и критериев ее исполнения, а также привлечения к ответственности за нарушение обязанности[3, С. 12–16], [4, С. 8], [5, С. 26–27].

Таким образом, условия течения условного осуждения позволяют регулировать его режим в целях противодействия агрессии в отношении

страны. При этом сопоставление обязанностей условно осужденных и обязанностей, которые могут быть вменены в отношении законопослушных граждан в военное время, позволяет выделить ряд обязанностей, применение которых, на наш взгляд, является обязательным.

К таким обязанностям следует отнести:

-^о «не посещать места распития спиртных напитков», что сопоставимо с обязанностью, предусмотренной п. 4 ч. 2 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ;

- «трудоустроиться» «иметь постоянное место трудоустройства» – п. 6 ч. 2;

- «не менять место жительства без уведомления специализированного органа, осуществляющего контроль за условно осужденными» – п. 8 ч. 2;

- «не участвовать в собраниях, митингах и демонстрациях, шествиях и пикетированиях, а также иных массовых мероприятиях» – п. 9 и 10 ч. 2;

-^о «не покидать место проживания в ночное время» – п. 12 ч. 2.

Конечно, при этом необходимо учитывать возможные изменения и конкретизации формулировок обязанностей, мы лишь указали некоторые, используемые в деятельности судов. Их незначительное изменение в условиях введения военного положения позволит оптимизировать их для достижения целей военного положения. Таким образом, при принятии решения о применении условного осуждения в условиях военного времени суд может вменить исполнение осужденным обязанностей, реализация которых соответствует целям введения военного положения.

Кроме того, действующее законодательство предусматривает возможность изменения перечня обязанностей условно осужденных в период назначенной уголовно-правовой меры, что закреплено положениями ч. 7 ст. 73 УК РФ. Такая корректировка возможна в отношении данной категории осужденных и в целях достижения целей военного времени, что открывает возможности, например, привлечения большого числа осужденных к различного вида работам для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями.

Изложенное позволяет нам говорить о необходимости широкого применения таких обязанностей при назначении условного осуждения в военное время и обязательности дополнения ими установленного перечня обязанностей при ранее назначенном условном осуждении.

Отметим, что нормативное обеспечение такой возможности существует, однако, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на этом судом. Наиболее оптимальным способом является соответствующая регламентация в рамках постановления Пленума Верховного Суда России. Однако, существующее постановление Пленума Верховного Суда России от 22^о декабря 2015^о г. № 58[6] в данном случае

не является приемлемым, считаем, что в условиях военного положения должно быть разработано самостоятельное постановление.

Рассмотрение института условного осуждения и обязанностей, вменяемых к данной категории лиц, предполагает обращение и к институту условно-досрочного освобождения, которое обладает значительными сходствами с первым в части исполнения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 73 УК РФ суд может возложить обязанности, предусмотренные в отношении условно осужденных.

Отметим, что данная категория лиц не такая широкая, как условно осужденные, однако, она достаточно значительна. Так, в 2022 году условно-досрочно были освобождены 67666, в 2019 году – 45 387, в 2018 году – 49 292, в 2017 г. – 53 804, в 2016 году – 55 217, в 2015 году – 46 331[7]. Указанные статистические показатели свидетельствуют о широком применении условно-досрочного освобождения в судебной практике. Отметим, что ранее, например, в 2007 году данный институт права применялся значительно шире – 131 864 условно-досрочно освобожденный[8], что свидетельствует о его широком потенциале.

Таким образом, следует согласиться с ранее сделанным выводом о необходимости широкого применения вышеуказанных обязанностей к условно-досрочно освобожденным, аналогично, как и при условном осуждении. В связи с этим предлагаем аналогично ранее внесенному предложению не дополнять постановление Пленума Верховного Суда России от 21го апреля 2009го г. №8, а учесть выводы при разработке самостоятельного постановления, регулировавшего бы применение уголовно-правовых мер в условиях военного положения.

Аналогично условному осуждению при назначении уголовного наказания применению подлежат положения об отсрочке отбывания наказания. Несмотря на сходство механизмов их назначения существуют значительные различия в их сущностной характеристике. Если условное осуждение представляет собой поощрительный институт уголовного права, состоящий в неприменении назначенного наказания при условии соблюдения назначенных обязанностей, то отсрочка отбывания наказания применяется для достижения определенной цели, при этом следует помнить и о делении видов отсрочки отбывания наказания: в связи с беременностью и наличием малолетнего ребенка, а также в связи с заболеванием наркоманией, а следовательно, целей воспитания ребенка или излечения указанного заболевания.

Если первый вид отсрочки предусматривает воспитание детей, т. е. лиц, представляющих будущее страны, но второй нацелен на устранение пагубной привычки самого человека, во многом возникшей в связи с его слабостями. При таких обстоятельствах следует констатировать востребованность первого вида и отсутствие такового в условиях военного времени в отношении второго.

Действительно, отсрочка, обусловленная беременностью или наличием детей, способствует полноценному воспитанию нового поколения, т. е. будущего нации. Однако, следует констатировать, что адаптация данного вида уголовно-правовой меры невозможна к

условиям военного времени, привлечение осужденных возможно лишь в рамках мер, применение которых предусматривает применение правоограничений для достижения целей введения военного положения, в частности, принципа справедливости и целей уголовного наказания.

В свою очередь, отсрочка отбывания наказания в связи с заболеванием наркоманией, на наш взгляд, подлежит отмене в условиях военного времени, однако, сложность реализации данного мнения заставляет нас согласиться с применением данной категории осужденных в рамках вышеобозначенного варианта на основании указа Президента в соответствии со ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ[9].

Вместе с тем отметим, что реализация большого количества уголовно-правовых мер при рассматриваемых обстоятельствах сопровождается сложностями контроля в военное время по причине необходимости перераспределения ресурсов людских, материальных и т.°д., естественным ослаблением государственной власти в период войны, что влечет возможность совершения ими повторных преступлений. Кроме того, в части отсрочки отбывания наказания больным наркоманией на это необходимость исключения косвенно указывают и достаточно скромные результаты правоприменения данной уголовно-правовой меры: с момента ее введения в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ[10] ее реализуемость исчисляется лишь десятками раз[11].

Однако, разработка механизма, освоение которого придется на время военного положения, на наш взгляд, нецелесообразна в виду проявления дополнительных сложностей и путаницы правоприменителя, а следовательно, дополнительных временных затрат, что является непозволительной роскошью во время войны.

Анализ иных уголовно-правовых мер, нашедших достаточное применение: принудительные меры воспитательного воздействия и принудительные меры медицинского характера, – на наш взгляд, не могут быть адаптированы для достижения целей введения военного положения. Первые имеют целевую аудиторию несовершеннолетних, а вторые – лиц, страдающих психическими заболеваниями, привлечение которых не представляется целесообразным в условиях традиционной войны.

Конечно, кроме вышеобозначенных могут быть применены и другие уголовно-правовые меры, относящиеся к иным, однако мы не стали акцентировать на них внимание по причине незначительности объема их реализации или отсутствия привязки к исполнению наказания.

Анализ вопросов взаимодействия уголовных наказаний в системе иных мер правового воздействия позволил нам заключить ряд важных выводов.

Во-первых, внешнее взаимодействие системы уголовных наказаний в условиях военного времени наиболее эффективно может

сказаться при корреляции с иными мерами уголовно-правового воздействия для достижения поставленных целей.

Во-вторых, взаимодействие с институтом освобождения от уголовной ответственности в рамках рассматриваемого вопроса требует законодательной доработки уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что предполагает введение нового основания освобождения от уголовной ответственности – в связи с введением военного положения. Условием его применения должна являться служба в Вооруженных Силах Российской Федерации до окончания военного положения.

В-третьих, аналогичное должно быть введено основание освобождения от уголовного наказания с такими же условиями.

В-четвертых, применение наиболее распространенных иных мер: условного осуждения и условно-досрочного освобождения, – должно быть переориентировано для достижения целей введения военного положения, что позволяет сделать действующее законодательство путем возложения соответствующих дополнительных обязанностей.

В-пятых, следует акцентировать внимание Пленума Верховного Суда России на необходимость разработки постановления, посвященного вопросам назначения и исполнения уголовно-правовых мер в условиях введения военного положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2022 год: сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. : сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения 29.10.2024).

2. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2009 годы: сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=278> (дата обращения 24.10.2024).

3. Расторопов С.В., Звонов А.В. Об универсальности института условного осуждения как меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления // Уголов.-исполн. право. 2015. № 1.

4. Биктимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

5. Павлова А.А. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.

6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22^о декабря 2015^ог. №^о58 // Рос. газета, 2015, 29^одек.

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2015 года: эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения 22.10.2024) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 года : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения 24.10.2024) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 года : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 06.11.2024); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 11.10.2024) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 12.10.2024). Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 года: эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5658>(дата обращения 12.10.2024).

8. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2007 г: эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=847>(дата обращения 22.10.2024).

9. О военном положении: федер. конст. закон от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5. ст. 375.

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420 ФЗ // Рос. газ., 2011, 9 дек.

11. °Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2015 года: эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения 22.10.2024) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 года : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения 24.10.2024) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 года : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде

Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 06.11.2024) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 11.10.2024) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года : эл. ресурс. сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 12.10.2024).

INTERACTION OF CRIMINAL PENALTIES WITH OTHER LEGAL MEASURES IN WARTIME CONDITIONS

Tsapanova S.S.

The article examines the issue of interaction of the system of criminal penalties with other measures of legal influence at the stage of sentencing, both in peacetime and in wartime. Among such measures, probation, postponement from serving a sentence, as well as parole and the specifics of their application in wartime conditions have been studied. The paper analyzes the statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, in terms of the practice of applying other legal measures by courts and federal legislation providing for the specifics of the introduction of martial law on the territory of the Russian Federation. On the basis of these data, the correlation of criminal penalties with other criminal law measures in wartime conditions was carried out. In conclusion, the article draws conclusions about the effectiveness of the external interaction of the system of criminal penalties in wartime conditions with other measures of criminal legal influence, as well as the need for legislative refinement of criminal and criminal procedure legislation within the framework of this issue.

Keywords: system, criminal punishment, measure of legal impact, interaction, war, wartime, convicts, probation, postponement, parole.

УДК 343.811

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Чернышенко Евгения Валериевна

доцент кафедры уголовно исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета,

кандидат юридических наук, доцент,

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

В статье исследованы особенности правового механизма изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы, его структурные элементы, определены существующие на сегодняшний день проблемы нормативного регулирования и практической деятельности исправительных учреждений в данном направлении и предложены способы их устранения. На основе проведенного исследования сформулировано предложение по необходимости выработки единого перечня критериев оценки поведения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, с целью принятия решения об изменении условий отбывания наказания. Также автором отмечен ряд норм уголовно-исполнительного законодательства, касающихся вопросов изменения условий отбывания наказания, идущих в разрез с одним из базовых принципов – равенства осужденных перед законом, что обусловило предложение о необходимости их изменения.

Ключевые слова: условия отбывания наказания, лишение свободы, осужденные, прогрессивная система исполнения наказания, исправление осужденных, исправительные учреждения.

Исправление осужденных является одной из целей уголовно-исполнительного законодательства, определенных нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УИК РФ). Одной из форм достижения поставленной цели выступает прогрессивная система исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы [2, с. 170]. Такая система предполагает, что условия отбывания наказания, а также имеющийся объем правоограничений,

налагаемых на осужденного, изменяется в зависимости от его поведения и стремления к исправлению.

Данные официальной статистики показывают, что лишение свободы остается более часто применяемым видом уголовного наказания. Так, в 2023 год к лишению свободы было осуждено 164 702 человека [3], соответственно каждый 3 из числа привлеченных к уголовной ответственности. Показатели статистики свидетельствуют об актуальности вопроса исправления осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, так как значительная часть членов общества после отбывания наказания должна вернуться к нормальной жизни за пределами исправительных учреждений и быть готова к этим условиям. Следовательно, возникает закономерный вопрос оценки качества процесса исправления, который должен проявляться в определенных критериях, позволяющих сформировать представление о стремлении осужденного к правопослушному поведению, а также определить факторы, указывающие на необходимость применения дополнительных мер стимулирования в отношении конкретного осужденного. Одним из таких механизмов на сегодняшний день является перемещение осужденных в исправительных учреждениях из одних условий отбывания наказания в другие, которые имеют в своей сущности различный объем налагаемых правоограничений. Однако, нормы уголовно-исполнительного законодательства, касающиеся условий отбывания наказания в виде лишения свободы и их изменения, содержат в себе определенные недостатки, сказывающиеся на эффективности их реализации и приводят к несогласованности деятельности различных исправительных учреждений на территории Российской Федерации в указанном направлении.

Категория «правовой механизм» представляет собой общеправовой термин. В науке на сегодняшний день нет единства в понимании структуры и содержания данного явления, однако, анализ существующих точек зрения позволяет остановиться на наиболее распространенном и, на наш взгляд, объективном определении рассматриваемого понятия. Так, например, А.В. Мелехин, проводя анализ категории «механизм правового регулирования» по сути идентичного с термином «правовой механизм», раскрывая регулятивную функцию права, отмечал, что она заключается в государственном регулировании позитивного развития общественных отношений. Регулирование само по себе должно следовать в направлении закрепления в нормативных актах прав, свобод, обязанностей, правил оптимального функционирования общественной жизни, развития свобод и активности личности, установлении механизма, который обеспечивает эффективную реализацию правовых предписаний [4, с. 323]. То есть, по сути своей, любой правовой механизм должен обеспечивать закрепление правовых средств, направленных на упорядочение и обеспечение нормального функционирования тех или иных правоотношений. Такое понимание абсолютно справедливо, на наш взгляд, и для правоотношений, складывающихся по вопросу изменения условий отбывания наказания

осужденных в различных видах исправительных учреждений. Правовой механизм представляет собой определенную форму воздействия права на общественные отношения с использованием специальных юридических средств. И для каждого вида правоотношений такой набор средств будет индивидуален с учетом их специфики.

Вместе с тем, значимым фактором является именно позитивность такого воздействия права на те или иные правоотношения. Т.Р. Орехова считает, что такое регулирование должно быть направлено на достижение заранее определенного результата [5, с. 68]. Относительно правового механизма изменений условий отбывания наказания в виде лишения свободы, мы можем говорить о необходимости достижения уже обозначенной выше цели исправления осужденных, а также предупреждении совершения ими новых правонарушений.

Помимо сущности категории «правовой механизм», важно определить его структурные элементы. В данном направлении также сегодня в науке нет единства. Одни исследователи выделяют всего два элемента: собственно, сами нормы права и способы их реализации, то есть действия или бездействия субъектов. Другие же считают, что к уже указанным следует добавить юридические факты и правоотношения [6, с. 7]. Однако, наиболее часто можно встретить в юридической литературе четыре структурных элемента в механизме правового регулирования:

- юридические нормы;
- правоотношения;
- акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей;
- индивидуальные предписания, акты применения права [6, с. 8].

Взяв за основу представленную структуру правового механизма, рассмотрим ее относительно процесса изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы. Юридические нормы, содержащие непосредственно правовой механизм изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы, содержатся в положениях ст. 87, 120, 122, 124, 127, 130, 132 УИК РФ. В исправительных колониях общего, строгого и особого режима законодателем определены обычные, облегченные и строгие условия отбывания наказания. Для воспитательных колоний в дополнение к указанным еще функционируют льготные условия, что является их отличительной особенностью. Своей спецификой наделены и тюрьмы как вид исправительного учреждения, где установлены общий и строгий режимы, выполняющие, по сути, также функцию условий отбывания наказания.

Нормативно определен ряд формальных критериев, который учитывается при определении вида условий отбывания наказания в виде лишения свободы и их изменения. К таковым можно отнести установленный законом срок пребывания в определенных условиях, наличие у осужденного взысканий, то есть данные характеризующие его отношение к процессу отбывания наказания, отношение к труду. Интересно, что для осужденных в воспитательных колониях также

критерием выступает отношение к учебе, что не установлено для колоний общего, строгого и особого режима. А для тюрем и вообще установлен лишь критерий срока пребывания в строгом режиме для принятия решения о возможности перевода в общий.

Указанные критерии свидетельствуют об отсутствии единства в подходе к определению возможности перемещения осужденного из одних условий отбывания наказания в другие, что, на наш взгляд, является недопустимым и по сути обстоятельством, нарушающим один из базовых принципов уголовно-исполнительного законодательства – равенства осужденных перед законом (ст. 8 УИК РФ). С целью устранения данных противоречий считаем целесообразным привести к единообразию перечень критериев оценки поведения осужденного при рассмотрении вопроса изменения условий отбывания наказания. По сути, такое изменение может быть, как позитивным и направлено на улучшение условий, например, перевод осужденного из обычных в облегченные условия, со строгого режима в общий в тюрьме, так и негативным, то есть увеличивающим объем правоограничений, например, перевод из облегченных или обычных условий в строгие, из общего режима в строгий в тюрьме. Безусловно, нормативное закрепление перечня критериев оценки поведения осужденного в период отбывания наказания, не должно свидетельствовать о том, что в отношении тех категорий, для которых, в принципе, невозможно их установление в полном объеме по объективным причинам, приводит к отсутствию возможности реализации такого законного интереса, как, например, для инвалидов, которые по законодательству не обязаны трудиться, либо имеющих образование и не проходящих обучение в период отбывания наказания. Оценка поведения в каждом конкретном случае должна проводиться индивидуально с учетом особенностей личности осужденного, его правового статуса, при этом законодательно такой перечень критериев должен быть закреплен и выступать неким ориентиром для администрации исправительного учреждения. Считаем целесообразным включить такие компоненты, как: наличие неснятых и непогашенных взысканий, отношение к учебе и труду, отбытие определенного срока наказания в конкретных условиях.

Причем отдельные противоречия в правовом механизме изменения условий отбывания наказания находятся не только в целом в определении всего спектра рассмотренных критериев, но и в их соотношении. В частности, неясной остается ситуация, когда осужденный, не имеющий взысканий, положительно характеризующийся, осуществляющий трудовую деятельность в колонии строгого режима и содержащийся в строгих условиях не имеет возможности перевода в обычные до истечения установленного законом срока. На наш взгляд, в таких случаях законодательно должен быть предусмотрен механизм досрочного перевода, если все критерии кроме срока пребывания в строгих условиях, осужденным выполняются, и он поведением доказывает свое стремление к исправлению. в таком случае сохраняется сама сущность прогрессивной системы исполнения наказания в виде лишения свободы, а осужденные приобретают

дополнительный стимул к правопослушному поведению. В частности, такие ситуации возможны, когда осужденный, отбывающий наказание в колонии строгого режима допустил злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, в результате чего к нему была применена мера взыскания в виде водворения в штрафной изолятор и одновременно с этим он был признан злостным нарушителем и после отбывания меры взыскания переведен в строгие условия отбывания наказания. Досрочное снятие взыскания в виде водворения в штрафной изолятор возможно по истечении шести месяцев со дня его отбытия, а перевод из строгих условий в обычные в колонии строгого режима возможен лишь спустя девять месяцев пребывания в таких условиях. Следовательно, формально не имея взысканий осужденный продолжает содержаться в среде злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, и не смотря на все свои стремления к исправлению, подвергается, безусловно, негативному влиянию со стороны лиц, которые не проявляют предпосылок к правопослушному поведению.

Следующий структурный элемент правового механизма изменения условий правоотношения, которые складываются по данному поводу. По сути своей правоотношения представляют собой урегулированные правом и охраняемые государством отношения, участники которых наделены взаимными субъективными правами и юридическими обязанностями [7, с. 78]. В этой связи следует остановиться в первую очередь на субъектном составе правового механизма изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы. Во-первых, это, безусловно, осужденные, во-вторых, администрация конкретного исправительного учреждения. Нормы действующего законодательства определяют, что решение вопроса об изменении условий отбывания наказания принимается на заседаниях дисциплинарной комиссии учреждения, что зафиксировано в положениях приказа Минюста России от 29 ноября 2023 года № 354 «Об утверждении Типового положения о дисциплинарной комиссии исправительного учреждения» [8]. Председателем дисциплинарной комиссии является начальник исправительного учреждения, который включает в ее состав своих заместителей, сотрудников подразделений безопасности (режима и надзора), оперативного отдела (группы), отдела (группы) по воспитательной работе с осужденными, отдела (группы) специального учета, группы социальной защиты осужденных, центра трудовой адаптации осужденных, психологической лаборатории. Также в составе дисциплинарной комиссии по согласованию может быть представитель медицинской организации уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Свою специфику имеет состав для воспитательных колоний, в которых также в дисциплинарную комиссию включается директор образовательной организации, находящейся в ведении ФСИН России, и по согласованию директор профессиональной образовательной организации ФСИН России. Однако, круг субъектов правоотношений, складывающихся по вопросу изменения условий отбывания наказания в виде лишения

свободы, не ограничивается уже указанными лицами. В состав дисциплинарной комиссии также могут включаться представители органов местного самоуправления и общественных наблюдательных комиссий. Заинтересованность участия, например, представителей органов местного самоуправления в решении вопроса изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы является обоснованной в ситуации, когда осужденный переводится в облегченные или льготные условия и наделяется возможностью проживания за пределами исправительного учреждения, как раз в местах, определенных по согласованию администрации учреждения и органов местного самоуправления.

Также анализ складывающейся практики рассмотрения вопроса об изменении условий отбывания наказания свидетельствует о наличии таких субъектов данных правоотношений как начальник отряда и члены совета воспитателей отряда (далее – СВО), который функционирует в силу положений приказа Минюста России от 29 ноября 2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [9]. Так, например, вопрос о переводе осужденного из обычных в облегченные условия отбывания наказания в первую очередь будет рассмотрен на заседании СВО. По результатам такого заседания принимается решение поддержать осужденного или нет, то есть заслуживает ли он улучшения условий. Выписка из протокола заседания СВО прилагается к материалам, которые подготавливаются для проведения заседания дисциплинарной комиссии по решению вопроса изменения условий отбывания наказания. И хоть выводы членов СВО носят лишь рекомендательный характер и по сути не оказывают влияния на итоговое решение дисциплинарной комиссии, все же следует признать начальника отряда и членов СВО субъектами рассматриваемых нами правоотношений, ввиду того, что они также дают определенную ориентирующую информацию о поведении осужденного, которая в последствии рассматривается на заседании дисциплинарной комиссии и в совокупности с другими обстоятельствами и характеризующими данными идет в основу принимаемых решений.

Что же касается непосредственно круга прав и обязанностей перечисленных субъектов, они определены в положениях УИК РФ. Также значимым элементом правоотношений являются механизмы их защиты. В частности, законодателем предусмотрена возможность обжалования осужденными всех решений администрации исправительного учреждения как в вышестоящие органы, суд и контролирующие и надзирающие органы. Не является исключением и принятые решения относительно изменения условий отбывания наказания.

Следующим элементом правового механизма изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы выступают акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Данный

структурный элемент рассматриваемого нами правового механизма довольно интересно выстроен. Изменение условий отбывания наказания с одной стороны, если речь идет об их ухудшении для осужденного, связано с такой формой реализации как исполнение [10, с. 70], то есть, в случае, когда осужденный был признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, администрация исправительного учреждения обязана перевести его в строгие условия отбывания наказания на основании положений закона. С другой стороны, когда речь идет об улучшении условий отбывания наказания, например, переводе из обычных в облегченные условия, здесь следует вести речь о такой форме реализации как использование [10, с. 69]. Законодатель не обязывает администрацию исправительного учреждения осуществлять такой перевод для всех осужденных формально выполняющих закрепленные критерии, например, ч. 2 ст. 120 УИК РФ гласит, что при отсутствии взысканий, добросовестном отношении к труду и отбытии не менее шести месяцев в обычных условиях осужденный *может быть* переведен в облегченные условия. То есть за администрацией учреждения остается возможность выбора применения данной нормы. И в такой ситуации мы опять сталкиваемся с необходимостью четкого определения критериев оценки поведения осужденного для принятия решения об изменении условий отбывания наказания и нормативном закреплении все же обязанности за администрацией учреждения по улучшению условий в виду базового принципа уголовно-исполнительного законодательства – равенства осужденных перед законом.

Заключительным компонентом правового механизма изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы выступают индивидуальные предписания, акты применения права. К таковым на сегодняшний день относятся постановления о переводе осужденного из одних условий отбывания наказания в другие. Сам бланк постановления на сегодняшний день содержится в нормативных актах для служебного пользования и, к сожалению, его содержание не доступно для всеобщего ознакомления. Составляется данный документ в отношении каждого осужденного отдельно с обязательным его ознакомлением под роспись, а также приобщается к материалам личного дела.

Таким образом, нами рассмотрены особенности правового механизма изменения условий отбывания лишения свободы, который выступает эффективной формой реализации прогрессивной системы исполнения наказания. Изученный нами механизм в своей структуре содержит следующие элементы: юридические нормы, правоотношения, акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей, индивидуальные предписания, акты применения права. Проведенное исследование позволило нам прийти к выводам о необходимости разработки более четкой системы критериев оценки поведения осужденных для принятия решения вопроса об изменении условий отбывания наказания, что в свою очередь будет способствовать приведению к единообразию практики деятельности исправительных учреждений в данном вопросе, исключит вероятные факты нарушения

прав и законных интересов осужденных и злоупотреблений со стороны администрации учреждений. Следует отметить также значимость соотношения и анализа всей совокупности критериев оценки поведения осужденного при решении вопроса изменения условий отбывания наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 №1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

2. Евтушенко, И. И. Прогрессивная система исполнения наказаний: новый взгляд / И. И. Евтушенко // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9.

3. Судебная статистика за 2023 год // <https://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 16.12.2024).

4. Теория государства и права: учебник с учебно-методическими материалами (второе дополненное и переработанное издание). – М.: 2009.

5. Орехова, Т.Р. Понятие и формы правового воздействия на экономику / Т.Р. Орехова // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 2000. – № 1.

6. Скрипник, А. В. Механизм правового регулирования: его составные части и содержание / А. В. Скрипник // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 4(172).

7. Вопленко, Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация / Н. Н. Вопленко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2003. – № 6.

8. Об утверждении Типового положения о дисциплинарной комиссии исправительного учреждения: приказ Минюста России от 29.11.2023 № 354 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.11.2023 (дата обращения: 16.12.2024).

9. О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.11.2023 (дата обращения: 16.12.2024).

10. Мельников, С. А. К вопросу о формах реализации права / С. А. Мельников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6.

THE LEGAL MECHANISM FOR CHANGING THE CONDITIONS OF SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT

Chernyshenko E.V.

The article examines the features of the legal mechanism for changing the conditions of serving a custodial sentence, its structural elements, identifies the current problems of regulatory regulation and practical activities of correctional institutions in this area and suggests ways to eliminate them. On the basis of the conducted research, a proposal has been formulated on the need to develop a unified list of criteria for evaluating the behavior of convicts serving a custodial sentence in order to make a decision on changing the conditions of serving a sentence. The author also noted a number of norms of the penal enforcement legislation concerning the issues of changing the conditions of serving a sentence that run counter to one of the basic principles – equality of convicts before the law, which led to the proposal that they should be changed.

Keywords: conditions of serving a sentence, imprisonment, convicts, progressive system of execution of punishment, correction of convicts, correctional institutions.

Учредитель журнала: Тихонова Жанна Сергеевна, Ростовская область, Аксайский район, пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10,
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в СМИ: серия ПИ № ФС77-85701 от 21 июля 2023г.
Регистрирующий орган: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Издательство: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН: 615108078357
Адрес редакции: РОССИЯ, обл. РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10
Печатается в типографии: Издательство профессиональной прессы и литературы «Профпресслит», ИП Нефедов Д.В.
Адрес типографии: 344019 г. Ростов-на-Дону Мясникова ул, д 52/32,
E-mail: Nauka-pravo77@yandex.ru Сайт редакции: <https://academsfera.ru/>
Подписано в печать 05.12.2024г. Выход в свет 25.12. 2024г., 16,12 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 212-24/32. Цена свободная